

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№7 2021

Казань - 2021

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №7 2021г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2021. – 126.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № E11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – д.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
О.В. Чевела – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Л.В. Гурленова, Е.А. Габб</i> ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТЕХНИКА ПОЭТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТУАЛИЗМА	7
<i>Е.А. Жиндеева, Д.В. Кидалов, Т.В. Уткина</i> «РУССКИЙ РОМАН» П. В. БАСИНСКОГО КАК ПРИМЕР КОНТАМИНАЦИИ ЖАНРА	10
<i>А.О. Лукьянова, С.С. Терехова</i> ОБРАЗ ДОМА В ПОВЕСТИ Б. ПИЛЬНЯКА «ИВАН МОСКВА»	14
<i>Г.И. Модина</i> РЕЦЕПЦИЯ РАННЕЙ ПРОЗЫ ГЮСТАВА ФЛОБЕРА В РОССИИ	17
<i>И.Н. Новокрещенова</i> «СТАРШИЕ» И «МЛАДШИЕ» ПОЭТЫ-ЭМИГРАНТЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ РАЗДЕЛЕ ЖУРНАЛА «ЧИСЛА»	20
<i>А.В. Пучкова, С.С. Терехова</i> РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ «ВСЕЕДИНСТВА» В СБОРНИКЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА «COR ARDENS»	23
<i>Чжан Хуайминь</i> ТРАГИЧЕСКИЙ ПАЛИНГЕНЕЗ СУДЬБЫ - ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ПОВЕСТИ ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ «ВРЕМЯ НОЧЬ»	26

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, Р.Р. Юнусова, В.Д. Чистонов, В.А. Перминова, А.В. Зайнуллин, А.Р. Шафеева, Ф.Б. Рахматова, С.Р. Ханнанов</i> ВКЛАД В РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОЙ И СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ПРОФЕССОРА, ПИСАТЕЛЯ, РЕКТОРА БГМИ (1965—1973 ГГ.) З.А. ИХСАНОВА	29
<i>А.В. Липатова</i> ПОЗИТИВНАЯ И НЕГАТИВНАЯ МОДУЛЯЦИЯ МЕДИАОБРАЗА РУКОВОДИТЕЛЯ НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ	32

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Л.В. Бронник</i> ДИНАМИКА КОНЦЕПТОВ «ПРИВИВОЧНИК» И «АНТИПРИВИВОЧНИК» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ	35
<i>З.М. Дударева, С.В. Минибаева, А.В. Кривицкая</i> РЕГИОНИМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИДИОСТИЛИЯ ГОРОДА	38
<i>Д.Б. Луговой, Е.А. Луговая</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «КАВКАЗСКОГО ТЕКСТА»	41
<i>О.О. Петрова</i> О СИНКРЕТИЗМЕ МЕТОНИМИИ И АНАЛОГИИ	44
<i>П.А. Якимов</i> АГИОАНТРОПОНИМЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ	47

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>О.М. Адаева, А.С. Сидоренко</i> ОСОБЕННОСТИ ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ И ПЛАНА ВЫРАЖЕНИЯ ПАРЕНТЕЗ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	50
<i>Ю.Н. Зинцова, Д.А. Наследникова</i> ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ <i>TWITTER</i>	53
<i>С.Г. Ларина, О.Н. Поддубская, А.В. Сахарова</i> ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА АНГЛОЯЗЫЧНОГО РЕКЛАМНОГО СЛОГАНА	57

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Л.В. Ахметшина</i> МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА	60
<i>Е.В. Белова, В.В. Неборская, Н.Н. Черкасская</i> ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНОГО ИЗВИНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	63
<i>С.С. Белокурова, А.М. Зинина</i> РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ЧЭНЬЮЙ КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ	66
<i>Д.А. Беляева, Ю.Н. Синицына</i> К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ СТУПЕНИ ОБРАЗОВАНИЯ	69
<i>Г.В. Галавова, Л.Р. Закирова</i> АНГЛИЦИЗМЫ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ СПОРТИВНОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ ФИТНЕСА)	72
<i>Д.Р. Гилязова</i> КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ В ТЕКСТАХ	75
<i>Л.Г. Гилязова, Р.Ф. Фаттахова</i> МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В ШКОЛЕ	78
<i>А.Н. Гуров</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД КАК НЕПРЕОДОЛИМОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ ДЛЯ НЕЙРОСЕТЕЙ	81
<i>Г.З. Дарзаманова</i> СЕМАНТИКА РУССКИХ, ТАТАРСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЙ С АНТРОПОНИМАМИ	84
<i>Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова</i> АББРЕВИАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЯ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	87
<i>Л.В. Кузнецова</i> КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ	90
<i>О.В. Кумуржи</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ФОНЕТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РУССКОГО И НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКОВ	93
<i>К.М. Миннуллин, И.И. Сабитова</i> ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОМАТИЗМОВ В ТАТАРСКИХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ	96
<i>А.Л. Мирзагитова, И.Г. Мухаметгалиев, Л.А. Фардетдинова</i> СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ НЕНОРМАТИВНЫХ ЭТНОНИМОВ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ	100
<i>Г.А. Натуральнова, С.В. Богдашкина, С.Н. Маскаева, Т.А. Кабаева</i> ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ ШОКШАНСКИХ ГОВОРОВ	103
<i>Ю.А. Петренко</i> МЕХАНИЗМЫ ДИСКУРСИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ АВТОРА ОТЗЫВА	107
<i>Е.Ю. Семушина, Э.И. Муртазина</i> СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ОККАЗИОНАЛЬНОГО НАСЫЩЕНИЯ КОНТЕКСТА С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	114
АННОТАЦИИ	117

THE RELEASE MAINTENANCE

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

<i>L.V. Gurlenova, E.A. Gabb</i> VISUALIZATION AS AN ARTISTIC TECHNIQUE OF POETIC CONCEPTUALISM	7
<i>E.A. Zhindeeva, D.V. Kidalov, T.V. Utkina</i> «RUSSIAN NOVEL» P.V. BASINSKY AS AN EXAMPLE OF GENRE CONTAMINATION	10
<i>A.O. Lukyanova, S.S. Terekhova</i> THE IMAGE OF THE «HOUSE» IN THE STORY BY B. PILNYAK «IVAN MOSCOW»	14
<i>G.I. Modina</i> THE RECEPTION OF FLAUBERT'S EARLY WORKS IN RUSSIA	17
<i>I.N. Novokreschenova</i> «OLDER» AND «YOUNGER» EMIGRANT POETS IN THE POETRY SECTION OF THE MAGAZINE «NUMBERS»	20
<i>A.V. Puchkova, S.S. Terekhova</i> THE REALIZATION OF THE CONCEPT OF «ALL-UNITY» IN THE COLLECTION OF VYACHESLAV IVANOV «COR ARDENS»	23
<i>H. Zhang</i> TRAGIC REINCARNATION OF FATE - STUDY OF TRAGIC CONSCIOUSNESS OF FICTION «THE TIME: NIGHT»	26

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, R.R. Yunusov, V.D. Chistonov, V.A. Perminova, A.V. Zainullin, A.R. Shafeeva, F.B. Rakhmatova, S.R. Hannanov</i> CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF MEDICAL AND SPORT JOURNALISM OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN PROFESSOR, WRITER, BHMI RECTOR (1965-1973) Z.A. IKHSANOVA	29
<i>A.V. Lipatova</i> POSITIVE AND NEGATIVE MODULATION OF THE LEADER'S MEDIA IMAGE ON THE PAGES OF THE SOVIET PRESS	32

10.02.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>L.V. Bronnik</i> THE DYNAMICS OF CONCEPTS «VACCINATION ACTIVIST» AND «ANTIVACCINATION ACTIVIST» IN THE RUSSIAN DISCOURSE: COGNITIVE-SYNERGETIC MODELLING	35
<i>Z.M. Dudareva, S.V. Minibaeva, A.V. Krivitskaya</i> REGION NAMES AS A LINGUISTIC COMPONENT OF THE CITY'S IDIOSTYLE	38
<i>D.B. Lugovoy, E.A. Lugovaya</i> LINGUOCULTUROLOGICAL POTENTIAL OF THE «CAUCASIAN TEXT»	41
<i>O.O. Petrova</i> ON SYNCRETISM METONYMY AND ANALOGY	44
<i>P.A. Yakimov</i> AGIOANTROPONYMS IN RUSSIAN POETRY	47

10.02.04 – PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>O.M. Adaeva, A.S. Sidorenko</i> PECULIARITIES OF EXPRESSION PLANE AND CONTENT PLANE OF PARENTHESES USED IN THE ENGLISH LITERARY TEXT	50
<i>Yu.N. Zintsova, D.A. Naslednikova</i> LANGUAGE FEATURES OF GERMAN INTERNET DISCOURSE ON THE EXAMPLE OF THE SOCIAL NETWORK <i>TWITTER</i>	53
<i>S.G. Larina, O.N. Poddubskaya, A.V. Sakharova</i> EXPRESSIVE MEANS OF THE ENGLISH-LANGUAGE ADVERTISING SLOGAN	57

10.02.19 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>L.V. Akhmetshina</i> MORPHOLOGICAL INTERFERENCE OF ENGLISH, RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES IN THE CONDITIONS OF BILINGUISM	60
<i>E.V. Belova, V.V. Neborskaya, N.N. Cherkasskaya</i> PECULIARITIES OF PUBLIC APOLOGY IN POLITICAL DISCOURSE	63
<i>S.S. Belokurova, A.M. Zinina</i> THE ROLE OF LEARNING CHENGYUI AS A FACTOR OF FORMATION OF SOCIOCULTURAL COMPETENCE IN TEACHING CHINESE IN UNIVERSITY	66
<i>D.A. Belyaeva, Yu.N. Sinitsyna</i> ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE IN PRIMARY SCHOOL	69
<i>G.V. Galavova, L.R. Zakirova</i> ENGLISH IN THE TATAR LANGUAGE AS A METHOD OF REPLENISHING SPORTS VOCABULARY (ON THE EXAMPLE OF FITNESS)	72
<i>D.R. Giliyazova</i> CONFLICTOGENIC LANGUAGE MARKERS IN TEXTS	75
<i>L.G. Gilyazova, R.F. Fattakhova</i> METHODS OF STUDYING THE VERB TENSE CATEGORY AT SCHOOL	78
<i>A.N. Gurov</i> LITERARY TRANSLATION AS AN INSURMOUNTABLE OBSTACLE FOR NEURAL NETWORKS	81
<i>G.Z. Darzamanova</i> SEMANTICS OF RUSSIAN, TATAR AND ENGLISH PAREMIAS WITH ANTHROPONYMS	84
<i>N.G. Ivanova, A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova</i> ABBREVIATIONS AND SHORTENINGS AS A WORD FORMATION METHOD IN MODERN ENGLISH	87
<i>L.V. Kuznetsova</i> THE DISCURSIVE CONSTRUCTION OF THE PRAGMATIC SITUATION OF DECISION MAKING IN PARLIAMENTARY DISCOURSE	90
<i>O.V. Koumourzi</i> FUNCTIONAL AND LINGUO-DIDACTIC PARAMETERS OF THE PHONETIC DISCOURSE OF THE RUSSIAN AND MODERN GREEK LANGUAGES	93
<i>K.M. Minnullin, I.I. Sabitova</i> FEATURES OF USE OF SOMATISMS IN TATAR LYRIC SONGS	96
<i>A.L. Mirzagitova, I.G. Mukhametgaliev, L.A. Fardetdinova</i> THE SOCIO-NORMATIVE COMPONENT OF NON-NORMATIVE ETHNONYMS AS A MEANS OF EXPRESSING VERBAL AGGRESSION	100
<i>G.A. Naturalnova, S.V. Bogdashkina, S.N. Maskaeva, T.A. Kabaeva</i> DIALECT DICTIONARY AS A SOURCE FOR STUDYING THE LEXICAL CHARACTERISTICS OF SHOKSHA DIALECTS	103
<i>Y.A. Petrenko</i> MECHANISMS OF DISCURSIVE IDENTIFICATION OF THE AUTHOR'S REVIEW	107
<i>E.Y. Semushina, E.I. Murtazina</i> WAYS OF TRANSFERRING OCCASIONAL SATURATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS FROM RUSSIAN INTO ENGLISH	114
ABSTRACTS	117

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Л.В. Гурленова, Е.А. Габб

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Институт культуры и искусства,
Кафедра культурологии и педагогической антропологии,
Сыктывкар, GurlenovaLV@syktsu.ru

**ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТЕХНИКА
ПОЭТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТУАЛИЗМА**

В работе представлены результаты исследования техники визуализации, проведенного с привлечением художественных текстов и статей поэтов-концептуалистов. Анализируется также исторический аспект техники визуализации. Рассматриваются трактовки названного понятия.

Ключевые слова: *визуальная поэзия, техника визуализации, поэзия концептуалистов.*

Техника визуализации является, пожалуй, одной из самых укоренившихся в русской литературе. Традиция облачения текста в определенную визуальную форму активно развивалась на протяжении веков в творчестве представителей самых разных литературных направлений. Наибольшее развитие техника визуализации получает в XX веке в деятельности футуристов. Ю. Гик отмечает, что визуальная поэзия начинает активно развиваться в творчестве Давида Бурлюка, Велимира Хлебникова, Алексея Крученых, а также Ольги Розановой, Ильи Зданевича и Игоря Терентьева [5, с. 13]. По мнению С. Сигей, именно В. Хлебников и А. Крученых «указали путь к созданию визуальной поэзии» [9].

С. Сигей отмечает важность различения понятий «визуализация стиха» и «визуальная поэзия». Визуализация, отраженная в творчестве Д. Бурлюка, В. Каменского, И. Зданевича, не создает единое произведение из сочетания вербальных и невербальных компонентов. Подобный текст не воспринимается в своем единстве, читатель видит слова и изображение, но не видит их взаимодействия. Для поэта, визуализирующего стих, важнее не лингвистическая составляющая, а графическая. Визуальная же поэзия – это гармоничное сочетание вербального и невербального, когда «поэты превращаются в художников, но создают при этом стихи» [9].

Говоря о технике визуализации как широком понятии, мы определяем ее как сочетание словесного и изобразительного искусства, вне зависимости от того, достигается в тексте единство формы и содержания или нет. Приоритетным для нас является анализ самого способа их взаимодействия (или его отсутствия). Визуальная поэзия рассматривается в статье как результат применения техники визуализации.

Ю. Гик определяет визуальную поэзию как «конгломерат явлений, связанных как с вербальными, так и с невербальными видами творчества» [5, с. 12]. Важным становится не только словесный текст, но и способ его оформления на странице, привычная запись стихотворения столбиком заменяется разными экспериментами. Е.С. Аникеева утверждает, что акцент в визуальной поэзии смещается в сторону изобразительности, в связи с этим словесный текст «перестает быть информационным центром» и становится в один ряд с визуальным образом [1, с. 14].

Сергей Бирюков, рассуждая о визуальной поэзии, приходит к выводу о «преувеличении поэзией собственных прав» [2]. Техника визуализации явилась способом обогащения поэзии новыми смыслами. Поэзия раздвинула границы своего привычного существования, включив в поле своей деятельности арсенал новых приемов.

Визуальная поэзия представлена в концептуализме в различных вариантах. Концептуалисты уделяли внимание книжному оформлению текста, написанию буквы, визуальной структуре стихотворения. Целью данной техники была работа не с языковыми формами, а со способами их восприятия.

Важную концептуалисты роль отводили книжному оформлению текста. Е. Бобринская объясняет это тем, что книга являлась для них «символическим хранилищем языка», свидетельством существующих языковых форм [3]. Т. Грауз добавляет к этому, что концептуалисты стремились «вернуть книге уникальность и оригинальность», а соединение текста и изображения символизируют «единство мира» [6]. Книга была предметом для различных манипуляций, во время ее создания и после. Книги в руках концептуалистов приобретали самые экспериментальные формы.

Так, особый интерес представляет «Пещеристое тело лю-и» А. Монастырского [7]. Этот текст оформлен на бумаге и представляет собой сочетание самых разных элементов: наклеенных поверх текста цветных изображений; текста, написанного на фотографии; аппликаций; фотографий, наклеенных одна на другую; проволоки и кнопок и следов от них. Сам текст написан крупным, четким, простым геометрическим шрифтом и расположен по вертикали и по горизонтали. Рукописный текст сопровождается печатным, который содержит научную информацию. Подобное книжное оформление напрямую соотносится с техникой коллажа, на каждом книжном развороте читатель наблюдает сочетание художественного и научного текста, документальной и художественной фотографии и множество других разнородных соединений. Такая книга предполагает не только визуальное, но и тактильное изучение, изменение вида книги самим читателем, ведь кнопки можно переместить (видны следы от них на разных страницах), а значки и аппликации переклеить. Благодаря такому книжному оформлению каждый читатель становится творцом собственного текста, а текст - открытым для изменений.

Еще одним ярким результатом эксперимента с книжным оформлением являются «Избранные стихи» в двух томах (Р. и В. Герловины), представленные в формате не традиционной книги, а как бы в разложенном виде [4]. По бокам находятся обложки, обтянутые тканью, а посередине ячейки, в которые зашиты разные предметы с бирками, которые и являются текстом, стихами. По словам авторов, эти стихи «написаны» «телесным» языком. Словесное воплощение в этом арт-объекте получили название книги и стихотворения, в нее помещенные. Книга оформлена с двух сторон, на одной стороне то, что названо первым томом - на русском языке, на другой - втором том, на английском. Предметы прощупываются с двух сторон - содержание у томов одинаковое, а названия предметов имеют абсолютно разные значения. «Предмет меняет свое назначение в жизни в зависимости от позиции, с которой мы подходим к нему, как в бытовом, так и в философском смысле», - комментируют Р. и В. Герловины данную концепцию [4].

Еще один способ визуализации словесного текста - изменение визуальной структуры стиха. Автор нарушает традиционное оформление стихотворения, текст может свободно размещаться в существующем пространстве. Примером могут служить стихограммы Д. Пригова. Они часто становятся предметом изучения исследователей, т.к. представляют в рамках концептуализма довольно самобытную форму репрезентации текста. С. Хэнсен относит «стихограммы» Пригова к технике перформанса [10], однако более уместным будет говорить о технике визуализации.

Сам Д. Пригов указывает на неотъемлемую визуальность стихограмм: «Возникающие в результате этого градиация тональности и графические построения делают возможным воспринимать их и как произведения изобразительного искусства» [8]. Поэт объясняет причины появления подобного жанра: «...задачей моей была не изобразительность, а стремление найти формулу структуры книги, понять сюжет как мотив, побуждающий перевернуть страницу и заглянуть на следующую» [8]. В стихограммах Пригова строки могут налезать друг на друга, буквы смешиваться вплоть до невозможности прочитать напечатанное, слова могут переходить из одного в другое. В качестве словесного материала

используется, как правило, язык советской эпохи. В стихограммах реализуется принцип деконструкции, борьба с тотальностью довлеющей над человеком структуры.

Например, в стихограмме «Пятое мая давно и заслуженно причислено...» фрагменты текста визуально располагаются в виде наложенных друг на друга треугольников, прочитать этот текст полностью невозможно, т.к. он в самой узкой части фигуры стирается, строки сливаются, читатель довольствуется лишь небольшими отрезками текста, которые невозможно связать между собой. Пригов разрушает целостность текста, коммуникативную связь между текстом и его получателем.

Одна из стихограмм образуется многократным повторением двух фраз: «Дважды два – четыре, товарищи!» и «Трижды три – девять, товарищи!». По мере формирования текста разрушается не только структура и последовательность расстановки предложений (к концу буквы и строки сливаются), но и структура и последовательность слов («Дважды рици товарищи товарищи»; «Трижоварищи товарищи товарищи»). Создается ощущение долгого проговаривания текста вплоть до утраты смысла произносимого. Утраченное значение слов и предложений влечет за собой разрушение самой их оболочки.

Характерно, что техника визуализации в границах одного текста не существует изолированно от других техник. Так, нередко она дополняется перформансом и коллажем, что отражает активность эксперимента в концептуальной поэзии по деконструкции текста и объединение для этой цели множественности форм и приемов.

Список литературы

1. Аникеева Е.С. Визуальная поэзия как интермедиаальный текстовый феномен // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. №2 (54). С. 14-18.
2. Бирюков С. Визуальная поэзия в России // Черновик. 1998. №12. URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=9683> [Дата обращения: 17.06.2021].
3. Бобринская Е.А. Концептуализм. М.: Галарт, 1994. [Электронный ресурс]. URL: <http://conceptualism.letov.ru/Bobrinskaya-conceptualism.pdf> [Дата обращения: 17.06.2021].
4. Герловины Р. и В. Избранные стихи в двух томах, 1978-82 // Сайт RIMMA GERLOVINA * VALERIY GERLOVIN. URL: http://www.gerlovin.com/writing_joint_work5.htm [Дата обращения: 16.06.2021].
5. Гик Ю. Визуальная поэзия в России // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. №8-3. С.12-18.
6. Грауз Т. Слово. Буква. Образ. О визуальном в поэзии // Дискурс URL: <https://discours.io/articles/theory/slovo-bukva-obraz-o-vizualnom-v-poezii> [Дата обращения: 01.06.2021].
7. Пещеристое тело лю-и: Книга Андрея Монастырского // Сайт Московский концептуализм. URL: <http://conceptualism.letov.ru/Pescheristoe-telo-lubvi/index.html> [Дата обращения: 07.06.2021].
8. Пригов Д. Стихограммы // Paris: "А — Я". 1985. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prigov5.html> [Дата обращения: 11.06.2021].
9. Сигей С. Краткая история визуальной поэзии в России // Воум. 1992. № 1 (2). URL: <http://www.screen.ru/vadvad/Vadvad/Arp/Visual/ssigey.htm> [Дата обращения: 01.06.2021].
10. Хэнсен С. Поэтический перформанс: Письмо и голос // Сайт ВикиЧтение. URL: <https://lit.wikireading.ru/47567> [Дата обращения: 17.06.2021].

*10.01.01***Е.А. Жиндеева д-р филол. наук, Д.В. Кидалов, Т.В. Уткина канд. педагог. наук**

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева,
филологический факультет,
кафедра литературы и методики обучения литературе,
Саранск, jindeeva@mail.ru

«РУССКИЙ РОМАН» П. В. БАСИНСКОГО КАК ПРИМЕР КОНТАМИНАЦИИ ЖАНРА

В статье представлены результаты изучения процесса контаминации жанра романа в современной русской литературе. На основе ценностного анализе романа В. П. Басинского «Русский роман, или Жизнь и приключения Джона Половинкина» доказано стремление автора при описании повседневности трансцендентной силы наряду с исключительностью чувств главных героев не просто воспроизвести ряд закономерностей развития российского общества, но воссоздать ментально близкую читателю историю в режиме интерполяции жанровых версификаций романного искусства в России. При этом нами впервые сформулирована позиция писателя относительно процесса контаминации жанра романа как одного из ведущих в отечественной литературе.

Ключевые слова: жанровая модификация, контаминация, интерполяция; трансцендентность.

В последнее время в литературном процессе наблюдается так называемый жанровый перелом, сформировавшийся в условиях глобального масс-культурного прогресса и тем самым пробуждающего интереса у писательской среды к различным контаминациям жанровых форм. Классическое построение сюжетной канвы в каноническом романе постепенно переосмысливается и своевременно уходит на второй план, уступая место авторским жанровым определениям собственных произведений. По нашему мнению, влечение к скрещиванию и смешиванию литературных жанров и стилей обусловлено разрабатываемыми стратегиями создания художественного целого, возможность введения которых в круг читательских интересов связано с потерей интереса у современного обывателя к чтению классической литературы. Поэтому современные писатели предпочитают создать новый «интригующий» жанр, позволяющий не просто заинтересовать читателей, но и получить финансовую выгоду от распространения издания. Таким образом, с большим сожалением можно констатировать факт перехода современного автора художественных произведений из ниши деятелей искусства, обладающего призванием и талантом, в раздел профессионального получателя средств к существованию. Творческое вдохновение же порой откровенно заменяется технологиями написания художественного произведения. В связи с этим, **целью** нашего исследования является описание на примере анализа «Русского романа, или Жизнь и приключения Джона Половинкина» П. В. Басинского процесса контаминации жанра романа как одного из ведущих в отечественной литературе.

Обращаясь к анализу сегодняшнего состояния русской прозы, мы вынуждены констатировать, что она, с одной стороны, самобытна и самостоятельна, а с другой – пирамидальна, многослойна и отчасти носит импровизационный характер. Откуда и возникает тяготение к разрушению традиционного построения романа как ведущего прозаического жанра, поиск новых стилей и жанровых моделей повествования, которые способны заинтересовать искушенного российского читателя, или, наоборот, привлечь к знакомству с современным образцом издательской промышленности наивного читателя, плохо знакомого с литературой как искусством слова, признающего за художественным текстом только его развлекательную функцию.

Отчасти все жанровые колебания связаны с эволюцией литературного процесса в целом. Учитывая, что две генеральные линии «реализм», «постмодернизм» в настоящее время подлежат не только описанию, но и частично заменены гипотезой о постреализме (Н. Липовецкий [7]), рассмотрим синтетические романские конструкции, позволяющие в таком ключе анализировать образцы современной литературы. Частично эту проблему мы уже затрагивали в ряде публикаций [4], [5], [6] при анализе прозаических образцов Ю. Мамлеева, М. Елизарова. Например, Н. Иванова и вовсе назвала его «черной сказкой для взрослых» [3, с. 192]. Нечто подобное мы можем обнаружить в литературоведческих комментариях относительно следующих образцов современной прозы: «Роман» В. Сорокина, «Черный ящик» В. Зуева, проза Л. Петрушевской, А. Матвеевой, В. Шарова, Б. Акунина, Д. Быкова, А. Иванова и т.д.

Одним из современных авторов, работающих с жанром романа, является П. В. Басинский, известный так же широкому кругу любителей и специалистов в области литературы как литературовед, литературный критик, журналист, прозаик. Особенно популярны его филологические романы «Лев Толстой. Бегство из рая», «Горький. Страсти по Максиму», а в 2008 году он публикует роман под названием «Русский роман, или Жизнь и приключения Джона Половинкина», который изначально задумывался как монографическое исследование о русском романе, однако претерпел значительные правки и переиздавался дважды. Последняя публикация рукописи, датируемая 2011 годом, носит название «Полуденный бес». И если первоначальный вариант заглавия произведения содержал четкое указание на объект авторского интереса – русский роман, то в последующей редакции обозначается лишь реминисцентный намек на классические изыскания русских писателей – предшественников П. В. Басинского (в первую очередь, Ф. М. Достоевского «Бесы», Ф. К. Сологуба «Мелкий бес» и т.п.). А поскольку специфика произведения заключается, прежде всего, в авторском замысле изображения нюансов психологии личности как результата влияния института власти, то его структурное содержание и стилистическое решение прямо указывают на невозможность точного определения жанра книги.

Между тем, авторское определение произведения «русский роман», которое образует сюжетный стержень, создает интригу и может послужить ключом к пониманию текста. П. В. Басинский намекает на то, что перед нами книга о судьбе и главных вопросах, занимаемых русского человека в истории Российского государства, и старается осмыслить ход истории в целом.

Ввиду присутствия признаков различных жанров в данном повествовании, дать точное определение понятию «русский роман» с позиций авторской идентификации весьма затруднительно. На первый взгляд, основная сюжетная линия произведения выстроена на трансляции судьбы Джона Половинкина, родившегося в семье священника в СССР, но воспитанного в США и прилетевшего из Америки на родину в переломный для России момент – период развала СССР в 1991 году, и разворачивающегося, на фоне охватываемых исторических эпох. Тем не менее, архитектура романа совсем проста. Драматизм личностных отношений, перипетия жизненных обстоятельств конкретного человека здесь нелегко вычленимы из круговорота событий.

Привлечение в качестве характеризующих составляющих общественного развития, нравов и действий определенного круга людей, культурологически маркированным обращением к теме Вавилона, на наш взгляд, является несомненным успехом автора. С одной стороны, писатель напоминает читателю финал существования Вавилона, с другой, – интерполирует ее на историю Лэндландии, получая «квазиотупию», лишь подчеркивающую миф об идеальном мире и идеальном герое. Устами рассказчика, Басинский наводит читателя на мысль о том, что «не будет России – и ничего не будет. Весь мир сойдет с ума» [1, с. 228].

Ко всему вышеперечисленному в текст романа искусно вкрапляется детективное расследование (вперемешку с мистикой) убийства Елизаветы Половинкиной, матери главного героя, которым занимается капитан милиции Максим Максимыч Соколов, практически заимствованный из «Героя нашего времени» Лермонтова и серьезно

напоминающий героя рассказа М. А. Шолохова «Судьба человека». В ходе расследования выясняется, что под подозрения попадают: заслуженный учитель физкультуры Гнеушев, следователь прокуратуры Палисадов и бывший моряк Воробьев. На фоне всех описываемых событий развивается и love story в стилизации Набоковской «Лолиты» и Тургеневской «Аси» между Джоном Половинкиным и Анной Чагиной. В значительной степени обилие реминисценций и аллюзий указывает на то, что автор исследуемого произведения ставит перед собой цель – создать своеобразный путеводитель по русской литературе, ее теории и истории. Отсюда и значительное количество отсылок к названиям произведений известных классиков: «После бала» (Л. Н. Толстой), «Путешествие из Петербурга в Москву» (А. Н. Радищев), «Три мушкетера» (А. Дюма), «Преступление и наказание» (Ф. М. Достоевский). Однако ценностные поиски заводят П. В. Басинского в тупик, о чем собственно свидетельствует его вывод: «Ах, читатель! Что понимаешь ты в законах романа, да еще и русского романа, самого незаконного из всех романов?» [1, с. 444]. И действительно, роман, который по своей структуре и авторской задумке представляет собой политический квест, некий увлекательный детективный пазл, бросает читателю вызов, вступив с ним в игру, и, одновременно с этим «проверяет» его на знание русской литературы и истории Российского государства. Такое доверительно отношение к читателю позволяет сделать вывод о стремлении автора при описании повседневности трансцендентной силы наряду с исключительностью чувств главных героев не просто воспроизвести ряд закономерностей развития российского общества, но воссоздать ментально близкую читателю историю. Доказательством тому являются и финальные строки романа: «Вы думаете, Россия так безнадежна? / Пожалуй, нет... В Россию можно только верить» [1, с. 81]. Мы уверены, что стоит поверить и Басинскому, что у него получится реанимировать настоящий русский роман, в самом что ни на есть его классическом виде.

Таким образом, рассматривая произведение П. В. Басинского «Русский роман, или Жизнь и приключения Джона Половинкина», его редакцию под названием «Полуденный бес» можно констатировать попытку автора возродить русский классический роман как жанр литературы с его философским наполнением. При этом вынесенная в название сильная позиция жанрообразования позволяет, с одной стороны, идентифицировать авторские поиски, с другой – констатировать позицию писателя относительно процесса контаминации жанра романа как одного из ведущих в отечественной литературе. С точки зрения серьезного литературоведа, каковым и является П. В. Басинский, роман в русской литературе сегодня не нуждается в дополнительных маркерах в форме авторского уточнения к жанру текста, он настолько синтетичен, что точной видовой парадигматике не подвластен. Контаминационные процессы, которым подвержен такой текст, имеют генетическую основу и должны быть учтены автором в содержании произведения. От читателя они требуют внимательного отношения и хорошего знания истории и теории русской литературы. Жанр же получает новое синтезирование определение – русский роман, включающее в себя все поиски по формированию и организации такого повествования.

Все это свидетельствует о том, что авторская экспериментальность и художественная раскованность, наряду с искусной жанровой изобретательностью, становятся основой жанровой модификации, деформации и крушения стандартной жанровой формы, что значительно расширяет границы повествования, делая его практически свободным от условностей жанра. Таким образом, можно констатировать, что вопрос о рассмотрении жанровой контаминации и гибридизации является не только одним из самых значимых в литературном процессе сегодня, но и остается открытым для дальнейших исследований в области жанрообразования.

Статья выполнена в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы и Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева) по теме: «Интеллектуальная система подбора программы индивидуального чтения для ученика и студента».

Список литературы

1. Басинский П.В. Полуденный бес. – М.: АСТ Астрель, 2011. – 538 с.
2. Белжеларский Е. Вышел в свет роман Павла Басинского [Электронный ресурс]: URL: www.itogi.ru/arts-kniga/2008/30/41897.html (дата обращения 25. 06. 2021).
3. Иванова Н. Пейзаж после битвы // Знамя. –1993. – №9. – С.188–197.
4. Жиндеева Е.А., Шигуров В.В. Авторский комментарий как «путеводитель» читателя в системе организации художественного текста // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – № 3 (15). – С. 127–130.
5. Жиндеева Е.А., Мартынова Е.А., Колмыкова С.С. Метафизический мир и трансформация традиционных сказочных мотивов в творчестве Ю. Мамлеева // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 95–99.
6. Жиндеева Е.А., Дергунова Н.А. Миф о советской эпохе в исполнении Вен. Ерофеева и М. Елизарова: опыт сравнительно-сопоставительного анализа двух произведений // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1 (5). – С. 64 – 69.
7. Лейдерман Н.Л. Гипотеза о постреализме [Электронный ресурс]: URL: <https://ruskerealie.zcu.cz/2-8-texty-lipoveckij> (дата обращения 25. 03. 2021).

*10.01.01***А.О. Лукьянова, С.С. Терехова**

Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского,
Калуга, svetl.semenova@mail.ru

ОБРАЗ ДОМА В ПОВЕСТИ Б. ПИЛЬНЯКА «ИВАН МОСКВА»

В работе рассматривается один из самых распространенных и известных пространственных образов в мировой литературе - образ дома - на примере повести Б. Пильняка «Иван Москва». В повести раскрывается образ разрушающегося дома, как утрата базовых человеческих ценностей.

Ключевые слова: образ, Борис Пильняк, «Иван Москва».

Борис Андреевич Пильняк (Вогау) родился 12 октября 1894 года в городе Можайске, в 1938 году – расстрелян, в 1956 году – реабилитирован. Поэтому творческую биографию Бориса Пильняка нужно рассматривать в контексте феноменов «прерванное творчество» и «возвращенная литература».

Борис Пильняк родился в семье интеллигентов-народников. Мать его работала в народовольческих кружках, отец занимался подпольной работой, а в 1905 году был вынужден скрываться от полиции. Можно сказать, что идеалы служения людям, обществу были у него наследственным. Вся свою творческую жизнь Б.Пильняк был писателем, чьи идеи не вписывались в официальную схему современности. Он считал, что культура накапливается веками, а не создается приказами. Свою же писательскую позицию он определял, как Я – Наблюдатель.

21 апреля 1938 года Борис Пильняк был расстрелян. Его произведения на многие десятилетия были изъяты из историко-литературного процесса. И лишь в 80-е годы прошлого века снова вернулись на литературную арену. Поэтому сегодня одной из важных проблем в отечественном пильняковедении по-прежнему остается изучение художественного мира писателя.

Образ дома занимает особое место в творчестве советского писателя Бориса Пильняка. «Важность этого образа для поэтики Пильняка очевидна, - отмечает Т.Н. Федорова, - ибо в нем скрыто отношение художника к реальной российской действительности и проводимому в ней политическому и нравственному эксперименту» [2, 66].

Актуальность исследования напрямую связана с объектом исследования, поскольку образ дома является одним из самых значимых в человеческом сознании и человеческой культуре. Нам представляется наиболее интересным то, что Борис Пильняк в своих произведениях представляет Дом нетрадиционно, непривычно для восприятия реципиента: не как незыблемая константа, а, наоборот, как нечто распадающееся и разрушающееся. Это можно увидеть во многих произведениях автора: «Голый год», «Красное дерево», «Третья столица», «Старый дом», «Наследники», «Повесть о черном хлебе», но более подробно мы остановимся на повести «Иван Москва» и посмотрим, как в ней трансформируется данный образ.

Б.Пильняк в своих произведениях изображает быт «из прошлого» и «новый» быт. Если в первом случае быт служит опорой для тех персонажей, которые постоянно обращены в прошлое, живут в нем, то во втором случае, - это быт, который подчинен Идее, оправдан ею. И это можно хорошо проследить в повести «Иван Москва».

Что это за идея? Это идея Вселенской Революции, которая пропитана ожиданием нового и стремлением создать, построить это новое. Но сразу возникает вопрос, какой ценой воплощается Идея?

И ответ мы можем найти, если обратимся к истории трехэтажного жилого дома у Никитских ворот:

«Дом Тверского бульвара был разрушен юнкерами и бомбами и был сожжен. С год после переворота, особенно весною в 1918 году, развалины дома смердили трупами тех, кто был погребен развалинами. Года три этот дом стоял памятником восстания... К двадцать первому году развалины были убраны. И в 1922 году на месте развалин... воздвигнут был памятник профессору Климентию Тимирязеву» [1, 16].

Данный образ является олицетворением разрушающейся человеческой жизни, первостепенного хаоса, связанного с новым переделом мира. Смердящие трупы, погребенные под развалинами, являются напоминанием сути любой войны, а также цена, которая была заплачена за новую жизнь. Превращение дома в развалины, развалин в памятник восстания, памятник восстания в памятник Тимирязеву отражает естественный ход жизни [2, 123].

«Года три этот дом стоял памятником восстания: говорил о дыме революции битой крышей, пустыми проймами окон, обгорелым, расщепленным кирпичом, мусором чугунных балок, подвалов, рухляди. К двадцать первому году развалины были убраны» [1, 16].

Новому периоду жизни, начавшемуся после октября 17 года, не нужна память о восстании, которое полностью изменило жизнь людей. Ему нужна память о тех, кто смог преодолеть этот хаос, подчинить его, о тех, чьи труды способствуют дальнейшему развитию человечества. Не случайно: «Тверской бульвар замкнулся двумя памятниками: Пушкину у Страстной, Тимирязеву у Никитской» [1, 16].

Человеку свойственно избавляться от гнетущих воспоминаний, и таким воспоминанием были развалины дома у Никитских ворот. Однако для главного персонажа повести этот дом был символом борьбы «за самого себя и за прекрасное человеческое будущее» [1, 49]. Поэтому когда Иван Москва не нашел трехэтажное здание, а повсюду ему мерещился памятник Пушкина, его обуял ужасный страх. Страх, наталкивающий на мысль о том, что люди способны стереть все следы былых сражений и тем самым предать их забвению. Ведь дом не отстроили заново, от него избавились, как от гнетущего воспоминания.

Оказалось, что строительство новой жизни сопряжено с утратой дома героями повести, с потерей стабильности, комфорта и тепла. С потерей дома связан и мотив блуждания. Поэтому нет дома ни у Ивана Москвы, его дом сменяется заводом на Урале, где добывают радий, герой постоянно находится в заводской лаборатории, ни у Александры, все время находящейся в амбулатории, ни у Обопыня, для которого местом жительства стал церковный алтарь.

Мы видим, что, во-первых, место действия перенесли за стены дома – на улицу, завод, то есть в «большой» мир. А как мы знаем, традиционалистская проза названные пространственные реалии осознает как фиктивные, ложные. Во-вторых, с утратой «домов» исчезают и основополагающие представления об истинных законах человеческого бытия, поэтому можно разрушать дома, можно пытаться строить на развалинах что-то крепкое и долговечное, можно стараться забыть. Вопрос только в том, а получится ли?

В повести «Иван Москва» образ разрушенного дома все-таки связан с мыслью и надеждой построения нового мира, чего не будет уже в «Красном дереве», например. Носителем этой надежды является, конечно же, сам Иван Москва. Его завод, «выработкой которого Иван хотел установить, что в мире нет границ количеству свободной энергии, кроме пределов человеческого знания» [1, 57], и есть тот вклад в строительство новой, лучшей жизни.

Отказ от традиций, нравственных ценностей в данной повести ещё «освящается» идеей Вселенской Революции. Позже Пильняк придет к мысли, что не существует такой идеи, которая бы оправдывала отказ от духовного наследия. И уже в «Красном дереве» образ оставшегося порожним Дома будет печальным символом разрушающейся на глазах жизни.

Утрата прежних нравственных ценностей или же полная стагнация осознается художником как беда, является метафорой конца. И в этом смысле история оправдывает страх Пильняка, поскольку преданное забвению прошлое не способствует настоящему обновлению жизни, скорее, наоборот, лишает человечество такой возможности.

Писатель показывает, что отказ от прошлого, попытка оправдать страшные происходящие события, не понимать их подлинного значения приводят к абсолютному духовному небытию.

Список литературы

1. *Пильняк Б.А.* Собрание сочинений: в 6 т. Т.4: Повести; Рассказы; Волга впадает в Каспийское море: Роман / Состав., коммент. К.Андроникашвили-Пильняк – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. – 480 с.
2. *Федорова Т.Н.* Художественный мир Б. Пильняка 1920-х годов ("Иван Москва" и "Красное дерево"): дис. канд. филол. наук. Ульяновск: Изд-во Ульяновск, пед. ун-та, 1999. – 321 с..
3. *Шайтанов И.О.* Когда ломается течение (Исторические метафоры Бориса Пильняка) // Пильняк Б.А. Романы – М, 1990.

10.01.01

Г.И. Модина

Дальневосточный федеральный университет,
Восточный институт – Школа региональных и международных исследований,
кафедра романо-германской филологии,
Владивосток, modina.gaia@gmail.com

РЕЦЕПЦИЯ РАННЕЙ ПРОЗЫ ГЮСТАВА ФЛОБЕРА В РОССИИ

Статья обращена к проблеме целостного представления о творчестве Гюстава Флобера в России, связанной с литературоведческой и переводческой рецепцией раннего творчества писателя.

Ключевые слова: Флобер, ранняя проза, циклы ранней прозы, литературоведческая рецепция, переводческая рецепция.

История изучения произведений Флобера в России, как и во Франции, началась с первого, опубликованного при жизни писателя произведения – романа «Госпожа Бовари» (1856). Этому роману и следующим за ним произведениям посвящены диссертационные исследования, монографии, статьи. «Госпожа Бовари», «Саламбо», «Воспитание чувств», «Три повести», «Бувар и Пекюше» известные русскому читателю в переводах А. Чеботаревской, А. Ромма, Н. Любимова, И. Тургенева, А. Блока, М. Волошина, Н. Минского, И. Мандельштама, стали фактом «особого литературного пространства» – отечественной переводной литературы [Первушина, 6, с. 16]. Однако для отечественного флобероведения актуальными остаются слова Жана Брюно, сказанные в 1963 году: «облик Флобера все еще остается искаженным» [16, Р. I.]. Французский исследователь имел в виду неполное представление о созданных до «Бовари» и неопубликованных при жизни писателя сочинениях 1831–1849 гг. Их рукописи хранились в частных коллекциях, печатались фрагментарно, и это искажало представление об их художественной ценности. Приобретение Национальной библиотекой Франции почти полного корпуса ранних рукописей Флобера, публикация ранних сочинений в 2001 г., позволила исследователям видеть в них не разрозненные ученические опыты и стихийные подражания, но циклы исторических, психологических, мистических, автобиографических произведений – свидетельство становления эстетических принципов писателя, органичную часть художественного мира Флобера.

В России началу литературоведческой рецепции ранней прозы предшествует их переводческое прочтение. Одним из первых переведенных на русский язык произведений была автобиографическая повесть «Мемуары безумца», опубликованная во Франции в 1901 году. В том же году в «Новом журнале иностранной литературы» появился перевод М. Лихтенштейна «Воспоминания сумасшедшего» и в «Вестнике иностранной литературы» перевод Е. Бекетовой – «Записки безумца».

В 1910-е годы источником переводов было трехтомное издание ранней прозы в приложении к собранию сочинений Флобера, предпринятое Луи Конаром. Первые переводы новелл 1830-х гг. принадлежат Р. Маркович [15]. В сборник «Чума во Флоренции и другие посмертные новеллы», опубликованный в 1911 г., вошли четыре новеллы: «Чума во Флоренции» (1836), «Картезианский монах, или Перстень приора» (1835), «Сан Пьетро Орнано» (1835) и «Последний час королевы Маргариты» (1835) – прозаическое дополнение к драме А. Дюма «Нельская башня». Предисловие и комментарии отсутствуют. «Неизвестного» Флобера читателю представляет подзаголовок: «Из неизданных юношеских произведений».

В том же 1911 году в журнале «Огонек» под заголовком «Книги», без упоминания имени переводчика был опубликован перевод новеллы психологического цикла «Библиомания» (1836). Его предваряет замечание «от редакции» о публикуемой новелле, отмеченной «всеми характерными чертами редкого дарования» [11 с. 2].

Второй в России сборник ранней прозы Флобера «Ноябрь и другие неизданные произведения» (1919) в переводах И. Брюсовой объединяет произведения разных циклов: автобиографическая повесть «Ноябрь» (1842), историческая новелла «Нормандская хроника X века» (1836) и философская новелла «Похороны доктора Матюрена» (1839). В. Брюсов, редактор переводов, не был знаком со всем корпусом ранней прозы, фрагментарное представление о ней и стремление противопоставить юного Флобера автору «Бовари» определили стратегию перевода: дисгармония ритма, неблагозвучность, неоправданные повторы искажают представления читателей о стиле этих произведений. [2, с. 10–13].

В 1836 году к изданию был подготовлен том ранних сочинений Флобера. В него вошли избранные новеллы 1836–1837 гг, мистерия «Смар» (1839) повесть «Ноябрь» (1842), роман «Воспитание чувств» (1845) в переводах Н. Касаткиной, А. Столярова, И. Брюсовой, И. Цыпиной [9]. Но эта книга опубликована не была, произведения остались неизвестными русскому читателю, а рукописи переводов хранятся в архиве.

В 1980-1990-е годы представление о стиле, автобиографизме, экзистенциальной проблематике ранней прозы Флобера русский читатель мог составить по избранным фрагментам в переводах Т. Хмельницкой, А. Косс, Н. Фарфель. А. Андрес, помещенных во второй том избранных писем Флобера с подробными комментариями и примечаниями С. Кратовой и В. Мильчиной [13].

В настоящее время в русских переводах представлен лишь автобиографический, цикл ранней прозы [12; 14], но не полностью. Одно из самых значительных произведений этого цикла, – первая версия философской драмы «Искушение святого Антония» (1849,) известна русскому читателю лишь в отрывках, опубликованных в приложении к 4 тому собрания сочинений переводе М. Петровского в 1936 г. [10],

Работы отечественных литературоведов, посвященные ранней прозе, немногочисленны. В 1934 г. о юношеских повестях, новеллах и первой версии «Искушения святого Антония», подчеркивая их романтическую природу и значение в творческой биографии Флобера, кратко упоминает Т. Перимова [7]. Ранней прозе посвятил несколько страниц в книге «Гюстав Флобер. Из истории реализма во Франции» (1955) А. Иващенко. Исследователь ссылается на французское издание ранней прозы 1910 года, дает последовательный обзор юношеских сочинений Флобера, прослеживает их жанровую эволюцию, касается сюжетных и тематических особенностей и приходит к выводу в духе, характерном для литературоведения 1950-х гг., о «печати ущербности романтизма на юношеском творчестве» [5, 46].

В том же 1955 году Б. Г. Реизов в монографии «Творчество Флобера» предпринял первое подробное исследование ранних произведений Флобера, отметив смысловое единство этого явления, указав на отражение в них сложного процесса «рождения художника» [8]. Намеченное Б. Г. Реизовым направление изучения ранней прозы Флобера и опубликованная в 1962 году монография Жана Брюно «Литературные дебюты Гюстава Флобера» стали основой защищенной в 1975 году диссертации О. Афанасьевой «Раннее творчество Гюстава Флобера» [1]. Впервые в ней был поставлен вопрос о единстве художественного мира Флобера и ранней прозе как важной его части, имеющей не только биографическую, но и эстетическую ценность.

Литературоведческие работы последних лет, посвященные ранней прозе, исключительно редки и следуют за немногими новыми переводами. Значению автобиографического начала и художественной ценности «Первого "Воспитания чувств"» посвящена вступительная статья С. Зенкина [4]. Повествовательные стратегии сочинений автобиографического цикла – предмет анализа в работе А. В. Ждановой [3].

Заметим, что исследованию ранних произведений препятствовали особенности объекта анализа – неполного и неточного французского издания ранней прозы. Публикация полного корпуса сочинений Флобера 1831–1845 гг. в первом томе полного собрания сочинений с исправлениями, детальными комментариями и примечаниями устраняет это препятствие, и переводческое прочтение ранней прозы может стать стимулом литературоведческой рецепции. Перевод полного корпуса ранней прозы, включающего помимо автобиографического, исторический, психологический и философский циклы, даст возможность составить полное представление о формировании эстетики и этики писателя, основах его концепции творческой личности, объективного письма и стиля прозы, сочетающего точность мысли и глубокий лиризм.

Список литературы

1. Афанасьева О.В.: автореф. дис. ... канд. филол. наук, М. 1975. 26 с.
2. Брюсов В.Я. // Юный Флобер // Г. Флобер. Ноябрь и другие неизданные произведения». М.: Первпечатник, 1919. С. 16–17.
3. Жданова А.В. Авторские стратегии раннего творчества Г. Флобера // Пушкинские чтения. 2011. № XVI. С. 294–302.
4. Зенкин С.Н. Двойной портрет художника в юности: первый роман Флобера // Г. Флобер. «Первое "Воспитание чувств"». М.: Текст, 2005. С. 5-
5. Иващенко А.И. Гюстав Флобер. Из истории реализма во Франции. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 490 с.
6. Первушина Е.А. Феномен переводной художественной литературы в контексте всемирной литературы // Лирика эпохи романтизма: хрестоматия; под общей редакцией Г. Модиной. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2021. С. 14–24.
7. Перимова Т.В. Творчество Флобера. М.: ГИХЛ. 1934. 143 с.
8. Реизов Б.Г. Творчество Флобера. М.: ГИХЛ, 1955. 523 с.
9. Флобер Г. Избранные сочинения в 1 т. М., 1936 // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9
10. Флобер Г. Испытание святого Антония, редакция 1849 года: (отрывки) / пер. с фр. М. А. Петровского // Собр. соч. : в 10-ти т. Т. 4 М. : Худож. лит., 1936. С. 203–337.
11. Флобер Г. Книги. Неизданный рассказ // Огонек. 1911. № 11. С. 2–12.
12. Флобер Г. Мемуары безумца. Автобиографическая проза 1835–1842 / пер. с фр. Г. Модиной. М. : Текст, 2009. 318 с.
13. Флобер Г. О литературе, искусстве писательском труде : в 2-х т. Т. 2. М. : Худож. лит., 1984. 503 с.
14. Флобер Г. Первое «Воспитание чувств» / пер. с франц. И. Васюченко и Г. Зингера. М.: Текст, 2005. 381 с.
15. Флобер Г. Чума во Флоренции и др. посмертные новеллы : Из неизд. юнош. произведений. Санкт-Петербург : Хронос, 1911. 32 с.
16. Bruneau J. Les Débuts littéraires de Gustave Flaubert 1831–1845. Paris : Armand Colin, 1962. 635 p.

*10.01.01***И.Н. Новокрещенова**

ФГБОУВО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина,
факультет филологии и журналистики,
кафедра русской и зарубежной литературы, журналистики,
Тамбов, I16041992@yandex.ru

**«СТАРШИЕ» И «МЛАДШИЕ» ПОЭТЫ-ЭМИГРАНТЫ
В ПОЭТИЧЕСКОМ РАЗДЕЛЕ ЖУРНАЛА «ЧИСЛА»**

В статье журнал молодых писателей «Числа» (Париж, 1930-1934) рассматривается как площадка конструктивного диалога представителей «старшего» и «младшего» поколения поэтов-эмигрантов, а также как иллюстрация преемственности между русской классической поэзией и творчеством представителей молодой «парижской ноты». Обращается внимание на общие темы, образы и мотивы, присущие поэтам двух поколений.

Ключевые слова: *литература русского зарубежья, журнал «Числа», «старшие» и «младшие» писатели-эмигранты.*

В 1930 году выходит первый выпуск журнала «Числа», который стал одним из самых ярких, представительных и концептуальных среди всех изданий молодых писателей русского зарубежья. Его название носит культурно-философский характер и связано с библейской «Книгой Чисел» пророка Моисея. Духовно-творческие странствования эмигрантской молодежи стали содержательной основой журнала. Первыми редакторами были И.В. де Манциарли и Н.А.Оцуп. С пятого выпуска Оцуп становится единственным редактором издания.

В журнале было несколько разделов: прозаический, поэтический, библиографический, искусствоведческий. Прозаическая составляющая «Чисел» достаточно хорошо изучена [см.: 5, 8]. Что касается поэзии, то общим местом существующих исследовательских работ является утверждение о том, что журнал стал место формирования известной «парижской ноты», «парижской» школы. Ее представителями в журнале стали Д.М. Кнут, Л.Д. Червинская, А.П. Ладинский, Н.А. Оцуп, Г.В. Иванов, В.А.Мамченко, Ю.К. Терапиано, В.А. Смоленский и т.д. Но, в «Числах» публиковались поэты и других эстетических ориентиров. Представляется, что именно поэтический раздел, открывавший «Числа», во многом определял и тематику, и философско-эстетические принципы издания, несмотря на его подчеркнуто «свободный» характер. В поэтическом разделе особенно заметная связь молодых поэтов эмиграции, казалось бы, блуждающих в пустыне одиночества своего творчества, с предшествующей поэтической традицией как русской (М.Ю. Лермонтов), так и зарубежной (Ш.Бодлер, П.Верлен, Г.Аполлинер и т.д.). Также именно в поэтическом разделе вместе печатаются стихотворения «старших» и «младших» эмигрантов. Это обстоятельство призвано показать их единство в понимании общих для «Чисел» проблем самоценности человеческого бытия, глобального одиночества, неизвестности будущего, судьбы России.

Неслучайно поэтический раздел первого выпуска «Чисел» открывается стихотворениями З.Н. Гиппиус «Вниз», «Вверх», «Мера», «На Croisette»: именно благодаря литературному объединению «Зеленая лампа», где был интенсивный диалог между «старшими» и «младшими», возник журнал.

Все стихотворения Гиппиус взаимосвязаны между собой и отражают общие для всех эмигрантов проблемы: призрачные надежду и страх в сердце, движение ко дну без Родины: «Чтоб въедались в душу два демона, Надежда и Страх?» [3, с. 9.], но в то же время есть запрос и на движение «вверх», присутствует мотив поиска жизненного пути: «Все пережить и все принять» [3, с. 9.]. Образ эмигранта - «зверенка на веревочке», которого насильно заставили покинуть Родину, был знаковым для поэзии и «старших», и «младших».

Уже в предпоследнем, девятом номере «Чисел» (1933) снова появляется стихотворение Гиппиус «Цифры», где она метафорически приветствует новый номер журнала: «Будет 9.... Иль 100? 90?» [4, с. 6.], но в этом есть бесконечное сожаление и окончательное понимание того, что при жизни нет больше надежды вернуться на родину: «Под землей бы землю прикрыться...» [4, с. 6.]. Гиппиус тонко включает в стихотворение прозрачные исторические аллюзии: «Хочет Март Октябрем посмеяться / Хочет бледную Лебедь повесить» [4, с. 6.]. Похожие мотивы прослеживаются и в стихотворениях другого представителя «старшего» поколения, учителя молодых – Г.В.Адамовича: «С полным сознанием безнадежности, / С полной готовностью умереть» [1, с. 11.]; «От одиночества и от недоумения, / Здесь умерла душа» [1, с. 12.]; «И медленное умирание / Без всяких надежд впереди» [1, с. 12.].

Адамович был восхищен творчеством молодого поэта А.П.Ладинского, который часто печатался в «Числах». В стихотворении «Каирский сапожник», опубликованном в первом номере, в образе поэта Али им воплощен собирательный образ писателей-эмигрантов. На родине, представленной в образе сварливой жены, их талант не нашел признания, но и после эмиграции, которая оказалась «темницей суровой», художника ждал тяжелый физический труд, и только творчество по ночам становилось единственной отдушиной: «И когда с караваном / Уплывал он сквозь сон, / Под хрустальным фонтаном / Принцем делался он» [7, с. 20].

Редактор журнала «Числа» Н.А. Оцуп описывал путь русского эмигранта как путь испытаний и лишений, но, несмотря на это, созидая творчество и духовность: «Идти, идти, в заботах и слезах, / Всею на свете узнавая цену» [16, с. 22]; «И мне, увы, и мне, как всем, / О страшно стать ничем» [17, с. 23].

Соратник Гиппиус, председатель «Зеленой лампы» Г.В. Иванов в своих стихотворениях часто использует зеленый цвет, который связан с небом, олицетворяющем высшие духовные стремления человека, символизирует начало новой жизни и внутреннее обновление, а звезда помогает найти верный путь: «Летит зеленая звезда / Сквозь тишину» [6, с.15]; «Звёзды разбивают лёд, / Призраки встают со дна» [6, с. 14]. Кроме того, Иванов также констатировал связь молодого поколения с жизнью и творчеством предшественников: от А.С.Пушкина до А.А.Блока. По его оценке, именно русская литература остается единственным духовным и творческим ориентиром для эмигрантов в условиях потери Родины, обесценивания прежних идеалов, которое продолжилось для молодого поколения и в эмиграции: «Хорошо, что нет Царя. Хорошо, что нет России. Хорошо, что Бога нет» [14, с.16].

На литературных собраниях «Зеленой лампы» часто присутствовал Б.Ю.Поплавский. В стихотворении «Розовеет осенний лес» образ юного моряка, отправившегося в плавание по бушующему морю, олицетворяет молодых писателей-эмигрантов. Они лишились Родины, быстро повзрослели, а жизнь все испытывала их на прочность. Жизнь сравнивается с темной ночью, а обретение ее смысла с поиском путеводной звезды и маяка: «Дальний берег окутан мглой, / Душный вечер горит, горит. / Там, где море слилось с рекою, / Уж маяк неземной царит» [11, с.23.]; «Саломея на зов сирены / Вознесла над землей звезду» [11, с.27]. В четвертом выпуске журнала «Числа» в стихотворении Поплавского «Розовый свет опускается к белой долине...» через новое обращение к морской теме прослеживается усиление мотива одиночества: «Тихо в вышних морях светлооких / Тонет белый корабль одинокий» [12, с.17.].

Необходимо заметить, что мотив моря является общим для «старших» и «младших» эмигрантов. В 1930 году выходит 2-3 выпуск журнала «Числа». Поэтический раздел открывает стихотворение М.И.Цветаевой «Нереида» (1928). Морская нимфа нереида воплощает внутренний мир поэтессы, ее душевное состояние, а море олицетворяет бурный и непредсказуемый жизненный путь эмигрантов. Только вера может им помочь: «В вере – храм, в храме – поп» [13, с. 6.]. В стихотворении есть отсылка к Перекопско-Чонгарской операции, которая привела к поражению Белой армии в Крыму и эмиграции, принесшей лишь смерть и пустоту.

В этом же выпуске опубликована ранняя «Баллада о Гумилеве» И.В. Одоевцевой (1923), которая вписывается в общую концепцию литературной преемственности в «Числах». Н.С.Гумилев одним из первых заметил талант молодой поэтессы. Она же считала поэта своим литературным учителем. Через все стихотворение проходит образ звезды: «Обрываясь, падали звезды Тонкой нитью огня» [8, с.9.]; «И звезды в небе пели: «Слава тебе, герой!» [8, с.11.]. Но такая яркая жизнь заканчивается очень печально: «Ни креста, ни холма – ничего» [8, с.10.]. В стихотворении Р.Н. Блох «Налетает ветер длиннокрылый» упоминается о трагическом конце жизни Гумилева: «Год восемнадцатый и дальше три, / Последних в жизни Гумилева... Не жалуйся на прошлое смотри, / Не говоря ни слова» [2, с.8.]. Гумилев продолжает оставаться для молодых поэтов-эмигрантов олицетворением мученического, но стоического пути.

Таким образом, поэтический раздел журнала «Числа» объединен конструктивной идеей литературной преемственности, творческого взаимодействия «старших» и «младших» эмигрантов, истоки которого сформировались в литературном объединении «Зеленая лампа». Поэтам обоих поколений присущи общие мотивы одиночества, веры, прощения, поиска жизненного пути, тоски по утраченному и сохранения памяти о подлинной России для потомков.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-312-90047.*

Список литературы

1. *Адамович Г.В.* За слово, что помнил когда-то. Невыносимы становятся сумерки. О если где-нибудь... // Числа. 1930. №1. С.11-12.
2. *Блох Р.Н.* Налетает ветер длиннокрылый // Числа. 1932. № 6. С.8.
3. *Гиппиус З.Н.* Вверх. Вниз. Числа // Числа. 1930. № 1. С.9.
4. *Гиппиус З.Н.* Цифры // Числа. 1933. № 9. С.6.
5. *Зиновьева Н.В.* Литературно-эстетическая позиция и художественная практика журнала "Числа": дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 225 с.
6. *Иванов Г.В.* Когда-нибудь и где-нибудь. Перед тем как умереть. Хорошо, что нет Царя // Числа. 1930. № 1. С.14-16.
7. *Ладинский А.П.* Каирский сапожник // Числа. 1930. № 1. С.19-20.
8. *Летаева Н.В.* Молодая эмигрантская литература 1930-х годов (проза на страницах журнала "Числа"): дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 180 с.
9. *Одоевцева И.В.* Баллада о Гумилеве // Числа. 1930. № 2-3. С.8-11.
10. *Оцун Н.А.* Идти, идти... Не только... // Числа. 1930. № 1. С.22-23.
11. *Поплавский Б.Ю.* Розовеет осенний лес // Числа. 1930. № 1. С.23-27.
12. *Поплавский Б.Ю.* Розовый свет... // Числа. 1931. № 4. С.17.
13. *Цветаева М.И.* Нереида // Числа. 1930. № 2-3. С.6.

10.01.01

А.В. Пучкова, С.С. Терехова

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского,
Институт филологии и массмедиа,
кафедра литературы,
Калуга, svetl.semenova@mail.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ «ВСЕЕДИНСТВА»
В СБОРНИКЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА «COR ARDENS»**

В современном литературном процессе возрастает интерес к символике и символическому осмыслению художественной реальности. Вячеслав Иванов, внесший огромный вклад в развитие символизма, в сборнике «Cor Ardens» на основе символического мировосприятия раскрывает концепцию «всеединства».

Ключевые слова: Вяч. Иванов, символ, символизм, «Cor Ardens» «всеединство».

Вячеслав Иванов (1866-1949) – один из идейных основоположников русского символизма, поэт и философ. Эти две ипостаси тесно переплетены в творчестве: философские идеи находят воплощение в поэзии, а сама поэзия является основой для философских размышлений. Одной из основополагающих идей миропонимания поэта-философа была концепция «всеединства», разработанная Вл. Соловьевым: «Мир един во всех своих проявлениях, потому что имеет духовное первоначало» [1, 25].

В поэзии Иванова любой символ и составляющие его тропы включены в образно-символическую систему и являются реализацией концепции «всеединства»: «ибо поистине не только каждое нераздельно пребывает во всем, но и все нераздельно присутствует в каждом» [2, 225]. Исходя из положений данной концепции разделять символы на христианские и языческие (античные) можно лишь условно. Символы, приобщенные к той или иной парадигме, различаются и по смысловой функциональности, и по коннотативной наполненности, но в целостной символической системе, переплетаясь, синтезируются в единую панмифологическую структуру.

Для реализации замысла символ должен приобрести не эстетические коннотации, а эзотерические «соответствия» культурно-религиозных рядов. Чтобы увидеть эту множественность, объединенную символическим единством, стоит обратиться к названию сборника «Cor Ardens» (1911) («Пламенеющее сердце»), возникшее на первоначальной стадии создания книги и послужившее основой для тематического наполнения.

Надо сказать, что символ «Пламенеющего сердца» включает в себя и христианский подтекст, и античный мифологический пласт, на что указывает один из эпиграфов сборника: «Той, / Чью судьбу и чей лик /я узнал / в этом образе Мэнады / “с сильно бьющимся сердцем”» [2, 225]. Источник цитаты — сцена «Илиады», где описана предчувствие Андромахой смерти Гектора. Менады — (греч.) «безумствующие» — спутницы Диониса и участницы культа. Для Иванова «менада» являлась символом «подверженной мании, одержимой» [3, 4]. Образ Андромахи, воплощающей в себе идеал верной и любящей жены, приобретает дополнительное значение: жена становится служительницей «культа» мужа, а ее любовь приобретает мистическое религиозное значение, наполняет чувства высшим, духовным смыслом. Таким образом, “Cor Ardens” как символ, относящийся к христианской традиции, переплетается с античным образом мэнад с “сильно бьющимся сердцем”.

В открывающем сборник стихотворении «Хвала солнцу» раскрывается понятие солнца как творения Божьего, но иного мира: «среди ангелов-солнц». Бытие солнца осмысляется через оппозицию с имперсонированным «мы»: в манере религиозного уничижения происходит противопоставление солнца, представленного в образе «Вожатого слепца» и

«нас, зрящих и темных». В оксюморонном сочетании эпитетов воплощена античная мысль о противопоставлении мира идей – идеального, вечного и мира «теней» – недолговечного, относительного. Свет дает способность видеть, но не прозревать суть. Для самого же Солнца, «не светят свету», но оно, одетое светом «первозданным», способно влечь за собой к «первоизбранной цели».

В завершающем четверостишии манифестируются основные положения концепции, которые будут развиваться в дальнейших ассоциациях и образах:

*Любовью ты будешь истекать неисчерпной
К созвездью родному — и влечь — и влечь!
В веках ты поволил венец страстотерпный
Христа-Геракла своим наречь! [2, 229]*

Центральный образ Солнца, с одной стороны, как символа неисчерпаемой любви и благодати, с другой – как воплощения жертвенности и бескорыстности, соединяет христианскую и античную парадигмы.

«Хор солнечный», название которого отсылает к античному хоровому исполнению богослужебных гимнов, сопоставляет Солнце с Царем и пастырем в двух измерениях: земном хаосе – «овец», и надмирном космосе – «лун». Оно отождествляется с Христом, именовавшимся «Царем Иудейском» и «добрым пастырем». В этом стихотворении впервые возникает сопоставление Солнца с сердцем: «Солнце – сердце солнц-сердец!» [2, 231].

Подзаголовок тоже играет важную роль, выполняя не только жанроопределяющую функцию: «Газэла» (от араб. «воспевать») – жанр арабского стихосложения народов Востока. Говоря на «языке» восточных народов, поэт подчеркивает всеединство картин мира, их первоначало.

В «Assai palpitasti» к Солнцу обращены «человеческие» вопросы:

*Что ж не облачишься ты, Солнце, рдяной схимою?
Что не обручишься ты
С зорькою родимую? [2, 232]*

Стоит ли избежать страданий и укрыться в схимнических обетах от истинного служения миру, подражать земной жизни Христа, вместо того чтобы уподобиться ему в подвиге? Но бытие Солнца – это путь страданий, путь вожатого для слабого, сомневающегося, «человеческого» в своих трепетных чувствах сердца. В начале Сердце и Солнце оппозиционны, но в финале, объединенные в жертвенном очищении, уже неразделимы:

*Солнце ль ты богатое
Сердце ль, сердце бедное
Радостно-распятое
Горестно-победное! [2, 232]*

В стихотворении «Завет Солнца» «страдное» Солнце — это то же сердце в «разверстой груди» небес. Ведь только «распяв» себя, сможет оно объять вселенную, только расточая свою силу, оно способно вершить «светлый подвиг». Солнце сопоставляется с образом распятого Христа: «Уподобься мне в распятье — / И гори, гори, гори!» [2, 233]. Атрибуты — «острия и лалы терна», упоминание о «помазании» «в цари», воспроизводят картину распятия.

Соединение символики Сердца и Солнца, воплощающего в себе цикл умираний и рождений, в стихотворении приобретает христианский, жертвенный характер: луч способен воскреснуть из самого себя:

*Расточитель, воскреситель,
Из себя воскресий луч! [2, 233]*

В стихотворении «Псалом солнечный» и семантически, и композиционно выстроенном на «зеркальном» сопоставлении, вновь проявляется мотив "ученичества" земного Сердца и его "подобья небесного Солнца". Мироустройство представляется в виде фрактала: Солнце – это сердце Вселенной, и человек, как ее часть, тоже имеет солнце-сердце.

В стихотворении «Солнце-двойник» Солнце, лучащееся «Изволением Отца», вновь сравнивается с Сыном Божьим. Как человек томится в темнице, так и солнце в сердце брэнного тела, страдает без божественного света. Только в этот момент лирический герой, в чье сердце наконец проник свет, подобно воскрешенному Лазарю, спасается из темницы неведения, и собственный голос, личностное «Я», впервые возникает наравне, в едином слиянии:

*Я, забывший, я, забвенный,
Встану некогда из гроба...
Мы сольем, воскреснув, оба,
Я — в тебе, и ты — во мне!* [2, 235]

В стихотворении «Сердце Диониса» образы Сердца, Солнца наполняются новыми коннотациями, соединяясь с образом Диониса - бога-сына, умирающего и воскресающего, жертвы и жертвоприношителя. Иванов отмечал схожесть образов Диониса и Иисуса Христа. Их объединяет слияние Небесного и Земного: божественный отец и человеческая мать. Роднит эти образы и мотив жертвенной смерти: в дионисийском культе разыгрывались мистерии на тему «страстей» Диониса. В различных вариантах мифа сердце Диониса было сохранено Афиной или похоронено Аполлоном. Но во всех сердце — сама сущность бога — становилось символом воскресения.

«Солнечную» мессу завершает гимн «De profundis» — «Из глубин» (начало католической молитвы, читаемой над умершим), совмещающая тем самым античный ряд значений (эзотерическую солярную символику) с христианским. Это зов «из бездны» Я к мистическому «вожатому», который озарит «блуждающий темный лес» незримым светом веры. «Снеговерхий» Парнас «Солнца Диониса» соотнесен с «высью Лобной» стихотворения «De Profundis»: *«И льется Кана с выси Лобной»* [2, 237]. «Высь Лобная» — Голгофа — место распятия Христа. «Таинственный Парнас» и «высь Лобная» сопрягаются в единый символ — священное место смерти и скорого воскресения — «de profundis». Стоит отметить и метонимию: вместо вина льется «Кана». Кана Галилейская — место свадьбы, на которой Иисус совершил свое первое чудо: превращение воды в вино. Образ Христа наполняется новыми символическими смыслами. Сравнивая деяния Геракла и Христа, можно сопоставить подвиги и «страсти» - страдания, которые преодолевал Иисус Христос в последние дни и часы земной жизни: *«В веках ты поволлил венец страстотерпный / Христа-Геракла своим наречь!»* [2, 237].

В финальном стихотворении Иванов объединяет в целостное всеединство все символы, раскрывавшиеся на протяжении цикла: в манифестации Солнца торжествующего он противопоставляет манифестацию Солнца «во глубине» — Диониса, «ночное» Солнце, которое еще только должно взойти, и, уподобленное ему, Солнце внутри: *«Есть некий бог во мне, — так с Солнцем спорит прах, — / Тебя лучистей и светлее...»* [2, 237].

Концепция «всеединства», воплощенная в сборнике «Cor Ardens», за счет соединения различных мифологических пластов: христианства и античного язычества, позволяет говорить на разных «символических языках» об одном и том же: «прозревая» мир ирреальный, внести в жизненный хаос высшую гармонию. Два символа: «Сердце» и «Солнце» последовательно, за счет наполнения образов различными ассоциативными пластами, приобретают религиозные коннотации, приобщаются к «идеальному» миру идей. Миф как первозданная константа, позволяет внести в непредсказуемую и хаотическую действительность «осмысленность мирового закона».

Список литературы

1. Барковская Н.В. Поэзия «серебряного века». Учеб. Пособие. Издание 2-е, дополненное. / Урал. гос. пед. ин-т. Екатеринбург. 1999. 170 с.
2. Иванов Вяч. И. Собрание сочинений. Т.2. Брюссель, 1974
3. Проскурина В. «Cor Ardens»: смысл заглавия и эзотерическая традиция Новое литературное обозрение. 2001. № 5 (51).

*10.01.01***Чжан Хуайминь**

Ланьчжоуский университет,
Институт иностранных языков,
кафедра русского языка и литературы,
Ланьчжоу, КНР, 280661645@qq.com

ТРАГИЧЕСКИЙ ПАЛИНГЕНЕЗ СУДЬБЫ - ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ПОВЕСТИ ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ «ВРЕМЯ НОЧЬ»

В повести «Время ночь» Петрушевская выразила трагическое сознание, что обусловлено судьбой автора. В статье дан анализ трагического сознания и исследуются способы повествования в повести «Время ночь». Цель статьи – выявить своеобразие трагического сознания Петрушевской и показать гуманистическую направленность ее творчества.

Ключевые слова: «Время ночь», Людмила Петрушевская, трагическое сознание.

В современной русской литературе Людмила Петрушевская известна как «родоначальник “чернухи”» [1]. Её творчество, начиная с ранних произведений, было далеко от господствующей идеологии и обращено к характерам и судьбам маленьких людей, их эмоциональному миру, окрашенному в мрачные, трагические тона. Повесть Петрушевской «Время ночь» была названа одним из лучших российских произведений 1992 года и номинирована на российскую Букеровскую премию. Мир этой повести, в которой проявились характерные черты поэтики «другой прозы», наполнен трагической атмосферой.

«Трагическое сознание – это трезвое и рациональное понимание людьми трагической природы окружающего мира и их безвыходного положения» [2]. Все боли и страдания Петрушевской послужили источником создания ее произведений.

С момента своего рождения Петрушевская пережила ряд тяжёлых испытаний: отсутствие внимания, бедность, смерть родных. Рано потеряв мужа, она в одиночку вырастила троих детей. Её первые произведения не были приняты в редакциях советских газет и журналов. Та же участь постигла несколько её рассказов и сценариев: издательства отказывались их печатать. Чтобы прожить, ей приходилось экономить, испытывая нужду. Но даже после того, как ее сценарий был опубликован, Петрушевская подверглась резкой и суровой критике. Страдания и трудности не сломили писательницу, она стойко перенесла все невзгоды. Что касается социального фона, то реформы, проводимые Советским Союзом, оказались малоэффективны. Развитие политики, экономики и культуры шло медленно. Во второй половине 1980-х годов экономика Советского Союза переживала кризис, а уровень жизни в стране значительно снизился. Необдуманная политика вызвала хаос во всех областях российской жизни, что болезненно сказалось на жизни населения.

В своих произведениях Петрушевская показывает жизнь самых обыкновенных людей, которых в русской литературе принято называть «маленькими людьми». Она обращается к темам бедности, болезни, смерти и другим острым проблемам, с которыми постоянно сталкивается «маленький человек». Цель её творчества состоит не в том, чтобы унижить и осудить других, а в том, чтобы найти корень бедствия людей, понять причину их трагедии.

Повесть «Время ночь» окутана трагической атмосферой, которая проявляется в трагическом палингенезе судьбы героев повести и уникальных способах повествования.

В персонажах повести «Время ночь» обнаруживается реинкарнация трагической судьбы. Она проявляется как наследование судьбы прежних поколений: те, кто приходят им на смену, обречены на повторение одной и той же череды событий, отмеченной печатью трагизма. Героиня Анна замучила необоснованными подозрениями свою дочь Алёну, как мать Анны Сима когда-то мучила подозрениями себя и её. Алёна родила внебрачных детей от разных

мужчин, что напоминает роман между Анной и женатым мужчиной в ее юном возрасте. Душевная близость между детьми и бабушками очень похожа, и даже мать жалуется, что ее зять, кажется, имеет «чрезмерный» аппетит из поколения в поколение: «бабушка укоряла моего мужа в открытую, “все сжирает у детей”» [3, с. 121]. Кроме того, её внук Тима ненавидит сестру Катю, словно это повторение истории о ревности Алёны к своему брату Андрею. В трагической реинкарнации судьбы трех поколений это повторение чужих судеб заставляет читателя испытать шок от разрушения семейных ценностей. Эта жестокость в отношениях между близкими людьми заставляет задуматься о бессилии человека перед неотвратимостью семейных драм.

Кроме того, трагическое сознание в повести Петрушевской воплощено в двух аспектах: в использовании трагедийных образов и в формировании трагического языка повести.

Петрушевская часто использует трагические образы для создания характера и судьбы персонажа. Эти образы подобны теням, проектируемым персонажами повести, и до некоторой степени они образуют соответствующие отношения с субстанцией образ персонажа [4]. В ее повестях большую роль играет образ ночи. Во-первых, название повести «Время ночь» метафорично и задает основную тональность произведения еще до того, как разворачивается история: темная и мрачная ночь символизирует ожесточенную борьбу в сердцах героев, а реальная ситуация – темное болото, наполненное тревогой, страхом и болью. Во-вторых, для героини Анны ночь также является основным временем действия в произведении, повествующем о семейных отношениях. Темная ночь подобна неуправляемой черной дыре судьбы, которая заставляет людей чувствовать себя робкими и боязливыми, поэтому образ ночи символизирует необратимую и неизбежную судьбу семьи. Кроме того, ночь также является метафорой духовного разлада в семье и взаимного непонимания. Петрушевская метафорически кодирует трагическую судьбу персонажей, задавая трагическую тональность всей истории.

В стилистическом плане писательница использует натуралистические описания, акцентируя физиологическую сторону жизни. Кровотечение, изнасилование и недержание испражнений и мочи придают повести мрачный колорит. Например, описание Анны своей матери: «эх пошли подмоем ее неси судно и квач, я кувшином полью, вся опять обмаралась» [3, с. 136]. Эти черты натурализма в описании повседневных событий, связанных с патронажным уходом за пожилым человеком, заставляют читателя обратить внимание на ситуацию главного героя и задуматься над эфемерностью жизни. Кроме того, чтобы передать силу влияния среды на характер персонажей, Петрушевская стилистически огрубляет речь своих героев. Это драматизирует повествовательное начало в повести. Например, Анна, называющая себя поэтессой, превратилась в другого человека из-за трудностей выживания: она стала высокомерной, вспыльчивой и грубой. По словам Анны, сын – «подлец», дочь – «душевнобольная», «мать-зверь», а зять – «бездельник», «тупой» и «трус». Использование сниженного, грубого языка призвано показать непреодолимую силу обстоятельств, которые губительным образом влияют на героев. Главная героиня выражает недовольство жизнью посредством словесных оскорблений и криков, что усугубляет трагический смысл повести. Это пробуждает у читателей сочувствие к судьбе главной героини и вызывает размышления о связи между выживанием и самореализацией.

Таким образом, повесть «Время ночь» в полной мере воплощает трагическое сознание Петрушевской и выражает ее крайнюю озабоченность судьбой «маленького человека». Обладая гуманизмом и чувством социальной ответственности, Петрушевская описывает жизнь и духовные проблемы людей в конкретную эпоху с точки зрения трагедии. Так она выражает свою благородную мысль о «единении с народом».

Список литературы

1. *Лейдерман Н.Л. и Липовецкий М.Н.* Современная русская литература 1950-1990-е годы. М. : Издательский центр "Академия", 2003. С. 610.
2. *Ма Хуэй.* Уникальное жизненное отношение и сознание Лу Сюня // Вестник университета Ганьсуляньхэ: издание по общественным наукам. 2005. №3.
3. *Петрушевская Л.С.* Время ночь. Пер. Шен Няньцзю. Чжэцзян: Чжэцзянской литературы и искусства, 2013.
4. *Шэнь Хуйфан.* О трагическом сознании повести Гэ Ляна // Аньхойский университет. 2017.(дипломная работа)

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов, ²С.Г. Аксенов, ¹Р.Р. Юнусова, ²В.Д. Чистонов, ¹В.А. Перминова,
¹А.В. Зайнуллин, ³А.Р. Шафеева, ¹Ф.Б. Рахматова, ¹С.Р. Ханнанов

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru,

²Уфимский государственный авиационный технический университет,

³Казанский медицинский колледж

**ВКЛАД В РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОЙ И СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ПРОФЕССОРА, ПИСАТЕЛЯ,
РЕКТОРА БГМИ (1965—1973 ГГ.) З.А. ИХСАНОВА**

Имя профессора, доктора медицинских наук, заслуженного деятеля науки Башкирской АССР, участника Великой Отечественной войны, ректора Башкирского государственного медицинского института имени 15-летия ВЛКСМ (1965—1973 гг.) Зайнуллы Аминовича Ихсанова (1906—1997 гг.) хорошо известно научной и литературной общественности Республики Башкортостан. Он автор пьесы «Кукушка кукует», текстов оперных либретто, фантастических рассказов и организатор внутривузовской многотиражной газеты «Медик» Башкирского государственного медицинского института имени 15-летия ВЛКСМ, которая внесла значительный вклад в развитие медицинской и спортивной журналистики в Республике Башкортостан.

Ключевые слова: журналистика, медицина, общественное здоровье, спорт.

Физиолог, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки БАССР, участник Великой Отечественной войны Зайнулла Аминович Ихсанов родился 26 ноября 1906 г. в селе Метелево Челябинского уезда Уфимской губернии (ныне Аргаяшский район Челябинской области) в многодетной крестьянской семье. Учился в сельской школе, затем на рабфаке в городе Уфе. В 1928 году он поступил на медицинский факультет 2-го Московского государственного университета, в 1932 году окончил лечебный факультет 2-го Московского государственного медицинского института. З.А. Ихсанов является одним из первых преподавателей Башкирского государственного медицинского института имени 15-летия ВЛКСМ, в котором работал до войны в 1932—1934 годы и в 1939—1941 годы. Первые литературные статьи студент Зайнулла Аминович стал публиковать в институтской газете (ныне «Университетская газета» Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова), тогда же он увлекся рисованием и стал писать картины масляными красками. Литературное и художественное увлечение активного и вихрастого студента Зайнуллы переросло в писательское ремесло, он стал посещать литературный кружок 2-го Московского государственного медицинского института, который стал очень активно работать накануне Первого Всесоюзного съезда Союза писателей СССР (1934 г.). С февраля 1941 года Зайнулла Аминович назначен директором Башкирской областной станции переливания крови. Его рисунки о пропаганде сдачи крови, сопровождались стихами на русском и башкирском языках, что стало эффективным просветительским новшеством в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годы среди населения республики, особенно в сельской местности, где было много башкирских и татарских сел, в которых не говорили на русском языке. В период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в Башкирской АССР были организованы знаменитые 112-я и

113-я Башкирские кавалерийские дивизии. З.А. Ихсанов был начальником санитарной службы 113-й Башкирской кавалерийской дивизии с 1941 года, в составе действующей армии участвовал в боях на Северо-Западном фронте. На фронте Зайнулла Аминович продолжал писать короткие очерки и стихи с поля боя, которые сопровождал зарисовками. В 1944 году был комиссован в тыл. С 1944 года он преподает физиологию в Ивановском государственном медицинском институте. Студентам медицинских образовательных учреждений хорошо известно, что значит хороший и точный рисунок при освоении анатомических и физиологических дисциплин. После Великой Отечественной войны Зайнулла Аминович начинает писать фантастические рассказы, которые сопровождает своими рисунками — долголетие, философия бытия, назначение человека и др. темы становятся сюжетами его рассказов и пьес. С 1946 года работал в Московском НИИ педиатрии Центральный научно-исследовательский педиатрический институт Наркомздрава РСФСР: старший научный сотрудник, с 1955 года - руководитель лаборатории; с 1962 года - руководитель лаборатории НИИ педиатрии АМН СССР. Проживание З.А. Ихсанова в Москве послужило дополнительным толчком в его литературном и художественном развитии. В 1963—1973 гг. он работает в Башкирском государственном медицинском институте: проректор по учебной работе и профессор кафедры нормальной физиологии, с 1965 года - ректор, одновременно с 1968 года - заведующий кафедрой нормальной физиологии [1, 2]. Входил в состав Совета ректоров вузов республики. В эти годы руководитель института ректор З.А. Ихсанов внёс значительный вклад в совершенствование учебно-педагогической и научно-исследовательской работы, развитию материально-технической базы вуза с прицелом на отдаленную перспективу. Он был хорошо известен в научной и литературной общественности республики, дружил со многими известными писателями и журналистами, в том числе с Назаром Наджми, Хакимом Гиляжевым, А.М. Мирзагитовым и др. Будучи ректором медицинского института, активно помогал писателям и журналистам с консультациями по состоянию здоровья и содействовал при необходимости в госпитализации собратьев по перу. В свою очередь от них он получал критические замечания и наставления по улучшению своих литературных текстов. З.А. Ихсанов — автор пьесы «Кукушка кукует», текстов оперных либретто, фантастических рассказов и организатор внутривузовской многотиражной газеты «Медик» Башкирского государственного медицинского института имени 15-летия ВЛКСМ, которая внесла значительный вклад в развитие медицинской и спортивной журналистики в Республике Башкортостан. Одна фантастическая повесть находится в рукописном состоянии в Музее истории медицины Башкирского государственного медицинского университета и поражает своей оригинальностью, т.к. посвящена развитию умственного и физического долголетия человечества. Научные исследования посвящены изучению физиологии и реактивности центральной нервной системы, механизмов развития раннего старения и разработке мер его предупреждения, особенностям проявления законов диалектики в процессе онтогенетического развития. Зайнулла Аминович умер в 1997 году и похоронен на Южном кладбище г.Уфы [3, 4]. Он прожил 91 год, сохраняя творческое долголетие, практически до последних своих дней писал очерки, пьесы и художественные картины. Автор более 50 научных работ. Писатель и художник Зайнулла Аминович неоднократно проводил выставки своих картин в холле Башкирского государственного театра оперы и балета. Зайнулла Аминович награждён орденами Октябрьской Революции (1971 г.), Отечественной войны 2-й степени (1985 г.), «Знак Почёта» (1966 г., 1979 г.), многими медалями. Ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Башкирской АССР». В ноябре 2021 года исполнится 115 лет со дня рождения доктору медицинских наук, профессору Зайнулле Аминовичу Ихсанову, Всемирный Курултай башкир планирует отметить данное событие, т.к. он был ректором Башкирского государственного медицинского института имени 15-летия ВЛКСМ в 1965—1973 гг. и при его руководстве были организованы и открыты санитарно-гигиенический факультет (1971 год) и вечернее отделение лечебного факультета; в 1970 году институт получил статус I-й категории и стал одним из ведущих медицинских

вузов СССР, в 1970 году открылся Диссертационный Совет по защите диссертационных работ для получения ученой степени доктора наук. Он инициировал издание внутривузовской газеты «Медик» в сентябре 1968 года. Зайнулла Аминович провел большую работу с членами Учёного Совета Башкирского государственного медицинского института имени 15-летия ВЛКСМ о необходимости внутривузовской газеты «Медик». Достижения в учебе и спорте, общественные и культурные мероприятия в медицинском институте — стали основными рубриками газеты. Он принял на работу в качестве преподавателя кафедры нормальной физиологии выпускницу 1967 года филологического факультета Башкирского государственного университета С.А.Панасенко, которая в последующем стала первым редактором газеты «Медик» [5]. Газета пользовалась большой популярностью среди студентов, преподавателей и врачебного сообщества Уфы и республики. Башкирский государственный медицинский университет в ноябре 2022 года будет отмечать 90-летие своего образования, в Музее истории медицины готовится раздел, посвященный профессору З.А. Ихсанову — ректору, писателю, основоположнику газеты «Медик».

Выводы:

1) Профессор, писатель З.А.Ихсанов внес значительный вклад в развитие медицинской и спортивной журналистики Республики Башкортостан.

Список литературы

1. Башкирская энциклопедия: [7 т.] / [гл. ред. М.А. Ильгамов]. - Уфа : Башк. энцикл., т. 3: 3 - К. - 2007. - 671 с.
2. Киньябулатов А.У. Медики Республики Башкортостан (биографический энциклопедический справочник). Уфа, 2009 — С.141.
3. Ректоры медицинских высших учебных заведений России 1800—2012 гг: Биографический энциклопедический справочник / В.Л. Околов, В.Н. Павлов, Г.П. Котельников, П.В. Глыбочко, М.А. Нартайлаков. – Уфа: Изд-во ГБОУ ВПО БГМУ Минздравсоцразвития России, 2021 — С.29-30.
4. <https://cyberleninka.ru/article/n/pamyati-uchitelya-k-100-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-professora-zaynully-aminovicha-ihsanova>.
5. Киньябулатов А.У., Аксенов С.Г., Юнусова Р.Р., Чистонов В.Д., Перминова В.А., Зайнуллин А.В., Мустафина Г.Р., Рахматова Ф.Б., Шамсиев Н.А. / Вклад журналиста, писателя С.А. Панасенко в развитие журналистики Республики Башкортостан. Казанская наука. 2021, №4. – С.57-59.

10.01.10

А.В. Липатова

Университет управления «ТИСБИ»,
факультет управления,
кафедра менеджмента,
Казань, anna-shab@mail.ru

ПОЗИТИВНАЯ И НЕГАТИВНАЯ МОДУЛЯЦИЯ МЕДИАОБРАЗА РУКОВОДИТЕЛЯ НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ

В статье исследуются особенности конструирования медийного образа руководителя через негативную и позитивную модуляцию характеристик на страницах советских газет «Правда» и «Известия». Автор предпринимает попытку выделить приемы формирования медиаобраза и сформулировать взаимосвязь между политическими традициями советского времени и характеристиками, предъявляемыми к руководителю той эпохи. Трансляция положительного и отрицательного опыта рассматривается как фактор создания и развития деятельностной модели образа руководителя.

Ключевые слова: медиаобраз, образ в общественном сознании, модуляция, характеристики образа, советская пресса.

Динамика изменений в политическом пространстве актуализирует обращение к закономерностям в процессе эволюции общественно-политических процессов. Наш взгляд направлен в сторону исторической ретроспективы в поисках ответа на вопрос: как медиаобраз руководителя воздействует на закрепление ценностных ориентиров? Л.Хочунская предлагает взглянуть на медиаобраз как на «закодированное в медийном тексте ценностное представление автора о медиаобъекте, имеющее полилогический характер и вызывающее ценностную реакцию адресата» [9, с. 93]. Выступая мощным инструментом влияния на поведение людей, медийный образ лидера транслирует паттерны поведения для общества, тем самым формируя устойчивую форму политического сознания. В данном контексте особый интерес представляет поиск особенностей формирования позитивных и негативных модуляций характеристик образа руководителя как прототипа социальной группы в советскую эпоху.

Эмпирическую основу исследования составили 42 материала изданий «Правда» и «Известия» за период с 1960 по 1962 годы, в которых приводятся различные оценки результатов деятельности руководителей районов, регионов и иных образований. В качестве метода исследования был использован контент-анализ, который позволил определить особенности выражения медийного образа и его характеристик.

Согласно классификации Д.Л. Стровского [8, с. 142-143], газета «Правда» как центральное издание, выходившее в столице и распространяемое по всей стране, занимает верхнюю позицию в иерархии партийной печати. «Известия» относятся к группе СМИ Советов, официальной правительственной печати. На страницах изданий мы наблюдаем «стереотип патерналистского государства, способного обеспечить благополучие общества» [8, с. 166], неустанный контроль на всеми сферами жизни общества, идейно выраженные стереотипы в виде коллегиального решения вопросов, приоритета коллективного мнения над индивидуальным, утверждения ценности и важности коммунистического труда, порицание лени, халатности. Личность представлена в нескольких контекстах: одна из них – труженик, передовик, «жертвенный» герой, всецело отдающий себя во имя победы коммунизма, другая – руководитель, коммунист, берущий ответственность за организацию масс и реализацию поставленных Партией задач. Вторую форму медиаобраза мы и рассмотрим далее.

На страницах «Правды» и «Известий» положительная и отрицательная модуляция медиаобраза руководителя представлена через различные выразительные средства. Так, через антитезу в материалах газеты «Правда» от 1960 года «Быть боевым организатором масс» [1, с.1] и «Рязанская область увеличила продажу мяса» [7, с. 3] описаны примеры передового прорыва и провала поставленного Партией плана. Образцом успеха выступает Рязанская область (так называемая «лапотная область»), а вот Казахстан, «ставший одной из крупнейших житниц страны», записан по ряду вопросов в число отстающих. Причина кроется в «ослаблении организационной работы партийных органов» и лени: *«Некоторые партийные и советские руководители республики почтили на лаврах и предали забвению непреложное правило ленинизма о необходимости неустанной организационной работы»* [1, с. 1]. Здесь мы видим продолжение традиций сталинской статьи от 1930 года «Головокружение от успехов». Собирательный образ государства, оказывающего отеческую заботу в интересах большинства, противопоставляется медиаобразу руководителя, отошедшего от общей линии строительства коммунизма.

При срыве взятых обязательств и поставленного Партией плана в свет выходят публикации, обличающие «слабые звенья» системы. В статье «Обещания расходятся с делами» [4, с. 2] подробно анализируются причины невыполнения плана по производству мяса Ставропольским краем. Образ секретаря райкома партии Жукова показан в двух дихотомических проекциях: при взятии обещаний и после их срыва («в то время в героях ходил»). *«Надо думать, что партийные и советские органы сделали необходимые выводы и на деле усилят организационную работу»*, – резюмирует автор в финале статьи, направляя сообщение не столько к конкретному руководителю, сколько к массовому читателю.

В передовых статьях с высокой частотностью встречается семантическая единица «боевой организатор масс». Большое значение придается идейно-воспитательной роли партийного руководителя. *«Трудовое воспитание – это суть, сердцевина в деятельности всех агитаторов и пропагандистов»*, – говорится в передовице газеты «Правда» от 1960 года [6, с. 1]. Здесь качества «боевого организатора масс» высвечиваются через положительную модуляцию характеристик мастерства, страстности и неутомимости, идейной убежденности, всесторонней подготовленности. Утверждается, что пропагандист должен быть «всегда в гуще масс, жить одной жизнью со своими слушателями», быть «авторитетным человеком, умеющим творчески связать теоретические положения с практическими задачами», «бесстрастным проповедником», «неутомимым борцом, утверждающим новое, передовое». В качестве негативного примера недоработки организаторов приводится семинар в г. Ессентуки: *«Семинар прошел формально, лекции читались на низком уровне, без связи с жизнью»*.

На страницах советской прессы мы встречаем осуждение формального, казенного отношения к работе с массами. Тема бережного, опекающего отношения к коллективу раскрывается в публикациях, посвященных новым требованиям партийно-организационного руководства. Успех работы каждого колхоза, предприятия связывается с грамотной кадровой политикой: *«Там, где решающие участки производства возглавляют опытные организаторы, глубоко знающие дело, добиваются хороших результатов»* [5, с. 2]. Упор сделан на умелом сочетании старых опытных работников и молодых энергичных специалистов, на выстраивании линии преемственности. Внимание уделяется не только пропаганде и воспитанию, но и повседневной заботе о людях: *«Партийные организации обязаны вникать во все стороны жизни коллективов, интересоваться, как трудящиеся используют свой досуг, учатся и отдыхают»* [2, с.1]. Таким образом, политика государственного вмешательства в жизнь граждан транслируется на деятельностную модель руководителя.

Приемы сатирического высмеивания можно выделить как ключевые в описании духовного руководства. В публикации газеты «Известия» «История одной карьеры» [3, с. 6] о слушании дела правящего архиепископа Казанской и Марийской епархии создан образ тщеславного и слабого человека, пришедшего в христианскую деятельность, как утверждает

автор статьи, ради власти и богатства. Негативную оценку формируют такие эпитеты, как «блудливый лысаковатый владыка», «нашкодивший пастырь», «предприимчивый владыка». Легкий сатирический характер повествования усиливается серьезными обвинениями в сотрудничестве с врагами: *«Во время войны благословлял фашистов, встретив их как освободителей»*.

Итак, можно выделить следующие особенности формирования образа руководителя на страницах всесоюзных газет:

1. приоритетными выступают профессионально-лидерские характеристики (сильные организаторские качества, компетентность, умение вести грамотно кадровую политику и т.д.);

2. гражданско-патриотические характеристики выражаются через преданность служению идеям Партии, отношение к труду как к моральной категории (порицание лени и призыв к неустанной работе), заботу о вверенном коллективе;

3. отрицательная и положительная модуляция характеристик формирует целостный непарадоксальный образ руководителя как основу для эталонного образца поведения в общественно-политической ситуации исследуемой эпохи.

Таким образом, негативная и позитивная модуляция медиаобраза лидера в партийной печати формируется приемами, основанными на биполярном разделении: свой – чужой, враг; ответственный – безответственный; эффективный – деструктивный; героический, сильный – тщеславный, слабый. Мы наблюдаем тесную связь между политическими традициями советского времени и характеристиками медийного образа, которые формулировали ценностные ориентиры для успешного встраивания в конкретный общественно-политический контекст.

Список литературы

1. Быть боевым организатором масс // Правда. – 3 янв. 1960. – № 3.
2. Забота о человеке – превыше всего // Правда. – 9 авг. 1962. – № 221.
3. *Завелев Л.* История одной карьеры // Известия. – 8 июл. 1960. – №161.
4. Обещания расходятся с делами // Правда. – 8 янв. 1960. – № 6.
5. Партийно-организационное руководство – на уровень новых требований // Правда. – 27 января 1962. – №27.
6. Пропагандист – боевой организатор масс // Правда. – 12 янв. 1962. – №12.
7. Рязанская область увеличила продажу мяса // Известия. – 1960. – №7.
8. *Стровский Д.Л.* Отечественные политические традиции в журналистике советского периода. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
9. *Хочунская Л.В.* Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект // Вестник РУДН. 2013. № 2. С. 93.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

Л.В. Бронник

Кубанский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра прикладной лингвистики и новых информационных технологий,
Краснодар, larisa-bronnik@mail.ru

**ДИНАМИКА КОНЦЕПТОВ «ПРИВИВОЧНИК» И «АНТИПРИВИВОЧНИК»
В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ:
КОГНИТИВНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ**

Данная работа посвящена анализу динамики концептов «прививочник» и «антипрививочник» в русскоязычном дискурсе. В качестве основного метода исследования использовано когнитивно-синергетическое моделирование (модель самоорганизации концепта, модель жизненного цикла концепта). Установлен механизм и причины возникновения концептов «прививочник» и «антипрививочник» в русской языковой картине мира, а также особенности их функционирования и развития в русскоязычном дискурсе.

Ключевые слова: *концепт «прививочник», концепт «антипрививочник», концептуальная динамика, русскоязычный дискурс, когнитивно-синергетическое моделирование.*

Цель данной работы состоит в том, чтобы эксплицировать динамику концептов «прививочник» и «антипрививочник» в русскоязычном дискурсе, описав ее с помощью когнитивно-синергетических моделей. Объекты исследования – национально-культурные «сгустки» смысла, номинированные лексемами «прививочник» и «антипрививочник», – рассматриваются здесь с позиции когнитивной лингвосинергетики как системы, способные демонстрировать сложный спектр динамики в дискурсивной среде. Обращение к когнитивно-синергетической методологии позволяет ответить на следующие проблемные вопросы: 1) как и почему возникли данные ментальные единицы русской языковой картины мира; 2) какие стадии прошли в своем функционировании и развитии данные концепты. (Подробно о когнитивно-синергетическом подходе к языку, его методологическом потенциале при изучении динамики концептов см. [1]).

Актуальность данного исследования обусловлена причинами как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Выбор проблематики работы вызван, прежде всего, активным неослабевающим интересом лингвистов к динамическим особенностям языковой концептуализации и категоризации мира носителями русской лингвокультуры. Кроме того, данное исследование приобретает особую прикладную актуальность в условиях сложной эпидемиологической обстановки, сложившейся в России в 2021 году, когда сформировался социальный запрос осмыслить данные концептуальные явления в русском массовом сознании. Новизна исследования состоит в том, что впервые описывается механизм и причины возникновения концептов «прививочник» и «антипрививочник», а также уточняются особенности их функционирования и развития в русскоязычном дискурсе.

Материалом исследования послужили языковые единицы разного уровня, выражающие концепты «прививочник» и «антипрививочник», отобранные методом сплошной выборки из русскоязычного сектора Веб-корпуса с помощью поисковой системы Гугл. Для достижения цели исследования был использован когнитивно-синергетический метод моделирования (модель самоорганизации концепта, модель жизненного цикла концепта), метод анализа словарных дефиниций, некоторые виды лингвистического анализа (интерпретативный, дискурсивный, контекстуальный).

Кратко опишем ход и результаты исследования. На первом этапе мы выделили так называемые управляющие параметры – те внешние обстоятельства, которые заставляют

систему концепта выходить из состояния равновесия, чтобы найти новые языковые формы своего существования, способные справиться с новыми функциональными задачами — выражать некий новый нетипичный смысл в дискурсе. Применительно к изучаемой ситуации управляющими параметрами выступили, на наш взгляд, два фактора. Во-первых, таковым стала законодательная отмена обязательной вакцинации в 90-е гг. прошлого века, что предоставило гражданам свободу выбора — участвовать в иммунопрофилактике или отказаться от этого. Другим важным событием, повлиявшим на изменение русской языковой картины мира, стало бурное развитие электронной коммуникации, в частности социальных сетей, ставших эффективным средством воздействия на массовое сознание.

На следующем этапе была решена задача описать механизм возникновения новых концептов «прививочник» и «антипрививочник». На наш взгляд, адекватной моделью служит модель самоорганизации концепта, подробно представленная нами в работе [1]. С помощью анализа дефиниций, извлеченных из толкового словаря [2], были определены параметры состояния (данный термин соотносим с терминами «сема», «семантический признак», «концептуальный признак», используемыми в других лингвосемантических теориях) лексического концепта «прививочный»: [ПРИЗНАК: связанный с прививкой] и морфологического концепта «ик»: [ЛИЦО] + [ПРИЗНАК: связанный с явлением]. (Для краткого описания концептов мы взяли за основу условную запись, разработанную Р. Лангакером). В результате образовался новый лексический концепт «прививочник»: [ЛИЦО] + [ПРИЗНАК: связанный с прививкой].

Самоорганизация лексического концепта «антипрививочник» может быть описана аналогичным образом. «Строительным» материалом послужили следующие структуры: лексический концепт «прививочный»: [ПРИЗНАК: связанный с прививкой], морфологический концепт «ик»: [ЛИЦО] + [ПРИЗНАК: связанный с явлением] и морфологический концепт «анти»: [ОТНОШЕНИЕ: против]. Новый лексический концепт «антипрививочник» имеет следующий семантический «портрет»: [ЛИЦО] + [ПРИЗНАК: связанный с прививкой] + [ОТНОШЕНИЕ: против]. Здесь мы можем наблюдать действие закона смысловой компрессии, описанного в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера: при образовании новой концептуальной сущности снижается сложность ее ментального пространства [5, р. 92–93, 312–325]. При образовании концептов «прививочник», «антипрививочник» исходные концептуальные структуры имели соответственно три и четыре семантических параметра, а новые концептуальные системы обладают уже двумя и тремя смысловыми признаками.

На следующем этапе исследования мы использовали эволюционно-синергетическую модель жизненного цикла, которая позволила нам выявить следующие стадии (фазы) функционирования и развития концептов «прививочник» и «антипрививочник» в русскоязычном дискурсе.

Фаза I. Образование концепта. Итак, в результате самоорганизации возникли концепты «прививочник»: [ЛИЦО] + [ПРИЗНАК: связанный с прививкой] и «антипрививочник»: [ЛИЦО] + [ПРИЗНАК: связанный с прививкой] + [ОТНОШЕНИЕ: против]. Их дискурсивная функция состоит в том, чтобы называть тех, кто выступает за вакцинацию, и тех, кто настроен отрицательно к этому процессу.

Фаза II. Состояние равновесия с дискурсивной средой. На данном этапе концепт характеризуется структурно-функциональной устойчивостью. Применительно к концептам «прививочник» и «антипрививочник» эту закономерность можно зафиксировать так: ([ПРИВИВОЧНИК]/(прививочник)), ([АНТИПРИВИВОЧНИК]/(антипрививочник)), где в квадратных скобках указана функция (смысл, значение, содержание) концепта, а в круглых — языковая структура, репрезентирующая этот смысл в дискурсе. Это означает, что варьирование коммуникативных условий не влечет за собой трансформацию языковой структуры концептов «прививочник» и «антипрививочник»: их реализуют одни и те же лексемы (*прививочник* и *антипрививочник* соответственно).

Фаза III. Состояние слабого равновесия с дискурсивной средой. Новые дискурсивные

вызовы вынуждают концепты «прививочник» и «антипрививочник» приспособливаться, адаптировать свои языковые структуры, чтобы сохранить эффективность функции – называть в дискурсе людей, поддерживающих или отвергающих идею вакцинации. Отметим, однако, что образованные лексемы не получили массового распространения, в отличие от слов *прививочник* и *антипрививочник*.

([ПРИВИВОЧНИК]/(прививочник, пропрививочник, запрививочник))

([АНТИПРИВИВОЧНИК]/(антипрививочник, противопрививочник))

Фаза IV. Состояние сильного неравновесия с дискурсивной средой. Анализ концептов «прививочник» и «антипрививочник» в дискурсе показал, что все более нетипичные условия коммуникации, главным образом связанные с потребностью уточнить род занятий сторонников и противников прививок, выразить свое отношение к ним, подталкивают данные концепты к порождению большого количества новых языковых конструкций в форме сложного слова.

([ПРИВИВОЧНИК]/(прививочник, пропрививочник, запрививочник, гиперпрививочник, прививочник-сектант, ковид-прививочник, человек-прививочник, врач-прививочник, турист-прививочник, фашист-прививочник, клоун-прививочник, герой-прививочник, радикал-прививочник))

([АНТИПРИВИВОЧНИК]/(антипрививочник, противопрививочник, врач-антипрививочник, педиатр-антипрививочник, родитель-антипрививочник, блогер-антипрививочник, автор-антипрививочник, олень-антипрививочник, Ванька-антипрививочник, чудак-антипрививочник))

Фаза V. Развитие концепта. Дальнейшее развитие коммуникативной ситуации спровоцировало самоорганизацию новой более сложной формы концептов «прививочник» и «антипрививочник», представленную синтаксической конструкцией словосочетания «прилагательное» + «существительное» (в примерах выделены подчеркиванием).

Я абсолютный прививочник. Считаю, что прививки необходимы и нужны. [4].

А если вы заядлый антипрививочник, ответьте на вопрос: если вас укусит бешеная собака - сколько минут вы будете придерживать своих принципов, а потом сделаете спасительный укол? [3].

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

1. Причиной возникновения концептов «прививочник» и «антипрививочник» послужили два социальных события: законодательный отказ от обязательной вакцинации в 90-е гг. XX в. и интенсивное развитие массовых форм электронной коммуникации. Адекватной моделью описания механизма их образования является модель самоорганизации.

2. Концепты «прививочник» и «антипрививочник» прошли в своем развитии с 90-х гг. XX в. полный цикл концептуального развития, что было вызвано необходимостью адаптироваться к новым условиям русскоязычной коммуникации, адекватно выражая в дискурсе противоположные концептуальные смыслы – «за прививки» и «против прививок».

Список литературы

1. Бронник Л.В. Динамическая сложность концепта в дискурсе: когнитивно-синергетический подход. Краснодар: Краснодарский ЦНТИ, 2010. 251 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 30.05.2021).
3. Для тех, кто хочет знать больше [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/review/1941109-pandemiya-vsemirnaya-istoriya-smertelnyh-virusov-sonya-shah> (дата обращения: 10.06.2021).
4. Переболевших COVID-19 выпишут после одного отрицательного теста [Электронный ресурс]. URL: <https://volgograd24.tv/novosti/PerebolevshihCOVID-19vipishutposleodnogootricatelnogotesta/> (дата обращения: 10.06.2021).
5. Fauconnier G., Turner M. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York: Basic Books, 2002. 464 p.

10.02.01

З.М. Дударева, С.В. Минибаева, А.В. Кривицкая

Башкирский государственный университет,
Стерлитамакский филиал,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Стерлитамак, dudarevazm@mail.ru, sveta.minibaeva@yandex.ru, nastena.str@yandex.ru

РЕГИОНИМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИДИОСТИЛЯ ГОРОДА

В предлагаемой статье рассматриваются вопросы, касающиеся отдельных аспектов лингвистической урбанологии. Авторы рассматривают эргонимы, которые являются маркером языка провинциального города, определяя его как место сплава языков и культур. Акцент в данной работе сделан на представлении тех наименований, которые можно назвать регионимами. Разные по языку-источнику, по структуре и характеру номинации, они дают представление о том, какие наименования составляют идиостиль города.

Ключевые слова: язык города, лингвистическая урбанология, эргонимы, регионимы, идиостиль города.

Язык современного города представляется сложным лингвистическим, лингвокультурным феноменом, требующим разноаспектного его изучения. Говоря о филологической урбанологии как многоотраслевой дисциплине, В. А. Яковлева отмечает, что она постулирует «изучение города как особого рода искусственно созданного макротекста, или урботекста, со своим синкретическим языком, знаковой системой, вариативной семантикой, постоянно пополняемой новыми смысловыми оттенками» [6, с. 771]. Закономерно, что полиэтнический город с этой точки зрения предлагает исследователям большие возможности и широкие перспективы изучения своего лингвистического пространства.

Абдуллина Г. Р., Абубакирова Л. Ф., Аюпова Л. Ф., изучая эргонимы в лингвистическом пространстве Республики Башкортостан, подсчитали, что эргонимы тюркского происхождения составляют почти половину названий, и выделили 14 лексико-семантических групп. В их состав входят: 1) названия, образованные от антропонимов, любых собственных имен; 2) названия-мифонимы; 3) названия, образованные от зоонимов; 4) эргонимы, содержащие топографическую характеристику-компонент Урал: ателье «Урал»; 5) эргонимы с компонентом баш: фирма «Башхолод», магазин «Башспирт»; 6) эргонимы, показывающие специфику тюркской культуры: производственное предприятие «Курай»; 7) названия, образованные от космонимов: магазин «Ай» (тюрк. луна); 8) эргонимы, образованные от хрематонимов, представляющих предметы материальной культуры: магазин «Алтын» (тюрк. золото); 9) эргонимы, образованные от топонимов: гостиница «Агидель» (от названия реки); 10) названия, связанные с культурой тюркских народов: студия красоты «Ете кыз» (наименование башкирской легенды); 11) названия, образованные от хрононимов: магазин «Заман» (тюрк. эпоха); 12) названия, образованные от геортонимов – названий отдельных мероприятий и кампаний: гостиница «Рамазан» (башк. месяц обязательного для мусульман поста); 13) названия, образованные от наименований профессии или социального положения человека: центр «Табиб» (тюрк. доктор); 14) названия, образованные от наименований особенностей характера или оценочных характеристик, абстрактных понятий: «Берлек» (тюрк. единство) [1].

Мы в данной работе сочли возможным выделить 4 группы эргонимов, определяющих ономастический образ города: эргонимы, восходящие к арабской по происхождению лексике; эргонимы, содержащие тюркские лексические элементы; эргонимы, в составе которых имеются указания на топографическую привязанность к Республике Башкортостан

и эргонимы, в составе которых имеются указания на топографическую привязанность к городу Стерлитамаку.

I. Эргонимы, восходящие к арабской по происхождению лексике

Подобные эргонимы прежде всего являются визитной карточкой предприятий, связанных по роду своей деятельности с религиозным мировоззрением мусульман. Так магазин религиозных товаров носит наименование «Аль-Каусар», что в переводе с арабского означает «обильный», «изобилие» и представляет собой сто восьмью по счету и самую короткую суру Корана – Священной Книги мусульман.

II. Эргонимы, содержащие тюркские лексические элементы

1.1. Почти в любом населенном пункте можно найти предприятия, наименование которых восходят к именам и, прежде всего, к именам женским. На территории Стерлитамака мы встречаем парикмахерские «Альфина», «Гузель», «Зульфира», «Лилия»; аптеки «Гузель», «Салима»; продуктовые магазины «Алсу», «Гузель»; кафе «Айгуль», швейное ателье «Гузель». Из мужских имен в нашей выборке отмечено название кинотеатра «Салават» в честь национального героя башкирского народа. Отметим, что персонный код, который Т. В. Шмелева называет важнейшим [5, с. 57] в городском ономастике обычно представлен наименованиями улиц, площадей и т.д. В данном случае меморативная функция актуализируется эргонимом.

1.2. Следующую группу составляют эргонимы, восходящие к наименованиям рек (гидронимам). Самым популярным является эргоним «Ашкадар». Это наименование принадлежит ресторану, гостинице, универсаму. С названиями рек связаны наименования двух садоводческих товариществ: «Агидель» и «Тихий Ашкадар».

1.3. В отдельную группу выделяются эргонимы, восходящие к наименованиям гор (оронимам). Название «Шиханы» носит база отдыха. Другие предприятия связаны своими названиями с отдельными горами: продуктовый магазин «Шахтау», рекламная полиграфическая фирма «Юрактау плюс», в Стерлитамакском районе расположен горнолыжный комплекс «Куштау».

1.4. Эргонимы, образованные от хрононимов (обозначений отрезков времени), представлены в нашей выборке одним наименованием: кафе «Тан» (тюрк. тан – утро).

1.5. Эргонимы, восходящие к названиям предметов материальной культуры. В этой группе можно выделить наименования магазина халяльной продукции «Юрта» и компании по производству мясных полуфабрикатов «Алтын юрта», в которых присутствует обозначение традиционного жилища башкир.

1.6. Эргонимы, восходящие к наименованию лиц. В качестве наименований стерлитамакских предприятий выступают и лексемы, в которых передается значение «уроженец одной с кем-либо местности». Столовая «Нэнэчка» получила название от тюрк. нэнэй – бабушка, при этом, как видим, слово приобрело русский уменьшительно-ласкательный суффикс.

1.7. Наименования, восходящие в тюркских языках к оценочной характеристике лица, товара или действия. На территории Стерлитамака функционируют сети продуктовых магазинов «Ансат» (тюрк. легко, просто) и непродовольственных товаров «АрZан» (тюрк. дешево).

1.8. Эргонимы, в составе которых присутствуют лексемы разных языков. Особо хотелось бы обратить внимание на эргонимы, отражающие своеобразный диалог языков и культур. Название кафе «Веербар», с одной стороны, представляет собой обозначение места потребления пива – *бар* как русское слово, с другой стороны, слово *бар* в переводе в башкирского/татарского означает «есть, имеется». Значит, издали увидев это название, потенциальный посетитель должен понимать, что в данном заведении *пиво есть*. Появление подобных наименований городских объектов позволяет сделать вывод, что использование в их составе заимствованной лексики или ее части является определенным маркером, характеризующим специфику и особенности межкультурной коммуникации в языковом пространстве города [2, с. 106].

III. Эргонимы, в составе которых имеются указания на топографическую привязанность к Республике Башкортостан

3.1. В этой группе можно выделить эргонимы, в которых имеется полное название региона, например, торговый центр «Башкирия», магазин «Хлеба Башкирии и эргонимы, которые имеют в своем составе сокращенные компоненты *БАШ-/Bash-* и *РБ*, например, известная в республике сеть цветочных магазинов называется «Лима-РБ».

IV. Эргонимы, в составе которых имеются указания на топографическую привязанность к городу Стерлитамаку

Наименования этой группы могут содержать полное название города: чебуречная «Chebureki_sterlitamak», но чаще мы видим в составе эргонимов компоненты СТЕР-, СТР-, STR. Так сеть местных хлебных магазинов называется «СТЕР-Х».

Приведенные примеры позволяют нам утверждать, что идиостиль города Стерлитамак формируется, в первую очередь, за счет языкового взаимодействия между русским и тюркскими (башкирским и татарским) языками. Результатом подобного языкового союза являются регионимы, во многом определяющие этническую специфику наименований городских объектов.

Ономастическая составляющая языка города продолжает оставаться одной из приоритетных сфер филологических исследований. Современные эргонимы призваны не просто называть, но и транслировать информацию исторического и культурологического характера, что особенно наглядно проявляется в лингвистическом ландшафте городов, где наблюдается тесное взаимодействие языков. Проведенный анализ показал, что регионимы г. Стерлитамака создают стиль локальной индивидуальности, его особенный идиостиль.

Список литературы

1. Абдуллина Г.Р., Абубакирова Л.Ф., Аюпова Л.Ф. Лексико-семантические, словообразовательные особенности тюркских эргонимов, функционирующих в лингвистическом пространстве Республики Башкортостан // Проблемы востоковедения. 2019/3 (85). С. 70-76.
2. Дударева З.М. Межкультурная коммуникация в лингвистическом пространстве городской эргонимики // Уральский филологический вестник. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. С. 102-106.
3. Кривицкая А.В. Современная эргономика как специфическая черта городской культуры (на примере эргонимов г. Стерлитамак) // Научные труды молодых ученых-филологов XVIII. М., 2019. С.139-143.
4. Минибаева С.В., Ермоленко Е.В. Лингвистические особенности урбанонимов города Стерлитамака Республики Башкортостан // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12, Вып. 5. С. 140-144.
5. Шмелева Т.В. Поликодовость городского ономастикона // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. С. 51-66.
6. Яковлева Е.А. Филологическая урбанонология: новые аспекты изучения города // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского, 2011. № 6(2). С. 771-774.

10.02.01

Д.Б. Луговой, Е.А. Луговая

Ставропольский государственный педагогический институт,
педагогический факультет,
кафедра русского, родных языков и лингводидактики,
Ставрополь, ek.lugovaya@yandex.ru, lugovoy.d@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «КАВКАЗСКОГО ТЕКСТА»

Статья посвящена исследованию «кавказского текста» в аспекте сохранения национальной идентичности народов, проживающих на территории Северного Кавказа. Целью нашей статьи является расширение понятия «Кавказский текст», наполнение его такими компонентами, как художественная концепция Кавказа в русской литературе, творчество национальных мастеров слова, а также особенности регионики Северного Кавказа, что позволяет формировать лингвокультурную характеристику анализируемого феномена в целом.

Ключевые слова: *кавказский текст, язык и культура, языковая личность.*

Лингвокультурологический потенциал сверхтекстов, или «городских текстов», «провинциальных текстов», по определению Н.Е. Меднис [4], вызывает активный исследовательский интерес. В последнее время наиболее широко исследованы Петербургский, Сибирский текст русской литературы и Алтайский текст как его компонент [5], Московский, Крымский [3], Венецианский, Лондонский, Вятский и другие сверхтексты.

Понятие «Кавказский текст» русской литературы введено в гуманитарные исследования В.И. Шульженко, под которым автор понимает «литературное отображение кавказского мифа, совокупность произведений, которые, будучи написанными разными авторами в разное время, могут быть, однако, прочитаны как единый в своих основах сверхтекст. Этот миф не следует путать с типовыми для каждого этноса «корневыми» мифами, этот миф не принадлежит ни одному из живущих здесь издревле народов, это миф русский, о русских, пытающихся вписать себя в кавказское миро устройство» [5].

В нашем исследовании понятие «Кавказский текст», существенное место в котором занимает «красота» [5], усложняется и наполняется новыми компонентами, чем уже рассмотренный локатив, и, на наш взгляд, может включать следующие конститuenty:

1) Кавказский культурный код, воссозданный в фольклорных и художественных текстах;

2) художественную концепцию Кавказа в русской литературе;

3) регионику Северного Кавказа.

«Кавказский текст», таким образом, представляет собой сверхтекст не только эксплицирующий произведения о Кавказе, но и способствующий становлению национальных литературных традиций народов Кавказа, обогативших своей самобытностью и этнической яркостью общий фонд русской литературы, ведь произведения Р. Гамзатова, Ф. Искандера, К. Кулиева, А. Кешокова и других авторов стали важной и неотъемлемой частью русской литературы.

Кавказский культурный код, воссозданный в фольклорных и художественных текстах, в уникальном этическом кодексе, заинтересовывает прогрессивно настроенного русского читателя в конце XVIII века, когда тема Кавказа появляется на страницах художественных произведений и в периодической печати.

В XIX веке эта тема активно входит в русскую литературу и постепенно утверждается в ней. Уникальное геополитическое и культурно-языковое своеобразие Северного Кавказа позволяет говорить о социализации и инкультурации различных народов, проживающих на

данной территории, и приводит к симбиозу менталитета, стиля жизни, системы моральных ценностей многочисленных этнических культур и русской национальной культуры.

Прагматический и лингвистический статус «Кавказского текста» ставит его в центр мифопоэтической модели мира народов Северного Кавказа, соединяя воедино язык и культуру, которые функционируют в качестве своеобразных индексов, познавательных схем восприятия исследуемой территории.

С одной стороны, в «Кавказском тексте» проявляется культура горских народов, которая ориентирована на своеобразные стереотипы поведения и мышления, что нашло отражение в следующих компонентах: 1) в стиле жизни, который может быть описан такими концептами, как «удаль», «воля», «раздолье», «простор» и т.д.; 2) в традиционном кавказском гостеприимстве, эксплицируемом в концептах «хлебосольность», «щедрость»; 3) в культе старшинства и семейных отношениях, которые реализуются концептами «уважение», «мудрость», «честь».

Как мы видим, выделенные концепты «Кавказского текста» являются базовыми для традиционной русской концептосферы, поскольку выявленные ценности эксплицированы в морально-нравственных ориентирах традиционных горских культур, этике, нравах северокавказских народов.

Все эти компоненты отражены и на географической карте исследуемой территории, поэтому региональный компонент образа мира представляется весьма существенным фактором, оказывающим большое влияние на мировосприятие в поликультурном социуме в целом. Следовательно, региональный топонимикон также может быть включен в «Кавказский текст», позволяя рассматривать это понятие не только с точки зрения литературоведческого аспекта, но шире, через категории филологии в целом.

Выделяя в объекте мотивирующий признак, человек сопоставляет предметы один с другим или перемещается вдоль границ объекта, учитывая не только то, что на поверхности, но и то, что часто скрыто. Оправданный хронотопически культурно-языковой контакт с кочевавшими здесь ранее тюрко- и монголоязычными народами обусловил освоение исходных гидронимов и топонимов в славянской речевой стихии и связанную с этим неизбежную интерференцию, что привело к возникновению достаточно спорного понятия «русская топонимия Северного Кавказа», в которой соединились наименования вновь возникающих, как правило, вдоль рек поселений и обрастание гидронимов русскими аффиксами и окончаниями (Ташла, Ахтырка, Бешпагирка), а иногда имела место и народная этимология, переводящая незнакомое наименование – р. Бибала – в знакомое и мотивированное семейной легендой – р. Буйвола с вариантами – Сухая и Мокрая). При этом внутренняя форма оказывается не столько мотивировкой топонима, сколько мотивом предания, так как феномен фольклорной ремотивации коренится в закономерностях восприятия топонимов. Возникали неизбежно особенности произношения ранее имевших место топонимов, микротопонимов и гидронимов (Каясула/Куяслы, Ашикулак/Ачикулак, Новкус/Невкус), поскольку топонимы сотнями незримых нитей связаны с культурной жизнью человека, а, следовательно, каждый топоним может рассматриваться как культурный памятник своей эпохи.

Языковая картина мира кочевников, где человек, как вершина мироздания, смысл всех её составляющих, был главным её персонажем, для «новоселов» потребовала, с одной стороны, проникновения во внутреннюю форму бытовавших ранее образований, с другой – постижение дополнительных оттенков значения, или коннотаций, включающих стилистическую маркированность, экспрессивную окрашенность, ассоциативный потенциал, фоновый компонент семантики (г. Куцай, Летняя Ставка, х. Доброжеланный) [1].

Ценностными основами этнокультурного воспитания подростков в контексте глобализационных процессов должны выступать во имя искоренения утверждающегося всё шире и шире «духовного бродяжничества» ценности семейного общения, доброты, милосердия, порядочности, честности, нравственности, высоких жизненных мотиваций, способствующие сохранению и укреплению этнокультурной идентичности, стремлению к

сбережению своей культуры, языка, наследия прошлого и среды обитания, сохранению и упрочению культурно-исторической матрицы страны в условиях языковых ментальностей представителей многоязычного социума.

Лингвокультурные различия «Кавказского текста» способствуют «обогащению человеческого интеллекта и поведения, уважению культурных традиций, к формированию общечеловеческого образа мира» [2]. Целая плеяда блестящих авторов создают в свое время свои произведения, открывающие для русского читателя страну гор, свободы и мужественных людей. А.И. Полежаев, А.А. Бестужев-Марлинский, П.А. Катенин, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, посетившие в этот период Кавказ, внесли огромный вклад в литературное освоение этого края, невзирая на то, что не все они попали на Кавказ по доброй воле. Уникальный в своем мужестве и благородстве, свободолюбии, гуманизме и красоте Кавказ, созданный романтиками XIX века, трансформируется в антропоцентрическую кавказскую ноосферу.

Именно симбиоз всего обозначенного выше рождает «Кавказский текст», аккумулирующий язык и культуру, традиции и морально-волевые качества, тематические и образные константы, национальные концепты, все, что позволяет открыть уникальную местную культуру, этические нормы, ментальность.

Список литературы

1. Ефанова Л.П. Ономастикон Ставропольского края (синхрония и диахрония). Ставрополь, 2009. С. 142.
2. Луговой Д.Б., Луговая Е.А. Формирование языковой личности россиянина в поликультурном пространстве // Национальные и исторические традиции – источник общероссийского единства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Черкесск, 2020. С. 125.
3. Люсий А.П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: Дисс канд. культурологии. М., 2003.
4. Меднис Н.Е. Вопросы изучения «городских» текстов русской провинции // Сверхтексты в русской литературе // <http://rassvet.websib.ru>
5. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27-35.
6. Шульженко В.И. «Кавказский текст» русской литературы: границы описания и парадоксы восприятия // Известия ДГПУ. Т. 11. № 1. 2017.

10.02.01

О.О. Петрова канд. филол. наук

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Калуга, poks1990@yandex.ru

О СИНКРЕТИЗМЕ МЕТОНИМИИ И АНАЛОГИИ

В статье анализируется принцип формирования метонимических значений. В основе механизма развития значения может быть смежность и одновременное действие аналогии. Определённое метонимическое значение развивается не у конкретного слова. Формирование его происходит по аналогии у большинства слов, называющих одну и ту же группу объектов, образующих общую модель метонимического переноса.

Ключевые слова: *метонимическое значение, синкретизм, смежность, аналогия.*

Как отмечал ещё М.М. Покровский, в языке нередко наряду с семантическими процессами, обусловленными контекстом, действует и закон аналогии. В частности он отмечал: «*Instrumenti*, переходящие в *nomina actionis*. ... инструментальное имя обращается в локальное, а те локальные имена, которые обозначают место движения могут переходить, под влиянием синтаксических сочетаний и процессов *аналогии* [– выделение наше, О.П.] в *nomina actionis*» [2, с. 141].

В статье Е.В. Урысон проблема семантической аналогии является центральной. В ней дана и обширная литература [4].

Д.Н. Шмелёв, анализируя метонимию модели «населённый пункт → жители», вообще здесь не усматривает словарных метонимических значений, а говорит о действии некой формулы с общим значением и действии аналогии: «Таким образом, действие метонимической формулы выходит за рамки собственно словарных единиц... чем шире становится её действие, тем меньше оснований говорить о регулярности... т.е. метонимическая формула выступает как фактор не только регулярности, но и аналогии...» [5, с. 152].

Регулярные модели метонимического переноса не нуждаются в отдельных языковых значениях: достаточно присутствия самой модели. В силу частотности метонимические значения порождаются автоматически как аналогичные явления, поэтому, к примеру, такие метонимические переносы, как «населённый пункт → жители»; «вместилище → содержимое»; «вместилище → количественная мера»; «материал → изделие из материала», «учреждение → здание»... можно интерпретировать как следствие синкретизма метонимии и аналогии.

– Мне почему-то представляется, что вся *деревня* сидит в тени деревьев и с утра до вечера слушает всякие истории, и при этом все сидят, закинув свои палки поперёк шеи, у всех руки лежат на палках, безвольно свесив кисти (Фазиль Искандер, 1966) [1].

– Вся *Калуга* сбежалась на такое диво смотреть (Евгений Евтушенко, 1982) [1].

– Раскрасневшийся гусар бился об заклад, что одним залпом выпьет целую *бутылку* шампанского, что, впрочем, исполнил весьма неудачно, облившись весь вином (В.А. Соллогуб, 1845) [1].

– В два часа приехал я сюда из Веймара, остановился в трактире (которого имени, право, не знаю); выпил *чашку* кофе, пошел на так называемую Петрову гору в бенедиктинский монастырь и просил там первого встретившегося мне отца указать то место, где погребён граф Глейхен (Н.М. Карамзин, 1793) [1].

– Её худенькое, как палка, прямое тело, одетое в тёмный *ситец* и чёрную *фланель*, казалось мне какой-то тоненькой, деревянной подставкой к низко опущенной голове, с выбившимися из-под тёмного платка, повязанного шлычкой, седыми как лунь волосами (В.П. Желиховская, 1891) [1].

– Пономарев прошелестел, как встрёпанная осинка: полномочий-де не имею, полагаю, однако, пятьюстами не затруднится. «Скажите вашему флигель-адъютанту, пусть привезёт. И непременно *серебром*, а не ассигнациями» (Юрий Давыдов, 1988-1989) [1].

– Прежде всего он подошел к *университету* и остановился перед старым зданием (А.Ф. Писемский, 1858) [1].

– Он шёл с полковником Н..., который, доведя его до *гостиницы*, простился с ним и поворотил в крепость (М.Ю. Лермонтов, 1839-1841) [1].

Непоследовательно действие аналогии проявляется у моделей метонимического переноса «животное → мясо животного», «мясо животного → блюдо», в силу того что мясо не каждого животного используется человеком в качестве пищи.

Ср.: – Запекали *кролика*. – На второе подавали *кролика*. Невозможный контекст: *– Запекали *волка*. *– На второе подавали *волка*.

Кроме того, формированию метонимического значения по аналогии могут препятствовать словообразовательные возможности слова, когда для обозначения мяса существует своё производное наименование: *свинина*, *оленина*, *конина*...

Частично явление синкретизма метонимии и аналогии наблюдается у вторичных значений на основе исходных слов-синонимов (см. таблицу).

Таблица – Формирование вторичных значений у слов-синонимов

Прямое значение	Метонимическое значение
<i>глупый</i> человек →	<i>глупое</i> поведение
<i>бестолковый</i> человек →	↕ <i>бестолковое</i> поведение
<i>неразумный</i> человек →	↕ <i>неразумное</i> поведение
<i>весёлый</i> человек →	<i>весёлый</i> взгляд
<i>радостный</i> человек →	↕ <i>радостный</i> взгляд
<i>грустный</i> человек →	<i>грустные</i> слова
<i>печальный</i> человек →	↕ <i>печальные</i> слова

Данные примеры показывают, что многие метонимические синонимы имеют синкретичную мотивацию: это метонимия и это аналог метонимии. Однако такого рода синкретизм явление хоть и регулярное, но непоследовательное. Метонимическое словосочетание *печальный* опыт гораздо более частотно, чем *грустный* опыт, о чём свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка.

Синонимичные имена прилагательные *быстрый*, *проворный*, *шустрый*, *стремительный*, *скорый*... развивают аналогичные метонимические значения не всегда последовательно. Большим семантическим потенциалом обладает прилагательное *быстрый*: *быстрый* взгляд, *быстрые* глаза, *быстрые* руки, *быстрые* деньги, *быстрая* еда...

Ср.: сумасшедший человек → сумасшедший дом; безумный человек → *безумный дом.

Единственный пример употребления сочетания «безумный дом», зафиксированный в Национальном корпусе русского языка, включает прилагательное *безумный*, скорее, в метафорическом значении.

– Слышите? Сейчас же бросьте! Вот, действительно, нашли время для супа! *Безумный* дом! Чёрт знает, что в нём творится! (Ю.О. Домбровский, 1943-1958) [1].

Нервный человек → *нервная* работа; *раздражительный* человек → **раздражительная* работа; *нервный* человек → *нервные* пальцы; *раздражительный* человек → **раздражительные* пальцы.

Явление синкретизма метонимии и аналогии может наблюдаться и у вторичных значений слов-антонимов.

М.В. Сандакова отмечает, что имена прилагательные, образующие антонимичные пары, могут формировать метонимические значения параллельно. Она рассматривает такие прилагательные, как *интересный* и *неинтересный*, *известный* и *неизвестный* [3].

«Так, прилагательные *интересный* и *неинтересный* дают по два метонимических переноса: а) *интересный* ‘возбуждающий интерес; занимательный, любопытный’ (МАС) → *интересный* ‘разг. красивый, привлекательный’ (МАС); б) *интересный* ‘возбуждающий интерес; занимательный, любопытный’ (МАС) → *интересный* ‘отличающийся богатым внутренним содержанием, разносторонними интересами и т. д.’ (МАС) <...> Прилагательное *неинтересный* образует два параллельных метонимических значения совершенно аналогично. Прилагательные *известный* и *неизвестный* также дают параллельные переносы: *известный* ‘такой, о котором или которого знают, знакомый’ (МАС) → *известный* ‘пользующийся известностью, всеобщим признанием; знаменитый, прославленный’ (МАС); *неизвестный* ‘такой, о котором или которого не знают; незнакомый’ (МАС) → *неизвестный* ‘не пользующийся признанием, успехом, известностью’ (МАС)» [3, с. 41].

Синкретизм метонимического переноса и аналогии можно усмотреть в глагольных синонимах-эвфемизмах: она с ним *гуляет*, *ходит*, *таскается*...

– То-то и есть. Она, брат, с Терентьевым *таскается*... Я рассердился, чуть было не расцапался с ними (Ф.М. Решетников, 1863) [1].

– Он добился-таки своего: Валя, деликатно отвергнув своих одноклашек, *ходила* с ним (Руслан Киреев, 1989) [1].

Таким образом, довольно часто метонимическое значение формируется не как самостоятельное значение отдельного слова, а как общее у ряда слов, являясь результатом действия аналогии.

Список литературы

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 04.06.2021).
2. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков // Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию / М.М. Покровский. – М.: Издательство Райт, 2018/1959. – С. 63–162
3. Сандакова М.В. Метонимия прилагательного в русском языке. Монография. – Киров: Старая Вятка, 2004. – 280 с.
4. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е.В. Урысон. – М.: Языки слав. культуры, 2003. – 223 с.
5. Шмелёв Д.Н. Избранные труды по русскому языку. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 888 с. (Классики современной филологии).

10.02.01

П.А. Якимов канд. педагог. наук

Оренбургский государственный педагогический университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка и МПРЯ,
Оренбург, ryakimov@mail.ru

АГИОАНТРОПОНИМЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В данной статье рассматриваются особенности употребления агиоантропонимов, имён святых, в поэтических текстах. В качестве отправной точки для классификации собранного материала взято сопоставление структуры и состава онима в поэзии и в его общезыковом и/или религиозном представлении.

Ключевые слова: религиозные онимы, агиоантропонимы, русская поэзия.

Агиоантропонимы (имена святых) в отличие от обычных антропонимов представляют собой сложные образования, включающие в свой состав обязательные и факультативные элементы и состоящие не только из имени собственного, но и целого набора апеллятивов [1]. Например, святая равноапостольная княгиня Ольга – оним, который включает чин святости, имя и дифференциатор в виде указания на прижизненный титул. Как правило, агиоантропонимы в русском языке трехчленны: чин святости + имя + дифференциатор [3]. Как отмечает И. В. Бугаева, в роли дифференциаторов могут выступать номинаторы (имя существительное или словосочетание, например, *преподобный Иоанн пустынник, преподобный Алексей, человек Божий*), дескрипторы (имя прилагательное в полной или краткой форме, например, *св. Иоанн Златоуст, св. Василий Великий*), локализаторы (например, *праведный Иоанн Кронштадтский, преподобная Мария Египетская*), агномены (прозвища, например, *великомученик Георгий Победоносец, праведный Иосиф Обручник*), когномены (фамилии, например, *святитель Игнатий Брянчанинов, св. Николай Кочанов*), этнонимы (например, *преподобный Максим Грек, св. Иоанн Русский*), титулы (например, *блаженный князь Даниил Московский, Святитель Анатолий, патриарх Константинопольский*). Факультативно употребление титулов и церковных должностей в позиции между чином святости и именем. Чины святости также разнообразны [2]: апостол, блаженный, блаженный, исповедник, мученик, праведный, преподобномученик, преподобный, пророк, равноапостольный, святитель, священноисповедник, священномученик.

Агиоантропонимы в русском языке становятся мотивирующей основой для образования иконимов (*икона святителя Николая, епископа Мирликийского, Чудотворца*), экклезионимов (*храм Пантелеимова Целителя*), зортонимов (*усекновение главы Иоанна Предтечи*) и агитопонимов (*г. Сергиев Посад*).

При описании агиоантропонимов в поэтических текстах мы обращаем внимание на тематические группы – в соответствии с чином святости, а также на то, какую модель агиоантропонима использует автор в своем тексте. Особого внимания требуют дополнительные характеристики, даваемые автором поэтического текста.

Анализ большого корпуса поэтических текстов XX века позволил выявить определенные закономерности представления агиоантропонимов.

1) Наибольшую группу составляют примеры, в которых агиоантропонимы в качестве первого обязательного элемента – чин святости – имеют лексему *св. Иоанн*.

Наиболее частотным в поэтических текстах представляется имя Георгия Победоносца. Покажем различные варианты поэтической номинации святого. Чин святости – святой – в одних текстах употребляется с заглавной буквы, в других – со строчной. Атрибутив *св. Иоанн*

может находиться в препозиции и постпозиции к имени собственному: «Георгий, Георгий! Где верный твой конь? / *Георгий Святой* не обманет, – / Он близко! Вот хруст перепончатых крыл / И брюхо разверзтое Змия...» (З. Н. Гиппиус. Безумные годы совыются во прах...).

Образ может быть дополнен характеристикой неотъемлемого атрибута того или иного святого, например образ Святого Георгия дополняется характеристикой его меча (из слоновой кости) или коня (белый, крылатый): «...То идёт с *мячом святой Георгий*, / Что иссечён из слоновой кости...» (Н. С. Гумилев. За стенами старого аббатства...); «Я слышу святые восторги / Победы – и чудится мне / *Святой полководец Георгий* / На белом крылатом коне...» (Г. В. Иванов. Я слышу святые восторги...). Как видим в последнем примере, Г. В. Иванов в состав номинации вводит прижизненную роль Георгия – *полководец*.

А вот В. Я. Брюсов дополняет номинацию окказиональным дискриптором *змеерушащий*: «...Как змеерушащий святой Георгий, / Он слышал яростный привет толпы...» (В. Я. Брюсов. Привык он рано презирать святыни...).

Номинации с агноменом встречаются реже, при этом порядок слов может быть прямым или обратным: «...*Георгий Победоносец* летел, не чувствуя ног, / Мы падали и отступали, и наступали вновь...» (А. А. Прокофьев. Вставай, запоздалое слово...); «...Празднует победу над страшным драконом / Новый многоликий *Победоносец Георгий*...» (И. И. Садофьев. Вулканится радостью сердце...). Агномен может быть трансформирован в атрибутив: М. И. Цветаева называет Святого Георгия – Победоносным: «...Синие версты / И зарева горние! / *Победоносного* / Славьте – *Георгия!*...» (М. И. Цветаева. Синие версты / И зарева горние!..).

Нередко в русских поэтических текстах встречаются номинации, свойственные народным представлениям о святом: например, в народе день, отмечаемый в православном календаре 6 мая, называют Егорием (Егорий Вешний), недаром в народной картине мира множество пословиц и поговорок (связанных с приметами), содержащих именно такую номинацию (например, *Егорий* с водой, а Никола с травой. *Егорий* с летом, а Никола с кормом). Номинацию *Егорий* встречаем в стихотворениях А. А. Ахматовой, С. А. Есенина, Г. В. Иванова, И. А. Бродского и других, например: «В синих далях плоскогорий, / В лентах облаков / Собирает *святой Егорий* / Белых волков...» (С. А. Есенин. В синих далях плоскогорий...); «...Было горе, будет горе, / Горю нет конца, / Да хранит святой Егорий / Твоего отца...» (А. А. Ахматова. Далеко в лесу огромном...).

Лексема *святой* в поэтической речи нередко сочетается с именами архангела Гавриила, архангела Михаила, апостола Петра, апостола Луки, Святителя Николая Чудотворца, преподобного Серафима Саровского, равноапостольного князя Владимира, великомученика Пантелеимона Целителя, мученика Василия. В таких текстах авторы не дают полной номинации, не дифференцируют чины святости. Так, имя Святителя Николая Чудотворца, епископа Мирликийского, сокращается до святого Николая: «...уединеньем душу утоляя, / Живу. Но алчно ропщет естество: / Де, где дары *Святого Николая*...» (Б. А. Ахмадулина. Кхе-кхе... кхе-кхе... а завтра Рождество...) или всенародно любимого и почитаемого святого Николы: «...Что под Божеской порукой / Возрастал *Святой Никола*, / Красит отрока наукой / Благодетельная школа...» (М. А. Кузьмин. В раздробленной нашей доле...).

2) Вторая группа поэтических текстов, где в составе агноантропонима указывается чин святости:

– апостолы – избранные ученики Иисуса Христа, которые непосредственно общались с Ним при Его земной жизни, а также ученики, призванные проповедовать христианство. Частотными для поэзии представляются образы апостолов Петр и Павла, которые становятся героями лирических сюжетов. Подобные сюжеты встречаются в стихотворениях Ф. К. Сологуба, Н. С. Гумилева, В. В. Маяковского и других. В стихотворении «Не семью печатями алмазными» Н. С. Гумилев называет апостола Петра «светлым апостолом», «привратником», а С. М. Соловьев в стихотворении «По-русски кучер фразы сыплет...» апостола Павла показывает предвестником скорого конца.

В поэтических текстах называются имена и других апостолов: апостол Фома Неверный (И. Э. Эринбург. Я не знал, что дважды два – четыре...), апостол Иоанн (С. М. Соловьев. Но младший брат прекрасней первых двух...), апостол Лука (В. И. Иванов. От братии прилежной...) и др.;

– ветхозаветные пророки. Достаточно часто встречается имя Ильи пророка в стихотворениях Б. А. Ахмадулиной;

– праведные, канонизированные миряне, например, имя праведного Симеона встречается в стихотворениях З. Н. Гиппиус, И. А. Бродского, О. Э. Мандельштама;

– преподобные, канонизированные монахи. Героями поэтических текстов становятся преподобный Сергей Радонежский (с указанием или без указания дискриптора), Серафим Саровский. Например, в поэзии Б. А. Ахмадулиной, М. А. Волошина, Н. А. Клюева и других;

– святители – канонизированные высшие церковные иерархи – святитель Никола (Д. Хармс. Я руку протянул и крикнул...), святитель Микола (Н. А. Клюев. Вы покличьте-ка, домочадцы...), святитель Мирликийский чудотворец (М. А. Кузьмин. В раздробленной нашей доле...), святитель Иосаф (И. Северянин. Цветы любви и веры разбросав...).

Стоит отметить, что в поэтических текстах происходит смешение чинов святости. Так, в стихотворении М. М. Шкапской «Слышали? Говорят – завтра?..» русскими православными святителями названы Иван Креститель, Пантелеймон Целитель, Никола седенький, Алексей простенький, Ипатий с тремя морщинками и даже «все Пресвятые Богородицы».

Подводя итог, отметим, что в поэтических текстах при сохранении общерелигиозного или общеязыкового представления агеоантропонимы получают дополнительные характеристики, а иногда, наоборот, утрачивают привычные дифференциаторы.

Список литературы

1. Бугаева И.В. Агионимы в ономастическом пространстве русского языка // Образовательный портал «Слово» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.portal-slovo.ru/philology/45446.php> (дата обращения: 10.05.2021).
2. Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. – М.: Гнозис, 1994. – 110 с.
3. Камалова А.А. Об индивидуализации сакрального имени (на материале имен святых в календаре русской православной церкви) // Гуманитарный вектор. – 2017. – Том 12. – № 5. С. 6-12.

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ*10.02.04***О.М. Адаева, А.С. Сидоренко**

Самарский государственный социально-педагогический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка и методики преподавания иностранных языков,
Самара, adaeva@pgsga.ru, sidorenko@sgspu.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ И ПЛАНА ВЫРАЖЕНИЯ ПАРЕНТЕЗ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

В статье проблемы, связанные с парентетическими внесениями, рассматриваются с точки зрения плана содержания и плана выражения. Особое внимание уделяется просодии и пунктуационному оформлению вставных и вводных конструкций. Представлены результаты комплексного анализа структурных характеристик, функциональной нагрузки и особенностей просодико-пунктуационного оформления парентез в избранном художественном произведении.

Ключевые слова: парентеза, вставные и вводные конструкции, просодико-пунктуационное оформление парентетических внесений.

Обращение к произведениям устной и письменной англоязычной речи показывает, что парентезы – достаточно частое явление. Рекуррентность данных единиц объясняется тем, что они выполняют ряд важных функций, главной из которой является обеспечение структурной и смысловой связи между предложениями сверхфразового единства [2, с. 29]. В художественных произведениях парентетические внесения также используются для создания определенного эмоционального эффекта или для характеристики персонажа; здесь всякого рода сомнения, выражения мнения и уточнения «нарушают» плавность и стройность речи и одновременно обогащают ее в содержательном, информационном и экспрессивном плане [3, с. 12-13]. Однако среди исследователей вопроса существуют различные точки зрения на определение самого термина и даже его написание – «парентеза/парантеза» [6, с. 311; 8, с. 314; 10, с. 203]. Сказанное справедливо и в отношении классификаций парентетических внесений, в основу которых могут быть положены различные принципы. Таким образом, отсутствие единой дефиниции, множественные подходы к систематизации, неустойчивые критерии разграничения парентез на вводные и вставные элементы – все эти проблемы представляют собой широкое поле для научных разысканий. Наконец, еще одним фактором, обуславливающим актуальность исследований в данной научной сфере, является необходимость изучения широкого спектра функций и вариаций пунктуационного оформления внесений в текстах словесно-художественного творчества.

На наш взгляд, проблема парентетических внесений получила детальное осмысление в работах исследователей лингвистической школы МГУ. В «Словаре лингвистических терминов» под редакцией О.С. Ахмановой указывается, что парентеза (англ. parenthesis) – это вводный элемент в составе предложения; вставление в предложение не соединенного с ним грамматически слова, словосочетания или другого предложения [6, с. 311]. Большой вклад в решение вопроса о парентетических внесениях внесли О.В. Долгова и Л.У. Арапиева [2, 3, 4, 5]. Заслуга ученых-речеведов заключается в том, что они впервые обратилась к анализу плана выражения отрезков речи и выделили пять основных параметров: изменения в направлении движения тона, изменение диапазона, изменение темпа, изменение громкости, паузация [2, с. 47].

Что касается классификаций парентез, то анализ показал, что авторы ставят во главу разные принципы; например, учитываются строение парентез, функционально-семантические критерии, стилистико-художественные функции [2, 7, 9, 11]. На основе изучения научной речи О.В. Долгова выделила следующие категории парентетических внесений: категория отсылки, категория экземплификации, категория делиберативности, категория уточнения [2, с. 22-23]. Кроме того, важным представляется вопрос о выявлении сущности и свойств, а также критериев для разграничения вводных и вставных элементов. Установлено, что просодия здесь является основным показателем: вставки, в отличие от вводных элементов, всегда вычлняются в отдельную синтагму и оформляются самостоятельным мелодическим контуром [3, 5].

На письме для выделения парентетических внесений используются три знака препинания – двойная запятая, скобки, двойное тире [3, с. 150-151]. Названные знаки относятся к подсистеме горизонтальной стратификации речи; их объединяют особенности функционально-семантического плана и просодического выражения [1, с. 15]. Важно подчеркнуть, что каждый знак – это определенный просодико-пунктуационный комплекс, использование которого определяется в английском языке семантико-стилистическими факторами. Для правильного выбора пунктуационного знака необходимо помнить о функциях внесений, их протяженности и существующих традициях в расстановке знаков препинания. При изучении произведений словесно-художественного творчества на первый план выходит то, какое содержание-намерение пишущий стремится передать [4, с. 95].

Проведенный нами комплексный анализ структурных характеристик, функциональной нагрузки и особенностей просодико-пунктуационного оформления парентетических внесений в романе Л. Вайсбергера «The Devil Wears Prada» в полной мере подтвердил важность учета всех перечисленных составляющих для подлинного филологического прочтения художественного текста, его верного толкования, понимания авторского замысла. Выбор данного произведения неслучаен; в первую очередь статистический анализ показал высокую рекуррентность парентез – в среднем девять единиц на страницу печатного текста. Необходимо также отметить функциональное разнообразие представленных в романе вкраплений. Поскольку роман написан в форме дневника (то есть информация поступает из уст главной героини – Андреи Сакс), парентезам отводится важная роль: они помогают передать отношение девушки к происходящему, внести пояснения и уточнения, отослать читателя к какому-либо факту или событию. (Функции внесений приведены в порядке возрастания частотности употребления в анализируемом тексте.)

Наконец, автор произведения прибегает к различным способам оформления парентетических внесений. Наиболее частотным знаком является двойное тире (41% случаев из выборки пунктуационного оформления парентез), которое выделяет отрезки разной протяженности – от слова до предложения. Довольно часто автор использует скобки (34% случаев из выборки пунктуационного оформления парентез) для внесения пояснений, уточнений, объяснений. Наименее частотным знаком оказалась двойная запятая (25% случаев из выборки пунктуационного оформления парентез), которая выделяет краткие клишированные выражения более типичные для научного текста [3, с. 150-151]. Высокую рекуррентность двойного тире и его просодических коррелятов (реализация пауз до и после выделяемого отрезка, повышенная громкость и замедление темпа) обуславливает тот факт, что данный знак более характерен для вставок, а также фиксации на письме живой, устной речи.

Интересным представляется авторский прием гармоничного взаимодействия знаков горизонтальной стратификации в тексте. С одной стороны, они выполняют свою основную функцию – расслаивают поток речи на основной и второстепенный, вводящий внутреннюю речь героини:

Hands started shaking the moment I entered the office suite, and the perfectly prepared speech (*Hello, Miranda. I'm fine, thanks so much for asking. How are you? Listen, I just wanted to let you know that I've been trying very hard to locate the antique store you described, but I haven't had much luck. Perhaps you could tell me whether it's on the east or west side of Manhattan? Or maybe you even recall the name?*) simply vanished into the fickle regions of my very nervous brain [12, с. 159].

Кроме того, двойные знаки, в которые заключены парентетичные отрезки, описывают состояние, чувства, внутренний мир главной героини романа. Другими словами, их основная метасемиотическая функция заключается в создании образа персонажа. Наконец, анализ свидетельствуют о том, что использование парентез и сопутствующих им просодико-пунктуационных комплексов помогает автору раскрыть главные темы произведения, в частности отношение главной героини к общественным и личным ценностям.

В заключение подчеркнем, что результаты проведенного исследования обладают практической ценностью и могут быть применены в теории и практике преподавания английского языка. Полученные выводы и материалы работы возможно использовать в аспекте обучения выразительному чтению, а также филологическому чтению художественной литературы.

Список литературы

1. Адаева О.М., Выборнова М.А. Английская пунктуация в лингвистическом и дидактическом освещении // Поволжский педагогический вестник. – 2018. – Т. 6, No2 (19). – С. 14-24.
2. Александрова О.В. Проблема экспрессивного синтаксиса. – М.: Высшая школа, 1984. – 211 с.
3. Долгова О.В. Семиотика неплавной речи. – М.: Высшая школа, 1978. – 264 с.
4. Александрова (Долгова) О.В. Синтаксис как наука о построении речи. – М.: Высшая школа, 1978. – 191 с.
5. Арапиева Л.У. Теория и практика системы знаков препинания в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1985. – 173 с.
6. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стер. – М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
7. Баталова И.К. Ключевые проблемы сложного синтаксического целого в английском языке. – Свердловск: Изд-во Свердл. пед. ин-та, 1987. – 63 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.
9. Малявин Д.В. Вводные элементы и вставки в составе предложения в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Запорожье, 1963. – 18 с.
10. Словарь иностранных слов / отв. редакторы В.В. Бурцева, Н.М. Семенова. – 5 изд-е, стереотип. – М.: Рус. яз. Медиа: Дрофа, 2008. – 817, [15] с.
11. Смирнов Р.С. Комментирующая речь и ее введение при обучении письменному аспекту современного английского языка // Лингвистические основы преподавания иностранных языков в высшей школе. – Элиста, 1989. – С. 22-29.
12. Weiberger, L. The devil wears Prada. – NY: Anchor Books, 2006. – 432 p.

10.02.04

¹Ю.Н. Зинцова, ²Д.А. Наследникова

¹Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Высшая школа лингвистики, педагогики и психологии,
кафедра теории и практики немецкого языка,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Институт филологии и журналистики,
кафедра зарубежной лингвистики,

²Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Высшая школа лингвистики, педагогики и психологии,
Нижний Новгород, zintsova@mail.ru, kamitome@yandex.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ *TWITTER*

В статье рассматриваются особенности интернет-дискурса как особого стиля общения в сетевом сообществе. В статье проводится анализ текстовых немецкоязычных примеров из социальной сети Twitter, описываются их языковые характеристики, которые ярко демонстрируют специфику интернет-общения в немецком языке.

Ключевые слова: интернет-дискурс, электронная коммуникация, социальные сети, (микро)блог, языковые особенности.

На сегодняшний день интернет-дискурс пользуется огромной популярностью, и в большинстве случаев он используется для различных видов коммуникации. Деловые переписки, обмен сообщениями, общение в разнообразных чатах, блогах, обсуждение фильмов, книг, музыки – это и многое другое входит в понятие интернет-общения. В ходе данного исследования было проанализировано несколько немецких текстовых сообщений, найденных на платформе Twitter [4]. Twitter – это социальная сеть, используемая для мгновенного обмена сообщениями. Данную социальную сеть также можно назвать блогом, но так как объем символов в сообщении ограничен, то Twitter получил название микроблога. Пользователи создают короткие сообщения – «посты», которые содержат информационные сведения или впечатления о чём-либо.

Говоря о языке Twitter можно отметить, что в данной социальной сети нормам языка следуют значительно реже, чем в блогах и на сайтах, где пользователи оставляют отзывы о фильмах и книгах [2]. Так, например, в немецкоязычных текстовых сообщениях в Twitter можно заметить несколько нарушений пунктуационных норм (Рисунок 1): «*Danke Hessen, dass <...>*» – пример использования необособленного обращения.

Рис. 1 – Сообщения 1-3 из Twitter

На графическом уровне наблюдается также отсутствие пробелов: «*Das dachte ich mir auch...unfassbar*» или же, наоборот, наличие лишних пробелов: «*Grundschulen auch ab 22.6 nochmal für eine Woche normal laufen lassen ?? Sinn wo ??*».

В Twitter есть возможность использовать встроенные эмодзи. Например, на рис. 1 пользователь @jamiem0n пользуется эмодзи, который означает разочарование или раздражение из-за сложившейся ситуации [3]. Также для того, чтобы выразить своё негодование и возмущение пользователь @LiBella123 ставит несколько раз знак вопроса, что является нередким явлением в Twitter-коммуникации. В сообщениях могут использоваться круглые скобки для пояснения ситуации и/или своего эмоционального состояния, например: «... *Unbekannt. (Ja, natürlich bin ich als Privatperson froh, dass alles normaler laufen soll. Aber als Erzieher?...)*». В скобках автор данного сообщения указывает на то, что рад, что всё снова встаёт на свои места. Однако он обеспокоен, так как является воспитателем, и волнуется о безопасности детей.

Для того чтобы придать комментарию больше эмоциональной окраски пользователи часто пишут слова заглавными буквами: «*Ein verdammt **DESASTER***». Такой приём используется чаще всего, чтобы передать «повышение тона» через письменную речь или чтобы привлечь внимание именно на данное высказывание.

На лексическом уровне часто используется разговорная или фамильярная лексика, как, например в данном сообщении: «*tüfteln*», «*verdammt*». Кроме того, в связи с изменениями в мире появляются новые слова: «*Covid-Konzept*».

На грамматическом уровне также присутствуют нарушения норм, типичные для интернет-общения: нарушение рамочной конструкции: «...*dass ab dem 6. Juli wieder ein normaler Betrieb herrschen soll mit allen Kindern*», использование односоставных предложений [1]: «*Abstandsgebot und Hygieneregeln wer?*»; «*Unbekannt*»; «*Aber als Erzieher?*»; «*Ein verdammt **DESASTER***»; «*Sinn wo ??*». В этих предложениях иногда можно наблюдать также неправильный порядок слов, например, когда пользователь ставит вопросительное слово в

конец предложения: «Sinn wo ??»; «Abstandsgebot und Hygieneregeln wer?». Позиция вопросительного слова на последнем месте используется, когда пользователь возмущён или недоволен из-за того, что что-либо не берут во внимание. В данном случае автор как будто спрашивает: «Для Вас требование держать расстояние и санитарные нормы совсем ничего не значит?».

В сообщениях 4-8 (Рисунок 2) бросается в глаза то, что все слова, включая начало предложений и имена существительные, написаны с маленькой буквы, что нетипично для немецкого языка. Практически нигде не стоят знаки препинания, только в одном из комментариев цитирование выделено кавычками: «„LUANA DU HAST DEIN MIKRO AN MAN HÖRT DICH BLA BLA“». Кроме того, текст написан заглавными буквами, что придаёт ему определенную эмоциональную окраску, а именно: сильную взволнованность, страх, тревожность, а также желание обратить внимание читающего на эти слова. Пользователи довольно часто пишут прописными буквами, чередуя их со строчными, для выражения большей экспрессии, например: «HHAHAHA OMG NEIN»; «<...> mit meiner Mutter über meine Biolehrerin geredet hat, **BUT ZUM GLÜCK AUF TÜRKISCH** <...>».

В немецком интернет-общении нередко встречаются разговорные сокращения глаголов, в данном случае глагола *haben* – «*hab*». Также в тексте используется контрактура «*Mikro*» от слова «*Mikrofon*». Усечения многосоставных существительных встречаются чаще всего среди сокращений в немецком интернет-дискурсе. Можно также отметить, что пользователи много раз используют английские сленговые сокращения и аббревиатуры, такие как: «*OMG* – *Oh My God!*»; «*ig* – *I guess*»; «*rip (R.I.P.) rest in peace*» (в интернет-общении обозначает провал чего-либо); «*ma'am* – *madam*» (уважительное обращение к женщине). Также в комментариях присутствуют английские слова, такие как «*online*» и «*BUT*» вместо немецкого «*aber*».

Рис. 2 – Сообщения 4-8 из Twitter

Еще одной особенностью проанализированных Twitter-сообщений является наличие орфографических и грамматических ошибок, среди них: «*omg hab voll vergessen das ich morgen online unterricht hab*» – неправильное написание союза *dass*. Пользователь @jeonstrs использует такие междометия как «*BLA BLA*» и «*HHAHAHA*», с помощью он даёт понять, что ему весело / смешно или наоборот, сообщение может касаться неприятных эмоций и иметь ироничный контекст.

На основе анализа ряда других комментариев пользователей Twitter выявляются еще некоторые языковые особенности немецких сообщений, используемых в данной социальной сети. К примеру, довольно часто наблюдается наличие в одном смысловом отрезке слов, относящихся к разным лексическим слоям: сочетание научных терминов, разговорной, возвышенной и грубой лексики, сленга, жаргонизмов. Кроме того, типичной культурной чертой немецкоязычного дискурса электронных сообщений является пропуск согласных и сокращения как слов, так и предложений в целом. Наличие обозначенных в настоящем исследовании языковых особенностей коммуникации немецких пользователей сети Twitter, обусловлено, главным образом тем, что современная коммуникация максимально динамична. Интернет-общение требует скорости и умения изложить ясно свою мысль, используя минимум слов, что приводит к преобразованию языка на всех его уровнях.

Список литературы

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: в 86 т. СПб, Изд.: ПОЛРАДИС, 1993.
2. Яковлюк А.А. Специфика синтаксических средств немецкоязычного интернет-дискурса // Вестник Челябинского государственного педагогического университета, 2014. №9-2. – СС. 325-333.
3. Schlobinski P. Von *hdl* bis *cul8r* Sprache und Kommunikation in neuen Medien. – Mannheim, 2006. – 336 S.
4. Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/home>.

10.02.04

**С.Г. Ларина канд. филол. наук, О.Н. Поддубская канд. педагог. наук,
А.В. Сахарова канд. филос. наук**

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка,
Орехово-Зуево, larinasvetlanag@mail.ru

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА АНГЛОЯЗЫЧНОГО РЕКЛАМНОГО СЛОГАНА

Статья посвящена выявлению и анализу стилистических приемов и экспрессивных особенностей рекламных слоганов на английском языке. Представлена структурная классификация слоганов. В результате анализа англоязычных рекламных слоганов наиболее часто применяемым экспрессивным приемом названа аллитерация.

Ключевые слова: *рекламный слоган, экспрессивное средство, стилистический прием, аллитерация.*

Реклама – явление, постоянно присутствующее в нашей жизни. Как и любое другое явление, реклама имеет свои плюсы и минусы. Негативная сторона рекламы знакома каждому и носит субъективный характер. Положительная ее сторона также очевидна – реклама необходима в нашей действительности. Основными её целями являются развитие маркетинга и взаимоотношений в торговле, установление связи между покупателем и товаром, пропаганда товаров и описание способов их покупки. Интересы покупателей, торговли и производства создают спрос на создание рекламы.

В наше время реклама – сложное социальное явление, которое представляет собой не просто вид трудовой деятельности человека. Реклама не является обычным бизнесом, это значительно более широкое явление, охватывающее практически каждую сферу общественной жизни. На каждом этапе развития общества реклама имеет свои особенности, отражая как экономические и технологические черты эпохи, так и социальные. В современную эпоху глобальных информационных процессов реклама приобрела и продолжает приобретать новые особые черты, поэтому изучение темы экспрессивности рекламных слоганов на английском языке представляет немалый интерес.

Реклама (Advertising) – это целенаправленное воздействие на потребителя, основной её функцией является продвижение товаров на рынке сбыта.

В зависимости от цели рекламы, принято выделять следующие виды:

1. Информативная реклама – информация о новом товаре на рынке и поиск его потенциальных покупателей.

2. Увещательная реклама способствует формированию потребительского спроса, используется в том случае, когда один из предлагаемых товаров в условиях конкурентной борьбы должен получить какие-либо преимущества над остальными товарами.

3. Сравнительная реклама – сопоставляет сходные характеристики аналогичных товаров, которые предлагают конкуренты.

4. Напоминающая реклама – этот вид рекламирует тот товар, который уже занял существенную позицию на рынке сбыта, но всё же нуждается в том, чтобы о нём напоминали покупателям.

К основным принципам воздействия рекламы относятся: вызвать и поддерживать интерес у потенциального клиента, а главное, побудить его к действию: «Не трать времени впустую», «Поторопись, предложение ограничено», «Счастливый случай».

Главное в рекламе – удачно выбранный слоган, рекламный девиз, который в краткой форме воспроизводит основную суть рекламы, часть долговременной коммуникационной платформы бренда. Чтобы привлечь внимание потенциальных покупателей, повысить узнаваемость производителя, лояльность целевой аудитории и простимулировать рост продаж, во всех видах рекламной коммуникации используется слоган. Чаще всего слоган регистрируется как товарный знак. Существует классификация слоганов, которая разделяет их в зависимости от цели. Она подразумевает две категории слоганов: имиджевые и товарные.

Имиджевые слоганы передают суть философии компании, бренда, товара или услуги, они содержат в себе более «серьёзные» интонации (конечно, если философия производящей товары фирмы достаточно серьёзна). В отличие от имиджевых, товарные слоганы чаще содержат элементы языковой игры и звучат более привлекательно.

Большая часть людей в первую очередь замечает слоган, рекламный текст может вообще не попасть в зону их интересов. Поэтому слоган должен максимально привлечь внимание целевой аудитории. Кроме рекламной информации, которую в себе содержит слоган, важно то, как он оформлен, его «словесная оболочка». Он должен быть написан таким образом, чтобы его могли легко прочитать, быть оригинальным и вызывать любопытство. Правильно составленные слоганы не только быстро запоминаются, но и активно вклиниваются в языковую среду целевой аудитории, и даже порой её изменяют.

Структура слоганов подразумевает четыре типа:

1. Связанные слоганы – этот вид слогана содержит в себе название продукта, его нельзя отделить от названия. Например: «Есть идея, есть Икея!»

2. Прямые слоганы (являются подтипами связанных слоганов) – в них производитель как бы обращается к своему потенциальному клиенту: «Любишь? Подари!», «О ком ты думаешь сейчас?», «Lays». Хочешь?», «Мегафон. Будущее зависит от тебя».

3. Привязанные слоганы по своей ритмике и фонетике соотносятся с названием предлагаемой продукции. Это значит, что если этот слоган использовать без названия товара, теряется его основной смысл: «Жилетт». Лучше для мужчины нет».

4. Свободные слоганы – этот вид отличается своей независимостью и самодостаточностью: «Fanta. Бери от жизни всё», «Jacobs. Аромат, который сближает».

В качестве объекта данного исследования были выбраны 50 рекламных англоязычных слоганов. Анализ стилистических экспрессивных приёмов, обнаруженных в этих слоганах, показал, что самыми популярными приёмами оказались аллитерация – 10 (17, 8 %) и эпитет – 5 (8, 9 %). Кроме этого, популярностью пользуются такие стилистические средства как анафора – 5 (8, 9 %) и риторический вопрос – 5 (8, 9 %). Рамки нашей статьи не позволяют привести все примеры, поэтому обратим внимание на самые яркие, возможно, многим знакомые слоганы:

1. «The Star always shines from above» (Звезда всегда светит сверху) – слоган южнокорейской автомобилестроительной компании «Kia».

2. «The Pursuit of Perfection» (Стремление к совершенству) – слоган другой выпускающей автомобили компании «Lexus».

3. «Something special in the air» (Нечто особенное в воздухе) - авиакомпания «American Airlines».

4. «Maybe she's born with it. Maybe it's Maybelline» (Может быть, она с этим родилась. Может, это Maybelline). В этом рекламном слогане используются два стилистических приёма: аллитерация и анафора. Этот рекламный слоган был создан косметической компанией «Maybelline».

5. «Probably the best beer in the world!» (Пожалуй, лучшее пиво в мире!) - Данный рекламный слоган был создан компанией «Carlsberg», которая производит пиво.

6. «Do the Dew» (Сделай dew) - компания газированных напитков «Dew».

7. «Happy To Help» (Счастлив помочь) - слоган компании «Vodafone».

8. «Intel inside» (Intel внутри) - информационная компания «Intelcor».

9. «Welcome to the World Wide Wow» (Добро пожаловать в мир Wow) - информационная компания «AOL».

10. «Incredible India!» (Невероятная Индия!) - туристическая компания «Incredible India».

Возможно, аллитерация так успешно применяется в англоязычной рекламе потому, что этот прием глубоко уходит корнями в традиции народного творчества. Литературной форме древней английской поэзии всегда были свойственны ритм и аллитерация, а не рифма. Подобную организацию поэтического текста мы видим, например, в англосаксонской поэме «Беовульф». Аллитерация часто используется в народных поговорках и пословицах (e.g.: Tit for tat, Blind as a bat), названиях литературных произведений (Sense and Sensibility, The School for Scandal).

Сама по себе, аллитерация не имеет самостоятельного смыслового значения, хотя, возможно, это выразительное средство позволяет читателю уловить некие дополнительные эмоциональные оттенки значения, передаваемые автором.

Возможно, аллитерация будит наше подсознание, навеивает какие-то глубинные детские примитивные ассоциации, что особенно актуально для развивающегося современного информационного общества клипового мышления и восприятия информации.

Основной задачей данной статьи был анализ стилистических экспрессивных приёмов, используемых в англоязычных слоганах. В результате анализа аллитерация оказалась наиболее популярным приемом. Несомненно, эта интересная и актуальная тема требует более глубокого анализа, что составляет возможность для дальнейших исследований в этой области.

Список литературы

1. Аллитерация в английском языке [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://studwood.ru/1345741/literatura/alliteratsiya_v_angliyskom_yazyke (дата обращения 29.04.2021)
2. Виды рекламы в маркетинге: плюсы, минусы и примеры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sales-generator.ru/blog/vidy-reklamy-v-marketinge/> (дата обращения 03.05.2021)
3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р.Гальперин – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 462с.
4. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка / Скребнев Ю.М. – М.: Астрель, 2003. – 221с.
5. Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика: Пер. с англ. — СПб: Издательство «Питер», 1999.— 736 с.
6. 200 лучших слоганов столетия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://marketing.by/keysy/200-luchshikh-sloganov-stoletiya/> (дата обращения 20.04.2021)

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА*10.02.19***Л.В. Ахметшина**

Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
факультет сервиса и туризма,
кафедра иностранных языков и языкознания,
Казань, fazan_nlv@mail.ru

**МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ АНГЛИЙСКОГО,
РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА**

Многоязычие в эпоху глобализации становится все более объективной необходимостью, что создало требования к образованию и воспитанию подрастающего поколения в условиях мультикультурализма. Работа посвящена изучению интерференции в процессе овладения английской речью в условиях взаимодействия татарского, русского и английского языков как иностранного у многоязычных студентов. Результаты этого исследования могут быть широко применимы в практике преподавания английского языка при разработке комплекса упражнений для преодоления языкового барьера.

Ключевые слова: *иностраннный язык, интерференция, многоязычный, мультикультурализм.*

Интерференция в языкознании обозначает последствие влияния одного языка на другой, т.е. применение норм одного языка в другом в письменной и/или устной речи. Это явление может проявляться как в устной, так и в письменной речи. [5, с. 9] Данное явление относится к взаимодействию языковых систем в условиях двуязычия. Интерференция может возникать либо при контакте с неродными языками, либо под влиянием родного языка.

Актуальность изучения языковой интерференции повышается в связи с практической необходимостью знаний иностранного языка в эпоху глобализации. [1, с. 26] Под влиянием внешних социально-экономических факторов чаще всего изучают английский язык.

Данное исследование проводилось с использованием методики анализа теоретических изысканий в сфере технологий обучения иностранным языкам с целью выявления интерференции, а также были рассмотрены морфологические системы английского, татарского и русского языков.

Выделяются следующие различные типы интерференции: фонетическая, семантическая, лексическая, грамматическая, орфографическая, стилистическая, языковая и культурная ориентация, социокультурная. [3, с. 25]

В рамках этой научной работы мы рассмотрим морфологическую интерференцию.

Исследователи неоднократно устанавливали зависимость изучения иностранного языка от степени родства родного языка и иностранного языка. Если языки являются близкородственными языками, мы можем наблюдать положительную лингвистическую интерференцию, учащиеся допускают меньше ошибок при овладении этим языком. [1, с. 34] Есть языки, не относящиеся к категории близкородственных, но имеющие похожие категории (категория артиклей в немецком и английском), при изучении этих языков мы тоже можем наблюдать положительную интерференцию. [4, с. 79]

При изучении языков неизбежно возникает вопрос о негативной интерференции. Наличие больших морфологических различий между английским и русским языками, а так же между английским и татарским языками, указывает на довольно негативное вмешательство родного языка для изучающих языки учащихся. Ниже приведены примеры негативного вмешательства, вызванного родным (татарским) языком при изучении английского языка:

категории числа (существительное во множественном числе), артикль (полное отсутствие артикля в татарском языке), падеж (падежей в английском нет), несоответствие структуры языка и т. д.

Сравнительный анализ морфологических систем английского, татарского и русского языков выявил следующие особенности:

Категория числа в сравниваемых языках представлена двумя числами - единственным и множественным числом. Во всех сопоставимых языках множественное число образовано при помощи суффиксов: английский язык *rivers, desks, pens*; русский язык *реки, столы, ручки*; татарский язык *елгалар, өстәлләр, каламнар*.

У студентов с родным татарским языком возникают трудности с использованием суффикса -е (s) во множественном числе, что вызвано негативным влиянием родного языка, в котором после числительного следует существительное в единственном числе: *There are ten desks in the room. В комнате есть десять столов. Бүлмәдә ун өстәл бар*.

Следующая категория - категория артиклей (артикли: «a, an, the» в английском языке используются с существительными) может вызвать значительные затруднения у учащихся, так как в русском и татарском языках артикль отсутствует. В русском и татарском языке неопределенность / определенность выражается морфологически при помощи указательного местоимения: *Give me the book. Дай мне эту книгу. Бу китاپны бир миңа*.

Применение апострофа может вызвать большие трудности, так как в русском и татарском языке апострофа нет. Значения падежей в английском языке передаются через предлоги, которых нет в татарском языке. В татарском языке есть шесть падежей: баш килеш, иялек килеш, юнәлеш килеш, төшем килеш, чыгыш килеш, урын-вакыт килеш, возможно именно с этим связано появление большого количества падежей в татарском языке.

Значение предлогов английского и русского языков во многих случаях передается с помощью аффиксов: английский язык *at the window, in the box, on the book*; русский язык *у окна, в ящике, на книге*; татарский язык *тәрәзә янында, кап эчендә, китап өстендә*. Значение того или иного предлога в разных падежах можно выразить разными грамматическими средствами, английский предлог является семантическим и грамматическим носителем, многозначность самих английских предлогов, так как в татарском языке у каждого послелога, аффикса и функционального слова имеется всего лишь одно значение, предлога перед существительными в татарском языке, в отличие от английского и русского языков, всегда стоит в конце управляемого слова.

Вышеупомянутые трудности могут вызвать следующие языковые ошибки, которые мешают пониманию и общению на английском языке, например: пропуск предлога; замена одного предлога другим; размещение предлога после существительного; при переводе присвоение предлога не следующему, а предыдущему существительному.

Как было упомянуто ранее, учащимся с родным татарским языком не всегда понятна причина использования того или иного предлога, тем не менее, наличие второго языка, а именно, русского оказывает положительную интерференцию при изучении английского языка. Тем не менее необходимо обратить внимание на многозначность логики английских предлогов и несоответствия семантических сфер английских и русских предлогов. [2, с. 46]

Количественные числительные в английском и русском языках после себя требуют присутствия существительного во множественном числе. Количественные числительные регулируются именительным падежом на татарском языке. Причина появления ошибок в английском языке у учащихся с родным татарским языком - именно эта особенность татарского языка. У учащихся также могут возникнуть трудности с использованием количественных числительных в цифрах от 11 до 19 из-за несогласованности их образования. Например, *eleven* - по-английски, *унбер* - по-татарски, *одиннадцать* - по-русски. В основном количественные и порядковые числительные в английском языке образуются по установленным правилам и не представляют особых типологических трудностей.

При изучении местоимений, нами были отмечены важные различия между личными местоимениями третьего лица единственного числа английского и татарского языков.

В английском и русском языках местоимения третьего лица единственного числа различаются родом *he он* – обозначение для лиц мужского пола, *she она* – для лиц женского пола, *it он, она, оно* – для обозначения предметов и явлений, тем временем в татарском языке местоимение - *ул* употребляется с любым человеком, предметом или явлением, независимо от того, относится ли оно к категории неодушевленных предметов или одушевленных существ, независимо от их гендерного распределения. Таким образом, одно местоимение третьего лица единственного числа в татарском языке может соответствовать трем разным местоимениям в английском и русском языках, что может представлять значительные трудности для татароязычных студентов.

Сложность изучения английских глаголов состоит в том, что в русском языке у глаголов единственного числа в первом, втором и третьем лице в настоящем времени есть свои окончания. В татарском языке спряжение глаголов отличается от русского, а также от английской грамматики. Наличие окончаний *-s*, *-es* в глаголе единственного числа от третьего лица (Present Simple), *-ed* (Past Simple) для правильных глаголов, *-ing* для образования причастия настоящего времени не всем может быть понятен и стать причиной ошибок. Особое внимание необходимо уделить неправильным глаголам, так как в русском и татарском языке нет такого явления.

В результате сравнительного анализа трех языков были выявлены морфологические трудности, которые приводят к межъязыковой интерференции. С помощью сравнительного анализа были выявлены следующие трудности: использование окончания *-e (s)* во множественном числе; неопределенные и определенные артикли; апостроф, а также с использованием предлогов: гашение предлога; замена одного предлога другим; положение предлога после существительного; существительные во множественном числе после количественных чисел; личные и притяжательные местоимения третьего лица единственного числа. Теоретическое рассмотрение и дальнейшее изучение методики преодоления интерференции в процессе усвоения английской речи в условиях многоязычия (татарского, русского и английского) позволит определить последовательность формирования и развития грамматических аспектов устной английской речи, развить комплекс упражнений для преодоления такого рода интерференций. Результаты этого исследования могут быть напрямую применены в практике преподавания английского языка.

Список литературы

1. *Ахметшина Л.В.* Английские заимствования и их роль в развитии языка /Л.В. Ахметшина. – Казань: Отечество, - 2017. – 176 с.
2. *Ахметшина Л.В.* История исследований заимствованной лексики как результата межкультурного взаимодействия языков /Л.В. Ахметшина // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: тезисы докладов международной конференции (Казань, 29 ноября – 01 декабря 2018 г.). – Казань, 2018. - С. 46-49.
3. *Вайнрайх У.* Одоязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. - М.: Прогресс, - 1972. - Вып. VI. - С. 25 - 80.
4. *Крысин Л.П.* Современный русский язык: лексическая семантика, лексикология, фразеология, лексикография / Л. П.Крысин. – М.: Академия, - 2007. – С. 79-85.
5. *Розенцвейг В.Ю.* Языковые контакты / В.Ю. Розенцвейг. - Л., - 1972. - 80 с.

10.02.19

¹Е.В. Белова, ²В.В. Неборская, ³Н.Н. Черкасская

¹Московский государственный технический университет им. Н.Э.Баумана
(Калужский филиал),

кафедра «Иностранные и русский языки»,
Калуга, Belova.ev74@gmail.com,

²Удмуртский государственный университет,
Институт языка и литературы,

кафедра лингвистического и лингводидактического сопровождения иноязычной
профессиональной коммуникации,
Ижевск,

³Удмуртский государственный университет,
Институт языка и литературы,

кафедра профессионального иностранного языка для естественнонаучных специальностей,
Ижевск

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНОГО ИЗВИНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена понятию речи-извинения и его прагматическим характеристикам. Особое внимание уделяется тактикам, реализующимся в речи-извинении политиков, указаны характерные особенности извинения в политическом дискурсе. Приведен пример анализа речи-извинения.

Ключевые слова: *речь-извинения, самопрезентация, политический дискурс, коммуникативная стратегия, тактика.*

Жанр публичного извинения в политическом дискурсе все чаще становится объектом исследований лингвистов [7; 10; 4]. Н.Н. Кошкарлова выделяет следующие формы публичного извинения в политическом дискурсе: 1) мирные договоры; 2) сатисфакции, которые могут состоять в официальном признании совершенного нарушения, в устных или письменных официальных извинениях; 3) устные заявления государства и отдельных политиков; 4) деятельность государственных и межгосударственных органов по восстановлению прав той или иной этнической, социальной или правовой группы; 5) личные поступки государственных деятелей [6].

В теории речевых актов извинение как вид речевой деятельности относится Дж. Серлем к экспрессивным речевым актам. Экспрессивные речевые акты служат для выражения «психологического состояния, задаваемого условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания» [8, с. 244]. Акт извинения, согласно Н. А. Трофимовой, является попыткой восстановить коммуникативное равновесие и вернуться к положению дел, существовавшему до совершения негативного проступка [9, с. 37].

Согласно Ю.Г. Горпенниковой, достижение перлокутивного эффекта речевого акта извинения, а именно, принятия извинений, возможно по следующим основным сценариям: полное признание вины, предполагающее объяснение; признание вины ввиду объективных обстоятельств, предполагающее комментарий; вина третьего лица, предполагающая предложение уладить ситуацию в будущем. Сценарии часто комбинируются между собой, и представляют коммуникативные тактики в рамках одной речевой ситуации: тактика признания вины; тактика комментирования; тактика примирения [3].

Согласно М.Дойтчманну, большинство определений извинения включает четыре основных компонента: «обидчика», «обиженного», «обиду» и «возмещение» [11]. Последний компонент включает в себя три условия, необходимых для того, чтобы извинение состоялось: обидчик должен распознать обиду; обидчик должен в какой-то степени принять ответственность на себя; извинение должно включать какое-либо выражение сожаления со стороны обидчика, что демонстрируется семантикой эксплицитных извинений ('sorry', 'pardon', 'excuse', 'forgive', 'apologise') [1].

В данной работе описан прагматический аспект публичной речи-извинения в политическом дискурсе с разбором стратегий и тактик, применяемых для достижения необходимого перлокутивного эффекта.

При употреблении термина «стратегия» мы будем понимать ее как некоторую последовательность речевых действий, организованных в зависимости от цели высказывания [5, с.100].

Каждая речевая стратегия реализуется через коммуникативные ходы и включает некоторое количество тактик, которые в свою очередь, соотносятся с речевыми шагами [2].

Необходимость публичной речи-извинения политика обусловлена реализацией макростратегии самопрезентации. Самопрезентация, создание максимально положительного образа отдельно взятого политика или политической партии можно считать одним из ключевых моментов для завоевания симпатии у потенциального электората стремление поддерживать и расширять степень влияния – является основой самопрезентации. Соответственно, речь-извинение политика отличается от подобных речей в других типах дискурса.

В качестве примера анализа обратимся к отрывку речи-извинения бывшего премьер-министра Великобритании Тони Блэра, произнесенной в рамках интервью телеканалу BBC 25 октября 2015 года. Поддерживая политику американского президента Дж. Буша, Т. Блэр принял решение о начале военной операции против Ирака в 2003 году. Причиной этому послужила ложная информация о наличии в Ираке оружия массового поражения.

Ведущий задал Т. Блэру вопрос о том, *было ли решение о вторжении в Ирак и свержении Саддама Хусейна режимом ошибкой*.

(1) *You know whenever I'm asked this I can say that I apologize for the fact that the intelligence we received was wrong.*

В данном высказывании речевой акт извинения выражен эксплицитно (*I apologize*). Однако это извинение не за вторжение в Ирак, а за ошибочные разведданные, другими словами Т. Блэр извиняется за то, что не было его виной. Таким образом, здесь прослеживается тактика *оправдания* посредством перекалывания вины на других. Здесь также присутствует переход от личного местоимения «я» к местоимению «мы», то есть ответственность за совершенные действия распределяется между всеми, кто принимал решение о вводе войск в Ирак.

(2) *Wrong, because even though he had used chemical weapons extensively against his own people, against others, the program in the form that we thought it was did not exist in the way that we thought. So, I can apologize for that.*

В данном коммуникативном шаге четко прослеживается тактика *дискредитации оппонента*, цель которой сохранить лицо извиняющегося. Т. Блэр признает, что программы создания и использования оружия массового уничтожения не существовало, но в то же время утверждает, что Саддам Хусейн использовал химическое оружие против своих же граждан. Присутствует здесь и оговорка, подчеркивающая, что программы вооружения не существовало лишь в той форме, в которой думали они: *«the program in the form that we thought it was did not exist in the way that we thought»*. Это подразумевает, что существовала какая-то иная программа использования оружия массового поражения, что оправдывает действия бывшего премьер-министра. Таким образом, снова реализована тактика *оправдания*.

(3) *I can also apologize, by the way, for some of the mistakes and planning and certainly our mistakes in our understanding of what would happen once you removed the regime.*

В третий раз политиком эксплицируется речевой акт извинения с использованием той же конструкции (*I apologize*). Однако за ней следует вводная конструкция «*by the way*», которая, как правило, используется для добавления новой информации, но с оттенком преуменьшения ее значимости (ср. «к слову», «между прочим»). Тем не менее, в данном высказывании присутствует *тактика принятия ответственности*.

(4) *But I find it hard to apologize for removing Saddam. I think even from today in 2015 it is better that he's not there than he is there.*

Только в последней пропозиции представлен ответ Т. Блэра на вопрос ведущего. Очевидно, что Т.Блэр не признает своей вины в свержении режима Саддама Хусейна и не намерен извиняться за действия 2003 года. *Отказ от принятия вины* смягчен использованием конструкции «*But I find it hard to apologize*», так как более резкая форма отказа от извинений может отрицательно повлиять на имидж политика. В последней части высказывания также реализованы тактики *оценивания последствий и самооправдания*.

Анализ исследуемого материала показал, что полное признание вины не характерно для политического дискурса, так как может навредить имиджу как самого политика, так и партии, от лица которой он выступает, или даже целого государства. Среди наиболее часто встречаемых тактик, следует перечислить такие коммуникативные тактики, как оправдание, уход от личной ответственности, недоверие к аргументам оппонента, дискредитация оппонента, призыв к жалости.

Список литературы

1. Авакимян С.С., Перельгут Н.М. К вопросу о прагматике извинения // Вестник НВГУ. 2010. №3. С. 3–11
2. Васильев Л.Г., Черкасская Н.Н. Речевые стратегии и апеллятивный дискурс. Калуга: Калужский гос. ун-т, Удмуртский гос. ун-т, 2013. 99 с.
3. Горпенникова Ю.Г. Тактики коммуникативной митигативной стратегии «извинения» в немецкоязычном деловом дискурсе. Известия южного федерального университета. Филологические науки, №2, 2017. с. 107–117
4. Ерохина Е.В. Публичное извинение государства: российский и зарубежный опыт // Актуальные вопросы устойчивого развития России в исследованиях студентов: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты. Челябинск: Челябинский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2018. С. 60–63
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2003. – 284 с.
6. Кошкарлова Н. Н. Публичное извинение: вчера, сегодня, завтра // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 214–221.
7. Лакофф Р. Прагматика публичного извинения //Жанры речи: сб. науч. тр. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 183–192.
8. Серль Дж. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 18 – Москва : Прогресс, 1986 – С. 242–264.
9. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ : монография / Н. А. Трофимова. — Санкт-Петербург : Изд-во ВВМ, 2008 –376 с.
10. Чернейко Л.О., Юй И. К вопросу о функционировании извинения в бытовом и публичном типах речи //Вестн. Башкир. Ун-та. 2017. Т. 22, No 4. С. 1141–1146.
11. Deutschmann M. Apologising in British English. // Language in society 34:2 (2005), Umeå, 2003. P. 314-317

*10.02.19***С.С. Белокурова, А.М. Зинина**

Нижегородский государственный педагогический университет,
факультет гуманитарных наук, кафедра иноязычной профессиональной коммуникации,
Нижний Новгород, belss.96@mail.ru, anastassiakhomenko@yahoo.com

РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ЧЭНЬЮЙ КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Настоящая статья рассматривает чэньюй как фактор формирования социокультурной компетенции в процессе обучения китайскому языку. Задачей настоящей статьи является исследование особенностей представления китайских идиоматических выражений чэньюй в УМК по китайскому языку, анализ представленных в УМК упражнений, направленных на формирование навыков использования чэньюй в речи носителей китайского языка.

Ключевые слова: китайский язык, обучение иностранным языкам, компетентностный подход в обучении иностранным языкам, социокультурная компетенция.

В рамках формирования иноязычной коммуникативной компетенции, важное место занимает и формирование социокультурной компетенции, и мы согласны с мнением Т.Л. Гурулевой о том, что рассмотрение языка только с точки зрения инструментального подхода является неполным, поскольку язык не только знаковая система, инструмент коммуникации и орудие мышления и познания [1].

Говоря об обучении китайскому языку, можно отметить несколько блоков трудностей, с которыми сталкиваются обучающиеся, где помимо письменности, особенностей фонетического, лексического и грамматического строя языка, присутствует также национально-культурная специфика языка, которая прослеживается в иероглифике, лексике, фразеологии. Фразеология, в свою очередь, включает несколько видов, среди которых выделяют чэньюй.

Китайские чэньюй – это фразеологически связанные, устойчивые лексико-синтаксические единицы современного китайского языка, которые в краткой отточенной форме четырехсложных (в основном) ритмических словосочетаний и предложений, насыщенных архаизмами, ярко, живо и выразительно отображают различные понятия реальной действительности китайского этноса [4].

Чэньюй построены в соответствии с нормами древнекитайского языка, с обобщенно переносным значением, носящие экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения. Кроме того, чэньюй можно рассматривать как наглядный материал для исследования исторического и культурного развития Китая: источником чэньюй зачастую являются исторические хроники, философские трактаты, художественная литература, а также мифы, притчи, афоризмы и пр. [2].

Несмотря на признание важности овладения фразеологическими выражениями чэньюй для понимания речи носителей китайского языка, в настоящее время наблюдается очень ограниченное присутствие чэньюй в дидактических материалах по китайскому языку. С целью выявления места чэньюй в процессе обучения китайскому языку был проведен анализ ряда отечественных и зарубежных УМК по китайскому языку. Задачей исследования служит выявление доли, которую составляют идиоматические выражения в лексическом репертуаре, заявленном учебными пособиями, а так. Для анализа были выбраны серии УМК 发展汉语(综合), 汉语教程, поскольку они используются для обучения студентов китайскому языку в вузах КНР, а также серия УМК 信使用汉语, используемая в ряде российских вузов для обучения китайскому языку студентов языковых и неязыковых

специальностей. Анализ представленного в учебниках лексического материала показывает, что на начальных этапах обучения идиомы чэньюй представлены в учебных пособиях очень ограничено и составляют не более 1% всего лексического репертуара. Можно выделить несколько причин, объясняющих такое положение. Во-первых, идиомы могут содержать иероглифы, которые ещё не знакомы обучающимся на ранних этапах изучения китайского языка, что значительно затрудняет запоминание чэньюй. Во-вторых, все идиомы имеют разное употребление, часть из них заменяет предложение или используется в качестве вводной конструкции, другие идиомы используются в функции определенных частей речи. При обучении идиомам необходимо рассматривать каждый конкретный случай в отдельности, закономерности использования могут проследиваться только при достаточно высоком уровне лексических и грамматических навыков. Таким образом, изучение большого количества идиоматических выражений на ранних этапах обучения не видится оправданным, поскольку идет вразрез с принципами адекватности и целесообразности. В данном случае введение множества чэньюй служит в большей степени причиной появления в речи ошибок, и не способствует расширению запаса языковых средств, которые обучающийся может использовать для решения стоящих перед ним коммуникативных задач.

На среднем и продвинутом этапах обучения наблюдается иная ситуация, обучающимся предлагается ознакомиться с часто используемыми в речи носителей языка идиоматическими выражениями. Однако количество представленных чэньюй варьируется в зависимости от пособия. Так в учебниках 新使用汉语 часть 3 и часть 4 встречается около 16 идиоматических выражений, среди которых 11 чэньюй. В учебнике 发展汉语 中级综合课本 всего 9 чэньюй, наибольшее число идиом представлено в учебнике 汉语教程 (中级综合) часть 1,2, в двух учебниках насчитывается 42 идиомы чэньюй. Также различается выбор идиом, на котором останавливаются авторы учебных пособий. В УМК 新使用汉语 в основном присутствуют чэньюй, отражающие особенности китайской языковой картины мира, будучи порождением исторического развития культуры китайского народа, они отражают ценности и мировоззрение носителей языка. Так 重男轻女zhòng nán qīng nǚ «ценить мужчин и презирать женщин; лелеять мальчиков (сыновей) и пренебрегать девочками (дочерьми)», 养儿防老yǎng'ér fánglǎo «вырастить детей, чтобы обеспечить опору в старости» показывают традиционные семейные ценности жителей поднебесной. 头痛医脚tóu tòng yī jiǎo «лечить ноги при головной боли» раскрывает суть традиционной китайской медицины, направленной на лечение глубинных проблем, а не внешних симптомов болезни. В УМК 汉语教程 присутствуют фразеологические рассказы 成语故事, описывающие происхождение ряда идиоматических выражений, таких как 自相矛盾zìxiāng máodùn «противоречить самому себе», 滥竽充数làn yú chōng shù «чтобы место не пустовало, для круглого числа, бесплатное приложение, в бочке затычка». Также присутствует немало чэньюй, содержащих цифры, например 一心一意yīxīn yīyì «всецело; всей душой; всей душой стремиться; всецело поглощен мыслью», 十全十美shí quán shí měi «полностью и без изъяна; совершенный во всех отношениях», 七手八脚qī shǒu bā jiǎo «суетиться, в суматохе, в спешке», 一千二净yī gān èr jìng «чистый, дочиста», 一五一十yīwǔ yīshí «подробно, во всех деталях». Знание подобных идиоматических выражений позволяет понять основные паттерны построения отдельных видов чэньюй, тем самым развивая языковую догадку.

Однако анализ упражнений на отработку и закрепление использования идиоматических выражений показал, что большинство упражнений направлено на формирование рецептивных навыков, позволяющих распознавать и верно трактовать чэньюй в письменном тексте или при выполнении заданий на аудирование. Упражнения, целью которых является выработка продуктивных иноязычных навыков, представлены в основном в форме аспектных упражнений, тренирующих использование чэньюй в словосочетании и предложении, в то же время практически отсутствуют речевые упражнения, способствующие запоминанию идиом и формированию умения гармонично и адекватно

вписывать чэньюй в речь на иностранном языке. Иными словами, новые обстоятельства определяют острую необходимость определения методологии профессионального воспитания в пространстве педагогического университета, призванного создавать условия для сохранения, преумножения и трансляции педагогической культуры с целью подготовки высокоэффективных специалистов в области образования [3].

Список литературы

1. *Гурулева Т.Л.* Китайская языковая личность: характеристика речевого портрета и его сопоставительный анализ: монография. – М. : Издательский дом ВКН, 2019. – 160 с.
2. *Разина А.С.* Происхождение чэньюй: взаимодействие культур в межкультурной коммуникации // Молодой учёный. – 2018. – С. 130-132.
3. *Фролова С.В.* Профессиональное воспитание будущего учителя: дискуссия о концептуальных положениях // Вестник Мининского университета. 2021. №2(35). URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1227/831>. (дата обращения: 17.07.2021).
4. *Чэнь Ш.* Китайские идиомы (чэньюй成语) как компонент содержания межкультурной компетенции // Чэнь Шуан. – Вестник Пермского университета. – №3(23). – 2013. – С. 69-75.

10.02.19

Д.А. Беляева, Ю.Н. Сеницына

Краснодарский государственный институт культуры,
кафедра русского и иностранных языков и литературы,
Краснодар, aralova_daria@mail.ru, tiida07@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ СТУПЕНИ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрены основные методы обучения английскому языку использующие коммуникативный подход. Проанализированы преимущества, эффективность, актуальность и приоритет коммуникативного метода в интегрированном обучении.

Ключевые слова: *компоненты коммуникативной компетенции, начальная школа, речевые упражнения, план урока.*

В эпоху цифрофизации и глобального интернета, владение английским языком является существенным плюсом в качестве и разнообразии жизненного уровня. Это суждение относится как и к выбору профессии, а в дальнейшем и устройстве на желаемую должность, так и в свободном выборе круга знакомств и общения с действительно интересными, а зачастую и нужными людьми.

Соответственно, формирование коммуникативной компетенции существенно важно. Сформированное понимание ключевых принципов действия коммуникативной компетенции будут являться базой, на которой будет строиться все дальнейшее изучение и использование иностранного языка.

Федеральный государственный образовательный стандарт Российской Федерации гласит, что формирование и совершенствование коммуникативной компетенции является главной целью изучения иностранного языка. Это утверждение подразумевает под собой владение всеми видами компонентов коммуникативной компетенции.

Сафонова В.В. в своих трудах перечисляет следующие виды компонентов коммуникативной компетенции:

1. речевую (стратегическую, прагматическую, дискурсивную);
2. языковую (лингвистическую, грамматическую);
3. социокультурную (лингвострановедческую, социолингвистическую) [5].

Формирование коммуникативной компетенции, в общем ее понимание, у учеников начальной школы является нелегкой задачей, так как у учеников не сформирован достаточный словарный запас, чтобы вести дискуссию на любую интересующую их тему, что является одним из критериев коммуникативного метода изучения языка.

Если педагог намерен использовать на проводимых им занятиях коммуникативный подход в обучении ИЯ, для наилучшего усвоения материала и достижения поставленных целей ему необходимо будет вести урок и коммуницировать с учениками исключительно на изучаемом языке.

Преимуществом внедрения коммуникативного подхода в преподавании ИЯ в начальной школе является то, что дети на данном этапе своего развития имеют более подвижную психику в восприятии иностранной речи на слух, воспроизведении и повторении услышанного.

По мнению Е.И. Пассова существует 5 принципов успешного ведения коммуникативного подхода:

1. принцип повышенной речевой активности;
2. принцип ситуативности;
3. принцип новизны;
4. принцип функциональности;
5. принцип индивидуализации [3].

Главной задачей коммуникативного метода остается развитие речевых и аудиальных способностей у учащихся, способность к коммуникации в необходимой ситуации.

Ребенок, слыша грамматически правильно построенную речь учителя или носителя языка, непроизвольно запоминает грамматический строй предложений. Это не значит, что грамматике не стоит уделять должного внимания, но используя коммуникативный подход, грамматика в основном изучается аудиальным способом.

Как уже говорилось ранее, развитие речевых навыков является основным умением при обучении иностранному языку с использованием коммуникативного подхода. Для того чтобы развить речевую деятельность необходимы речевые упражнения. Речевые упражнения подразделяются на две категории:

1. речевые упражнения;
2. условно-речевые упражнения [4].

При помощи речевых упражнений происходит развитие речевого умения. При использовании условно-речевых упражнений мы формируем речевые навыки.

Главной задачей развития речи является умение использовать иностранный язык на практике. Для этого педагогу необходимо научить учеников базовым фразам-клише на различные более употребляемые темы высказываний и общения в диалоге, для лучшего взаимодействия на ИЯ. Этот навык позволит психологически более комфортно ощущать себя в среде иностранного языка и позволит больше сконцентрироваться на мысли, которую ученик хочет донести до собеседника.

Коммуникативный подход может употребляться для обучения всех видов деятельности на ИЯ, таких как чтение, письмо, развитие речи и аудиальных навыков.

В данной статье мы хотим сделать акцент на использование коммуникативного подхода в обучение формирования речевых и аудиальных навыков, так как эти навыки, по природе нашего существования и естественно развития личности, являются ведущими и первостепенным.

Для формирования вышеперечисленных навыков в коммуникативном подходе используют речевые упражнения. Речевые упражнения развивают и совершенствуют речевые умения. Развитие происходит на базе сформированных навыков и приобретенных знаний. При использовании речевых упражнений акцент делается на содержание высказывания, а не на форму. Особенностью речевых упражнений является контекст и ситуативность.

К речевым упражнениям относятся: переводные, ситуативные, дискуссионные, репродуктивные, вопросно-ответные, описательные, инициативные, игровые.

Неоспорим тот факт, что для того чтобы перейти непосредственно к речевым упражнениям педагогу необходимо пройти предварительно с учениками вводный курс исключительно языковых упражнений, для того чтобы у учеников была база знаний, на которую они будут в дальнейшем опираться, выполняя речевые упражнения.

К языковым упражнениям относятся: на заполнение пропусков, подстановочные, на трансформацию, на встречный вопрос, с ключами, на расширение/сокращение предложения, со стандартными фразами, по аналогии.

Языковые упражнения хороши при отработке и усвоении грамматических правил, так как главная задача языковых упражнений – это грамотность высказывания, а речевых упражнений – это беглость речи.

Далее мы хотели бы перейти к обсуждению непосредственно планирования урока в начальной школе, соответствующему коммуникативному подходу в обучении ИЯ, и перечислить основные принципы:

1. Структура урока (приветствие, основная часть, заключительная);
2. Соблюдение определенных ритуалов и правил, для того чтобы ребенок чувствовал себя уверенно и комфортно на уроке;
3. Обязательное использование аудио материалов (песни);
4. Подготовка тематического материала;

5. Отводим время на мини-отдых или подвижное занятие, сопровождаемые произвольным изучением ИЯ;

6. Речь педагога должна быть эмоционально окрашена, для привлечения и удержания внимания детей.

Планирование урока включает в себя такие факторы как: постановка цели, оценка профиля группы, выстраивание логики занятия и предвосхищение возможных трудностей.

Цель урока должна быть конкретной, измеримой и достижимой.

Также необходимо проанализировать профиль группы. Термин «профиль группы» несет в себе следующие факторы, такие как: уровень группы, задачи учащихся и индивидуальные характеристики.

Выстраивание логики занятия подразделяется на презентацию, практику и продукцию.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что использование коммуникативного подхода является одним из немногих способов преподавания иностранного языка схожим с реальным изучением ИЯ в языковой среде. Начинать применять данную методику можно как и в начальной школе, так и в дошкольном возрасте. У ребенка еще нет границ в восприятии новой информации, поэтому процесс будет проходить непринуждённо. Все вышеперечисленные речевые упражнения можно адаптировать под уровень владения ИЯ учеников начальной ступени образования с имеющимся у них лексическими и грамматическими навыками. Главной задачей для педагога останется заинтересовать учеников и удержать интерес на уроке.

Список литературы

1. Воронская И.В. Методика раннего обучения английскому языку. Спб.: КАРО, 2015. – 336 с.
2. Никитенко З.Н. Иностранный язык в начальной школе: теория и практика: учебник / З.Н. Никитенко. – 4-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 338 с.
3. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. – М.: Просвещение, 1991. – 223 с.
4. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М., 1989. – 276 с.
5. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности: дис. д-ра пед. наук / В.В. Сафонова. – М., 1992. – 528с.

10.02.19

Г.В. Галавова, Л.Р. Закирова

Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
Казань, galgulwak@mail.ru, lisichkina.dina@mail.ru

**АНГЛИЦИЗМЫ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ
КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ СПОРТИВНОЙ ЛЕКСИКИ
(НА ПРИМЕРЕ ФИТНЕСА)**

В данной статье рассматриваются вопросы применения англицизмов в области фитнеса. В ходе научных исследований и написанных публикаций изучаются формулировки терминов. Включение англицизмов в татарский язык является длительным и сложным процессом, который затрагивает все языковые структуры: фонетику, семантику, словообразование и морфологию.

Ключевые слова: татарский язык, англицизмы, английский язык, фитнес, заимствование.

Появление новых слов в языке – это естественный процесс, необходимый для его развития. Человек познает мир, совершает открытия – все это имеет отражение в лексическом составе языка. Появляющиеся в языке новые слова называют неологизмами. За последние десятки лет появилось много новых слов, например: селфи, хайп, скиши, коронавирус, самоизоляция, удаленка и т.д.

В том случае, когда в одном языке нет отражения предметов или реалий окружающего мира, тогда происходит заимствование лексики из других языков.

Призывы вести здоровый образ жизни, заниматься спортом, внимательно относиться к своему здоровью все чаще и чаще звучат в нашей жизни. Большинство людей, прислушавшись к этому, стремятся оздоровить свой организм с помощью занятий фитнесом. В данный момент фитнес очень стремительно развивается, поэтому в этой сфере появляется большое количество иноязычных слов.

Фитнес – это развитие всех физических качеств, необходимых для повседневной жизни. В настоящее время существует огромное количество фитнес-клубов, и с каждым днём их становится все больше и больше, в социальных сетях множество фитнес-инструкторов, которые приглашают на свои занятия. Главные преимущества фитнеса – это доступность, так как любой человек может заниматься фитнесом, а также это огромное разнообразие форматов занятий: степ-аэробика, базовая аэробика, мужской и женский культуризм, бодибилдинг, мужской и женский фитнес, боди-фитнес, пилатес, пауэрлифтинг, йога.

Все эти направления в фитнесе способствуют развитию физических качеств человека, а также оздоровлению организма.

Татарский язык, как и другие языки, находится в постоянном процессе развития и обогащения благодаря множеству факторов, но в большей степени за счёт заимствований слов и терминов из иностранных языков. По мнению лингвистов, переход терминов из языка в язык можно считать естественным процессом, так как английский язык является международным. Многие англицизмы необходимы для обозначения тех понятий, которые до момента заимствования не имели аналогии в словаре татарского языка (по причине отсутствия самого понятия, его малого распространения или каких-либо других причин).

Тема возникновения иностранных слов в языке заинтересовала многих лингвистов XX в. Э. Рихтер утверждал, что одной из самых распространенных причин заимствований является надобность дать название предмету или явлению. Есть еще ряд причин проникновения иностранных слов в язык, такие как: языковые, социальные, психические, эстетические, а также востребованность в новых языковых формах, разграничении понятий, в разнообразии средств и в их наполненности, в лаконичности, понятности, в практичности. Э. Рихтер рассматривал процесс возникновения англицизмов как неразрывную взаимосвязь двух языковых культур.

Л. П. Крысин выделил основные причины заимствований слов:

1. Необходимость дать название новой вещи или явлению (ноутбук);
2. Потребность различия двух схожих, но немного различающихся понятий (страх-паника);
3. Введение специальных понятий для той или иной профессиональной деятельности (ввоз-импорт);
4. Термин, который обозначает весь объект, не разделенный на отдельные части, должен называть объект одним словом, а не словосочетанием (снайпер - меткий стрелок);
5. Тенденция, связанная с тем, что иностранное слово звучит научно или престижно (менеджер).

Основные причины заимствования спортивных терминов:

Лексика современного татарского языка очень разнообразна с точки зрения ее происхождения. В истории татарского народа было множество случаев, когда ему приходилось вступать в политические, торгово-экономические, культурные связи. В определенные исторические периоды заимствования были просто неизбежны. Благодаря таким разносторонним связям, лексика татарского языка пополнялась различными словами. В 90-е годы прошлого столетия произошло увеличение иноязычных заимствований. В этот же период в России начинает развиваться фитнес. Данное направление физической культуры стало самым модным трендом и неотъемлемой составляющей жизни человека, который стремился к самореализации. С возникновением фитнеса появились новые спортивные термины. Возникновение английских терминов в татарском языке вносит большой вклад в словарный состав языка. Включение англицизмов в татарский язык является длительным и сложным процессом, который затрагивает все языковые структуры: фонетику, семантику, словообразование и морфологию.

Англицизмы применяются как более удобная формулировка терминов, которые уже есть в языке, но в виде словосочетания: Walking arms - обычные движения рук при ходьбе (йөргәндә кулларның гадәти хәрәкәтләре); Clap hands - хлопки перед телом на высоте груди (күкрәк биеклегендә куллар белән чәбәкләү); Pumping arms - качание руками (куллар белән селкетү);

Англицизмы вытесняют собой спортивные термины, которые уже присутствуют в татарском языке и представляют собой известные спортивные явления в виде словосочетаний: Basic step - базовый шаг (төп адым); Curl - захлест, загиб (бөкләү); Grape win - скрестный шаг (чалыш адым); Jog - бег (йөгерү); Knee up - подъем колена (тезне күтәрү); Kick- мах, удар ногой (аяк белән тибү); Open step - открытый шаг (ачык адым); Step-touch - приставной шаг (өстәмә адым).

Возникновение англицизмов в фитнес-направлении обусловлено модой:

Low Impact (Li) - классическая аэробика (классик аэробика); BT Low или A-intro - урок для начинающих (башлап өйрәнүчеләр өчен дәрес); Li1 - аэробика без прыжков (сикерүләрсез аэробика); Li75 или Cardio Low: серьезный тренинг в течение 75 мин (75 мин дәвамда житди тренинг); LiHi - аэробика с бегом и прыжками (йөгерүдән һәм сикерүдән торган аэробика); Step - аэробная тренировка со специальной ножной платформой - ступенькой (махсус аяклы платформа - баскычлы аэроб тренировкасы).

Статьи в журналах, телевизионные передачи также способствуют распространению англицизмов: TAI BO - тренировка с элементами техники карате и кикбоксинга (карате һәм кикбоксинг техникасы элементлары белән күнегүләр); Upper Body - силовая тренировка мышц рук, груди, спины и брюшного пресса (кул мускуллары, күкрәк, арка һәм корсактан көч таләп итә торган күнекмә); ABL - силовые упражнения для мышц ног, брюшного пресса и ягодиц (аяк мускуллары, корсак көче һәм арт саны өчен көч таләп итә торган күнегүләр); Body Sculpt - силовой тренинг мышц всего тела (бөтен тән мускулларының тренингы);

В результате анализа англицизмов в татарском языке можно сделать следующие выводы:

1. Заимствовать фитнес-термины из английского языка - это хороший способ пополнить словарь татарского языка.
2. Англицизмы в сфере фитнеса широко применимы.
3. Заимствование англицизмов происходит через английский язык, а также через русский язык.

На сегодняшний день в татарском языке множество иностранных слов, без которых трудно представить нашу жизнь. Роль англицизмов в области фитнеса в татарском языке очень велика. Именно поэтому спортивная терминология сферы фитнеса невозможна без англицизмов, это оправдывает их уместность в употреблении.

Заимствованные спортивные термины не портят татарский язык, а наоборот, дополняют его и помогают не отставать от мирового фитнес-сообщества. При этом нужно учитывать, что термины должны быть понятными для всех. Также важна уместность употребления англицизмов, потому что их правильное использование говорит об уважении родного языка и языка - "донора".

Также важно помнить о том, что язык является неотъемлемой частью культуры народа и для ее сохранения необходимо развивать и беречь уникальность татарского языка.

Список литературы

1. Абдуллин Е.М. Английский подпласт заимствованной лексики современного татарского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. [Электронный ресурс] / Е.М. Абдуллин. Казань, 2007. 24 с. – URL:<http://old.kpfu.ru/uni/sank/db/filebase/files/247.doc>. (Дата обращения: 5.06.2018).
2. Зенович Е.С. Словарь иностранных слов и выражений./ Авт.-сост. Е.С. Зенович. – М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. – 608с.
3. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 416 с.

10.02.19

Д.Р. Гилязова

Башкирский государственный университет,
Факультет романо-германской филологии,
кафедра иностранных языков естественных факультетов,
Уфа, dika_ya@rambler.ru

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ В ТЕКСТАХ

В статье рассматриваются языковые маркеры конфликта, несущие в себе большой конфликтотенный потенциал. К ним прежде всего относятся видимые структуры текста: лексико-семантические, грамматические и прагматические средства.

Ключевые слова: языковые единицы, маркеры, факторы конфликта.

Коммуникация одна из важнейших составляющих всей нашей жизни, существование любого социума пронизано и обусловлено коммуникацией, которая сегодня всё чаще даёт сбои, что нередко даёт толчок к физическим конфликтам. В лингвистике, в социологии и многих областях науки конфликты, а именно, коммуникативные конфликты, представляют интерес для исследования и получения данных в области, обусловленной не только факторами возникновения конфликта, но и многообразием их видов и форм. Результаты исследований могут оказывать влияние как на внутрикультурное, так и межкультурное взаимодействие. Следовательно, необходимо составить полную классификацию наиболее вероятных маркеров-конфликтотенов, выделенных при анализе текстов.

Наша цель - с помощью языковых средств, так называемых, видимых структур текста, выявить наиболее частотные и имеющие наибольшее влияние в современном обществе. Такие структуры чётко указывают на интенции коммуникантов, и поэтому их изучение вызывает интерес у исследователей. Используемые коммуникантами языковые средства содержат стратегические и тактические замыслы и установки говорящего.

Как можно установить, что языковые элементы несут в себе информацию, служащую триггером речевого конфликта? В нашем случае мы подробно рассматриваем некоторые лексические, семантические и грамматические маркеры коммуникативного конфликта.

Язык представляет собой сложную и многоуровневую систему, многие его элементы которой несут в себе неоднозначную интерпретацию смыслов, передаваемых ими. Свойства языковых знаков скрыты глубоко и обнаруживаются при запуске определённых механизмов, приводящих их в действие и с полным правом, мы можем считать их речевыми условиями: только в соотношении с актом речи «виртуальный языковой знак» [6, с.247] актуализирует свое значение и, следовательно, может обнажить свои противоречивые конфликтотенные свойства.

Исследования показывают, что создавать конфликтную коммуникативную ситуацию на данной страте могут лексические, фразеологические единицы, окказионализмы, полисемичные лексемы, аббревиатуры, неологизмы, архаизмы, заимствования и другие тропеические средства.

Как понять какие свойства языка предопределяют возникновение различного рода непониманий и коммуникативных сбоев? Чтобы ответить на этот вопрос нам необходимо выявить и описать характер воздействия выдвинутых на первый план свойств присутствующих в тексте языковых единиц на участников коммуникативного акта и всю речевую ситуацию.

При этом необходимо использовать двухплановый подход, который обусловлен двукратным означиванием языковых единиц. Единицей первичного означивания является слово (в подаче адресата), то есть те смыслы слова, которые представляют зону его «ближайшего значения» и являются актуальными для адресанта в данный момент. При этом выделенная зона значения не обязательно является значимой зоной значения для собеседника-адресата. Не редки случаи, когда важное для говорящего воспринимается слушающим с той долей понимания важности информации. И это актуализирует предконфликтную ситуацию.

В процессе общения появляются новые смыслы, которые не закладывались изначально, что вызывает внутреннее напряжение и другие нежелательные эмоциональные воздействия. Все эти эмоциональные всплески обуславливают речевой конфликт. Языковой знак, существуя в расчлененном и нерасчлененном виде, демонстрирует одно из своих зачастую конфликтных свойств – гибкость. Это свойство проявляется в его бесконечной смысловой валентности [2] и несёт в себе конфликтный потенциал. Исследователи доказали, что слово в определенном контексте может из нейтрального превратиться в инвективное при актуализации того или иного смысла.

Рассмотрим восприятие слова адресатом, способствующее возникновению в сознании набора вербальных и предметных ассоциаций, потенциальных смыслов, которые проявляются в условиях речевой реализации. Возьмём слово «глухарь» (изначально: самая крупная птица подсемейства тетеревиных): «У глухарей сильно проявлены отличия меж самцами и самками». [7] Ассоциативными признаками здесь могут выступать такие семы как: «старая большая птица», «глухой», «глухонемой», «тугой на ухо», «человек, имеющий проблемы со слухом» (Вот глухарь! Неужели не слышит стука в дверь!), «глупый» (Он прикинулся глухарём...), «внутренняя металлическая крышка у иллюминаторов (морской)», а также «что л. гибкое, безвыходное» (У нас всех с распределением полный глухарь нас никуда не распределили), одной из частностей этой семы выступает жаргонное название для преступления, имеющего мало шансов быть раскрытым, синоним слова «висяк» (Ни одной зацепки...одним словом «глухарь»). Эти и другие ассоциативные признаки утяжеляют его лексическое значение в сознании носителей языка. Они служат лексическим фоном в содержании слова.

Важным аспектом в понимании функционирования языкового знака являются эмоции и интенции коммуникантов. Например, использование нейтрального слова с целью нанести оскорбление собеседнику, чтобы вызвать у него ответные негативные эмоции, здесь мы имеем инвективное употребление неинвективного слова. (Какой же он одноклеточный!) Инвектива всегда вызывает бурную эмоциональную реакцию. Слово наполняется образными конструктами, включенными в «лексический фон слова», оно может встречаться в контексте других словесных знаков, отражая побочные, неявные признаки обозначаемого предмета [5, с.25].

Для лексических маркеров конфликтного коммуникативного поведения существуют определенные метки, ими могут служить и существующие в разговорной речи специальные названия малознакомых или незнакомых участников коммуникации по яркой примете во внешности. Например, сочетание имени существительного в косвенном падеже с предложением: в очках, в вязаной кофточке с ужасными розочками и т. п. [1, с.131-136.]: «Послушайте, мужчина в сланцах, Вас здесь не стояло!» Здесь присутствует такое явление, как обезличивание. Такое обращение сочтут неуместным и оскорбительным.

В коммуникативном акте значимую роль играет дистанция, которую задаёт инициатор общения. Кроме того, то, какую форму обращения по отношению к собеседнику мы выбираем, определяет эффективность самого общения, поскольку оно, в конечном счёте, формирует общую тональность взаимодействия. В случае, если собеседник отклоняет выбранную форму обращения, то само продолжение речевого контакта ставится под вопрос.

Следующим лексическим маркером коммуникативного конфликта могут послужить номинативные единицы, смысл которых непонятен, неизвестен или чужд. Старинные слова (бурсак, кантонист, кадрили и др.) в настоящее время малоупотребительны и используются лишь людьми начитанными, высокообразованными, хорошо знакомыми с реалиями прошлого – это агнонимы [3]. В случае, если в высказывании эти термины присутствуют в избыточном количестве, они могут потребовать от собеседника дополнительных мыслительных усилий или же каких-то действий. Поэтому, в таких ситуациях собеседникам необходимо убедиться, что они друг друга понимают, что они пользуются одним культурным кодом. Здесь для реализации информационной или воздействующей цели общения потребуется регулятивная составляющая языка в виде фраз обратной связи, как например: «Вы же понимаете, что я имею в виду?» «Вам понятно, о чём я веду речь?». «Могу ли я рассчитывать на Ваше понимание?» Такие приёмы игнорировать не следует.

В современном онлайн и офлайн общении, а также в прессе активно используется так называемый «язык подонков» - один из стилей русского языка с фонетически адекватным, но нарочито исправленным написанием слов. Например: «афтар пишы исчо» (Автор пиши ещё), «криатифф» (креатив), «патстулом» (под стулом- смешно до упаду). Использование такого стиля может быть расценено как издевательство и вызвать острое неприятие у представителей старшего поколения.

Что касается грамматических структур, обладающих большим потенциалом для создания конфликтной ситуации, то это прежде всего высказывания в императивном наклонении совершенного вида. Такого рода высказывания имеют оттенок грубости, жёсткости и высокомерия. Например, заголовок газеты «Новое время» «Карантинный блок: переждем эпидемию культурно!» может быть расценен как утверждение, что у населения отсутствует культура в обычное, не карантинное время, и это понимание может спровоцировать негативные реакции.

Мы выяснили, что существуют видимые маркеры конфликта в тексте на любом уровне, степень же конфликтности текста или высказывания будет зависеть не столько от присутствия «явных» конфликтогенов, сколько от реакции воспринимающего и интерпретирующего речевое высказывание. немаловажны национально-культурная, социальная, религиозная и другие составляющие личности реципиента. Структура содержания принадлежит самому тексту, в то время как смысловая структура текста – смысловой сфере воспринимающей его личности [4].

Список литературы

1. Земская Е.А. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка: язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 131-136.
2. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.- 480 с.
3. Морковкин В.В. Русские агнонимы [Текст]: (слова, которые мы не знаем) / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. - Москва: Б. и., 1997. - 414 с.
4. Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М.: «Азбуковник», 2007. – 224с.
5. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании / В. Ф. Петренко. – М.: Изд-во МГУ, 1983. - 176 с.
6. Уфимцева А.А. Русские глазами русских // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. С. 242–249.
7. Фундаментальная электронная библиотека. ФЭБ: "Толковый словарь русского языка в 4-х т." [Электронный ресурс]. – режим доступа: URL: feb-web.ru. (дата обращения: 20.07.2021)

10.02.19

Л.Г. Гилязова, Р.Ф. Фаттахова

ГАОУ ДПО «Институт развития образования Республики Татарстан»,
кафедра татарского языка и литературы,
Казань, glg4@yandex.ru, faruzilya@mail.ru

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В ШКОЛЕ

В описании семантической системы татарского языка значительное место занимает глагол, поскольку особенности грамматического строя в первую очередь определяются категориальными признаками данного разряда слов. В современном татарском языке есть значительная разница в использовании категории времени глагола в разных стилях, что позволяет считать эту категорию признаком, характеризующим тот или иной стиль, поэтому очень важно обратить внимание учащихся на специфическое употребление глаголов в разных функциональных стилях современного татарского литературного языка.

Ключевые слова: функциональные стили современного татарского языка, научно-популярный текст, глагол, особенности употребления глагола.

Знакомясь с различными научными, научно-популярными текстами, учащиеся старших классов обращают внимание на толкование различных смысловых оттенков категории времени глагола, определяют значительную разницу в употреблении в произведениях художественной литературы. Поэтому очень важно отметить и разъяснить особенности употребления глаголов в научном стиле, поскольку учащиеся во время учебного процесса регулярно сталкиваются с текстами научно-популярного характера.

В современном татарском языке есть значительная разница в использовании категории времени в разных стилях, что позволяет считать эту категорию признаком, характеризующим тот или иной стиль.

Научному стилю свойственно применение глагола в настоящем времени. Настоящее время выражает одновременно с моментом повествования, актуальную для момента повествования, ситуацию. Глагол в настоящем времени в научном стиле обобщен почти во всех случаях - не ограничен временем, используется в постоянном смысле, определяет предмет или лицо по постоянному признаку, и именно этот смысл является главным свойством научного стиля. Особое место в научных текстах занимают различные правила, определения, теоремы, объективные истины. Глагол, употребляемый в этих явлениях, как правило, находится в настоящем (не ограниченном) времени, например, *Санлы аңлатмада гамәлләрне башкару нәтижәсендә табылган сан аңлатманың кыйммәте дип атала*. [1, с. 5].

Также наблюдаются случаи, когда настоящее время используется для выражения событий прошлого, например, *Мөхәммәт ибн Муса әл-Хәразми беренче булып алгебраны арифметикадан аера һәм аны мөстәкыйль фән буларак тикшерә башлый*. [1, с. 19]. В этих случаях время выполнения работ не имеет значения, а все внимание направлено на результат работы, факты. Эта форма, широко распространенная в биографических произведениях, в художественной литературе, используется для оживления событий прошлого.

Известно, что настоящее время активно используется в устной речи и драматургии, но в сравнении с научным стилем, его значение изменяется. Устной и литературной речи свойственно высказывание происходящее одновременно с моментом говорения, актуального для момента говорения обстоятельств и дел, относящегося к будущему или прошлому.

В других функциональных стилях татарского языка много лексических и морфологических средств, обозначающих время. В публицистике используется местоимения **где, вон, там**, и активно участвуют в формировании современной ситуации. А в научных текстах из лексических средств, намекающих на настоящее время, часто используется форма

хэзер (сейчас), например, *Хэзер масьалэне карыйк* [1, с. 27]. В то же время надо отметить, что своеобразное употребление этой лексемы не столько выражение времени действия, сколько смена, последовательность действий.

В науке описываются постоянные признаки, состояния предметов-явлений, поэтому смысл времени в них рассматривается условно. В научном стиле автор, приводя в науке известные сведения, пользуясь формой прошедшим категорическим временем, использует опыты, которые он исследовал, выявлял, обозначает те или иные явления, поэтому через глаголов этой формы в речь входит субъективная инициатива. Применение формы *-ды* по своему оживляет ход повествования, так как в определенной степени чувствуется оттенок проявления, например, *Без монда беркыймэтле функцияне генэ карадык* [1, с. 147].

В научном стиле часто используются шаблонные слова **как уже отметили, выяснили, увидели** и т.д., таким образом эти формы связывают между собой части текста, то есть объясняются новые явления, связанные с изучаемым мышлением.

Будущее время в научном стиле не очень активное. Частота прошлого и редкость будущего времени объясняется исходя из точки психологии: будущее время всегда вызывает у людей неопределенность, тревогу. Поскольку в научном стиле строгость, точность не могут быть неопределенностью, то будущее, примененное в научных текстах, в основном соответствует категорическому будущему времени и обычно используется в части прогнозирования доказательств, например, *Матди нокта дип массасы булган геометрик ноктаны алачакбыз* [2, с. 24].

В глаголах, употребляемых в научном и художественном стилях имеются следующие особенности: глаголы в стиле художественной литературы выступают в конкретном смысле, а значит, и коэффициент конкретности речи выше; 2) если в научном стиле преобладает настоящее время (не ограниченная временем), то в литературном стиле надо отметить активность прошлого времени, так как предметом литературного изображения становятся прошедшие события; 3) в литературных произведениях в контексте наблюдается переход с одного времени на другой, а для научного стиля характерно, что текст имеет план определенного времени; 4) если в научном стиле глагол в настоящем времени выражает признак, то в литературном языке к ним добавляется выразительность, динамичность; 5) стиль художественной литературы различается разнообразием темпоральных показателей, а в научном стиле применяются в основном одни и те же слова, например, **сейчас, часто, почти, всегда**.

Для формирования у школьников лингвистического мировоззрения, ознакомления учащихся с понятием «стили речи», актуализации знания учеников о разновидностях стилей речи на основе выявления общих признаков каждого из стилей на уроках родного языка целесообразно проводить практические занятия [1, с. 73], направленные на анализ языка того или иного текста. Например, *из параграфа какого-либо учебника по естественно-математическим дисциплинам выберите по 3 небольших фрагмента, в которых хорошо проявляются уже известные вам признаки научного стиля и выполните следующие задания:*

1. *Определите, какие части речи и их грамматические формы чаще всего встречаются в выбранных вами фрагментах.*

2. *Проанализируйте форму глаголов и выражаемое ими грамматическое значение времени.*

3. *Укажите предложения, в которых глагол употребляется в форме прошедшего времени.*

Во время работы такого типа упражнений учащиеся учатся анализировать особенности, характерные для каждого стиля, и, как следствие, научатся различать каждый стиль.

Таким образом, в стилях научной и художественной литературы существенные различия в использовании глаголов разных времен объясняются целями и задачами художественной литературы и научного языка. Они отличаются друг от друга содержательным разнообразием и характером мышления.

Список литературы

1. Алгебра. 7 сыйныф: татар телендә төп гомуми белем бирү оешмалары өчен д-лек / Казан: Татар. кит. нәшр., 2017.— 256 б.
2. Геометрия. 7-9 сыйныф: татар телендә төп гомуми белем бирү оешмалары өчен д-лек / Казан: Татар. кит. нәшр., 2017.— 426 б.
3. *Гилязова Л.Г., Хадиева Г.В.* Туган (татар) тел дәресенең заманча модельләре (белем һәм күнекмәләрне системалаштыру дәресләре) // Сборник материалов Международной НПК «Правовые основы функционирования государственных и региональных языков в условиях дву- и многоязычия. 11 декабря 2019 г.» – Казань – 2019. – С. 72-74.
4. *Гилязова Л.Г., Хадиева Г.В.* Федеральные государственные образовательные стандарты: комплексные работы в начальной школе // Фәнни Татарстан. – 2018. – № 1. – С. 119-124.
5. *Гилязова Л.Г., Хадиева Г.В.* Татар теле дәресләрендә сайлап алуның актуальлеге // Фәнни Татарстан. – 2020. – № 4 (28). – С. 109-114.
6. *Шамсутдинова Р.Р., Гилязова Л.Г., Фаттахова Р.Ф.* Введение нового лексического материала на уроках русского языка как иностранного // всероссийский филологический форум: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука». – 2021. – С.31-38.
7. *Фаттахова Р.Ф.* Урок систематизации и обобщения знаний // Фәнни Татарстан. – 2019. – № 1. – С. 109-114.
8. *Шамсутдинова Р.Р., Фаттахова Р.Ф.* Развитие творческих способностей учащихся на уроках татарской литературы // IV Андреевские чтения: современные концепции и технологии творческого саморазвития личности. Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Казань – 2019. – С. 419-422.

10.02.19

А.Н. Гуров

Московский государственный лингвистический университет,
переводческий факультет,
кафедра испанского языка и перевода,
Москва, gurovan@inbox.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД КАК НЕПРЕОДОЛИМОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ ДЛЯ НЕЙРОСЕТЕЙ

Эффективные алгоритмы автоматического обучения и мощные графические процессоры позволили нейросетям совершить настоящую революцию в сфере автоматического перевода. В работе основное внимание акцентируется на особенностях художественного перевода, которые, на данный момент, являются непреодолимым препятствием для нейросетей.

Ключевые слова: *нейросети, машинный перевод, художественный перевод, искусственный интеллект, постредактирование.*

Многообразие текстов, с которыми сталкивается переводчик, в самом общем виде можно свести к двум основным группам – художественным и нехудожественным текстам с учетом их промежуточных разновидностей, а следовательно, и к художественным и нехудожественным переводам. Основные достижения машинного перевода связаны, в первую очередь, с переводом нехудожественных текстов.

Художественный перевод: основные сложности

Разработчики нейронных сетей сходятся во мнении, что художественные тексты являются наиболее сложной и пока неразрешимой задачей для автоматизированных систем перевода, поскольку отличительной особенностью художественных текстов является эстетическое воздействие, создание художественного образа, с чем искусственный интеллект пока не в состоянии справиться [8]. Именно эта эстетическая направленность и отличает художественную речь от остальных актов речевой коммуникации, где на первое место выходит информативная содержательность. Характерной чертой художественных текстов является взаимодействие формальных и семантических аспектов, которые очень трудно интерпретировать компьютерам (фигуры речи, игра слов). Образность, а также юмор и ирония, несмотря на некоторый прогресс, пока не подвластны нейросетям.

Упомянутые факторы не позволяют существующим в настоящее время автоматическим системам машинного перевода передать глубину «понимания» текста, необходимую для достижения адекватности перевода, и, в итоге, обеспечить получение эстетического наслаждения от прочтения художественного произведения. По утверждению Ф. Бернардо, компьютеру пока не доступен творческий труд, сила воображения и возможность передавать семантическую содержательность без вмешательства человека [1, с. 191–204].

Тем не менее, по мнению ряда исследователей, достигнутые за последнее десятилетие успехи в области машинного перевода позволяют предположить, что художественный перевод может только выиграть от использования машин, что уже отмечается при работе с другими видами текстов. Так, согласно А. Торал и А. Вэй, отмечается ежегодный рост выпуска электронных произведений (более 12% за 2019 год), что позволяет создавать параллельные текстовые корпуса, предназначенные для обучения систем машинного перевода [8]. Это будет способствовать повышению качества машинного перевода, поскольку, как утверждают П. Печина и О. Дужек, нейронным системам для обучения необходимы данные, аналогичные тем, которые машине придется обрабатывать в процессе работы [3].

Последние достижения искусственного интеллекта в сфере художественного перевода

Компьютерные достижения в переводе художественных произведений менее очевидны, по сравнению, например, с переводом технических или военных текстов. Тем не менее, отрицать некоторый прогресс машинного перевода в области литературы было бы не совсем правильно. Учеными разных стран предпринимались многочисленные попытки проведения сравнительного анализа художественного перевода, выполненного человеком и компьютером. Исследователи приходили к выводу, что машинный перевод ограничивался практически дословной передачей языковых единиц исходного языка на язык перевода. При этом не учитывались ни культурологические вопросы, ни контекст. Ф. Бернардо признал, что машинный перевод романа Даниэля Дефо Молль Фландерс с английского на португальский язык нельзя признать удовлетворительным [1].

А. Торал и А. Вэй, выдвинули гипотезу о том, что компьютеру для выполнения качественного художественного перевода необходима принципиально новая статистическая база, которая должна включать только оригиналы и переводы художественных произведений [6]. Исходя из этого, исследователи провели в 2015 году эксперимент, в ходе которого был выполнен машинный перевод романа Карлоса Руиса Сафона «Узник неба» с испанского на каталанский язык, и сравнили полученный вариант с профессиональным переводом. Они пришли к выводу о том, что около 20% фраз, выдаваемых компьютером, в точности совпадают с предложениями выполненного человеком перевода, а 60% сегментов машинного перевода имели сопоставимое качество. Без сомнения, этот эксперимент, основанный на качественно новом подходе, стал своеобразной новой вехой в сфере автоматического художественного перевода.

В 2018 году А. Торал, М. Вилинг и А. Вэй провели эксперимент по постредактированию одной главы романа Брэндона Сандерсона «Убийца войн», используя разные модели машинного перевода: одну – основанную на нейросетевом подходе, вторую – на статистическом подходе [7].

Шесть профессиональных переводчиков, специализирующихся на переводе художественных произведений, выполнили перевод фрагмента книги тремя разными способами: без помощи компьютера, постредактировали результат перевода статистической машины и результат перевода нейронной машины. Целью исследователей было изучить временные, технические и когнитивные параметры работы переводчиков.

Наилучшие показатели были продемонстрированы при постредактировании перевода, выполненного нейронной сетью: рост производительности составил 36%. Постредактирование перевода, выполненного машиной, использующей статистический подход, увеличило эффективность работы переводчиков на 18%.

По мнению А. Торал и А. Вэй [8] нейронная сеть обеспечивает гораздо более качественный перевод по сравнению со статистическим подходом, при этом носители языка, принимавшие участие в этом и других подобных экспериментах, отмечают, что более 30% автоматизированного перевода, выполненного нейронными сетями, по качеству соответствует переводу, выполненному человеком.

На наш взгляд, нельзя не признавать очевидный прогресс автоматического перевода, качество которого, в некоторых текстовых жанрах, практически не уступает переводу, выполненному человеком. Тем не менее, многие проблемы преодолеть пока не удастся: компьютеру не доступно понимание особенностей синтаксиса, фигур речи, юмора и иронии.

Нейросети готовы конкурировать с человеком?

Наш ответ – нет. Пока нет. Однако, прогресс в области машинного перевода, особенно после появления нейросетевых технологий, бесспорен.

В ряде областей, например при переводе технической литературы, большинство переводчиков уже отказались от полноценного перевода текста, сделав выбор в пользу постредактирования машинного перевода. В то же время есть сферы (аудиовизуальный перевод, маркетинговые исследования), где использование машинного перевода является

контрпродуктивным, поскольку на его корректирование у человека уходит гораздо больше времени, чем, собственно, на перевод. Постредактирование художественных произведений на данном этапе развития нейросетей все еще не носит массовый характер: многие переводчики, оценивая временные и технические затраты, отдают предпочтение традиционному переводу, не прибегая к помощи машины.

Нам представляется, что развитие технологий, в первую очередь в области искусственного интеллекта, пополнение корпусов художественных текстов, а также, обучение переводчиков особенностям работы с машинным переводом, будут способствовать тому, что нейронные сети станут значительным подспорьем для художественного переводчика; индивидуальный специализированный подход к машинному переводу позволит минимум на треть сохранить временные затраты и сделает возможным эффективное постредактирование.

Список литературы

1. *Bernardo F.L.* Tradução literária homem vs máquina: um ensaio sobre a tradução online. *Entretextos*, Londrina, v. 14, n.º 2, p. 191-204, jul./dic., 2014.
2. *Besacier L.* Traduction automatisée d'une oeuvre littéraire: une étude pilote. *Traitement Automatique du Langage Naturel (TALN)*, Marsella, 2014.
3. *Pecina P., Dušek O.* Adaptation of machine translation for multilingual information retrieval in the medical domain. *Artificial Intelligence in Medicine*, vol. 61, n.º 3, 2014.
4. *Toral A., Wieling M., Way A.* Post-editing Effort of a Novel with Statistical and Neural Machine Translation. *Frontiers in Digital Humanities* 5:9, 2018.
5. *Toral A., Way A.* What Level of Quality can Neural Machine Translation Attain on Literary Text? *Translation Quality Assessment. From Principles to Practice*. New York: Springer, 2018.
6. *Toral A., Way A.* (2015). Translating literary text between related languages using SMT. En *Proceedings of the Fourth Workshop on Computational Linguistics for Literature, NAACL*, Denver, Colorado (EE. UU.), p. 123-132. Denver: Association for Computational Linguistics.
7. *Toral A., Wieling M., Way A.* Post-editing Effort of a Novel with Statistical and Neural Machine Translation. *Frontiers in Digital Humanities* 5:9, 2018.
8. *Toral A., Way A.* What Level of Quality can Neural Machine Translation Attain on Literary Text? *Translation Quality Assessment. From Principles to Practice*. Nueva York: Springer, 2018.

10.02.19

Г.З. Дарзаманова канд. филол. наук

Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева-КАИ (КНИТУ-КАИ),
Институт инженерной экономики и предпринимательства,
Кафедра иностранных языков, русского и русского как иностранного,
Казань, darzamanovag@mail.ru

СЕМАНТИКА РУССКИХ, ТАТАРСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЙ С АНТРОПОНИМАМИ

В статье рассматриваются паремии (пословицы и поговорки) с антропонимами в русском, татарском и английском языках с целью прослеживания формирования значения у данных образований под влиянием личного имени собственного в их составе; определения функции ономастического компонента. Согласно результатам проведенного исследования, изучаемые паремии обладают как прямым, так и переносным значением, формирование которого зависит от функции антропонима. Данное исследование является первой попыткой сопоставительного анализа такого рода, что и представляет новизну представленной работы.

Ключевые слова: *паремии, пословицы, поговорки, семантика, компонент, символ, антропоним, личное имя собственное.*

Изучая отношение к различным явлениям, выраженное через пословицы и поговорки, мы неизбежно сталкиваемся с интерпретацией паремий ввиду того, что значение пословиц тесно переплетается с ее образностью, которая формируется из переносного значения слов и выражений, поэтому пословицы, в отличие от поговорок, могут обладать как прямым, так и переносным значением, вызывая трудности их толкования. Одним из примеров метафорического значения пословицы, являются паремии с личным именем Фома: *Фома не купит ума, своего продаст; Ждут Фому: чают быть уму*. Употребление слова *ум* в данных пословицах ироничное.

Исследование данных паремий с антропонимами в указанных языках позволяет грамотно толковать пословицы, выявляя «общее и специфическое для русской, татарской и английской культур, что является актуальным в свете развития идей мультикультурализма» [2], даёт «возможность аутентичного восприятия незнакомого» [3], способствуя корректному переводу и взаимопониманию при общении. На наш взгляд, образ, который создается вокруг личного имени в пословицах, отражает социальные, мировоззренческие и другие категории. И чтобы понять значение пословиц с антропонимами, надо правильно определить роль личного имени в составе паремии, так как имя собственное «как категория понятийная впитывала в себя в прошлом многие значения, изменяя и возрождая на каждом шагу свой первоначальный смысл и первоначальные свойства, вызывая новые представления качества, сходства, нового признака» [4]. Так, например, в русском языке, не зная о метаморфозах имени *Афоня*, которое в народе имеет значение «вор», невозможно, на наш взгляд, раскрыть значение пословицы: *Афонюшке жить хорошо, одним нехорошо: промысел не гожд*. Дореволюционные имена людей были прозвищами. Основой многих русских, татарских и английских имен послужили нарицательные существительные. Действительно, имена собственные и нарицательные, представляя собой различные лексические единицы, находятся в отношениях онимизации и деонимизации: в языке осуществляется обмен, постоянное взаимодействие между именами нарицательными и именами собственными. Большинство имен произошло от нарицательных слов (онимизация), раньше указывавших на какой-то признак: русск. *Андрей* — мужественный, храбрый; *Светлана* — светлая; тат. *Газиз* — святой; *Алсу* — розовощекая;

англ. *Clark* (Кларк) — ученый; *Rowena* (Роуина) — прекрасная. Древнерусские и болгаро-татарские имена давались от названий животных. Причины этого были различными. Согласно древнейшим тотемическим верованиям, тот или иной род вел происхождение от определенного вида животных, чьим именем и звался. Таковы древнерусские имена *Волк*, *Заяц*, *Лебедь*; болгаро-татарские имена *Буре* (Волк), *Аю* (Медведь), которые могли даваться метафорически, на основе некоторого сходства человека с определенным животным и т.д. Кроме того, древние болгаро-татарские имена давались от названия птиц, например, именем *Бөркет* (Орел) называли мальчиков, чтобы они были храбрыми и быстрыми. Девочкам, чтобы они были красивыми, давались имена, произошедшие от названий певчих птиц: *Сандугач* (Соловей). Предполагалось, что, называя детей *Чүкеч* (Молоток), *Урак* (Серп), они будут расти трудолюбивыми. Среди болгаро-татарских имен было немало так называемых охранных имен, дававшихся с целью уберечь ребенка. Так, если в семье с рождением ребенка кто-либо умирал, новорожденного называли *Тимержан* (Железный, с железной душой) либо *Туктар* (Остановится).

Семантический анализ древнеанглийских имен лишний раз свидетельствует о том, что на ранней стадии развития антропонимической системы прозвища являются источником личного имени. Например, некоторые из них указывают на национальность *Gota* — гот, на характеристику носителя *Beorn* — ребенок, на качества *Haeledha* — здоровый и т.д.

С принятием мировых религий в течение длительного времени в языках сосуществовали как языческие, так и религиозные имена. Заимствованные религиозные имена собственные у людей становились именами в современном их понимании и выполняли присущие личному имени собственному функции: номинативную и идентифицирующую. Однако существование старого взгляда на имя как на прозвище сохранилось в народной традиции. В народе имя собственное всегда было по функции близко к прозвищу. С течением времени заимствованные имена стали переосмысливаться и приобретать значения, близкие к прозвищам, за счет чего и происходили метаморфозы собственных имен, что и отражается в паремиях с личными именами.

Тщательного анализа со стороны толкователя требуют пословицы с антропонимами-символами, в том числе образования религиозного происхождения, в формировании значения которых «основную роль, на наш взгляд, играет ономастический компонент, представленный именами библейских и евангельских персонажей» [1], например, русск. *Иудой свет пройдешь, да удавишься*. Также имеются паремии, восходящие к фольклору: тат. *Гыйк тоту Йусуф белән Зөләйхадан калган* (Хранить верность в любви идет со времен Йусуфа и Зулейхи); с антропонимами, подвергшимися процессу деонимизации: русск. *Бог не Мануков и без посула милует*; тат. *Карун малы — кар суы* (Богатства Каруна — талая вода); *Һәр Мәджнунгә бер Ләйлә* (Каждому Маджнуну по Ляйле). Могут возникнуть затруднения и при толковании пословиц с личными именами, возникших на базе народных шуток, сказаний, притч, так как для их понимания требуется знание контекста. Так, например, основой татарской пословицы: *Шул кагэзне кап та тор, Жәгъфәр ишан догасы* (Эту бумагу положи в рот и держи, молитву ишана Джагфара) послужила притча, согласно которой, ишан Джагфар на жалобу женщины на ругающегося мужа дал ей листок с молитвой, завернутый в кожу, который она должна была положить в рот, как только муж начинал шуметь, в следствии чего спор не разгорался. Данная пословица должна была бы употребляться для удержания человека от ответной реакции, однако в следствии неверного толкования вошла в обиход с совершенно противоположным значением: данной паремией характеризуют людей, не желающих выполнять порученное им дело [5].

Заметный след в русском и татарском языках оставило монголо-татарское нашествие (1227–1255 г.г.). Свидетельством чего являются фразеологизмы, пословицы и поговорки с антропонимами *Батый* и *Мамай*. В русском народном творчестве имя *Мамай* лишено историчности и бытует с нарицательным значением «враг» вообще или «чудовище» вне связи с определенной эпохой [1, 57, 48]. Например, в поговорках со значением «враг»: *где Мамай пройдет, там трава не растет*; *пали друзья Мамай — падет и Мамай*; со значением

«чудовище»: *И Мамай правды не съел* [I, 61, 71]. Однако в фразеологизмах они не имеют данного значения, а в некоторых из них сохраняют связь со своим денотатом. Например, русск. *Мамаево нашествие* — неожиданное появление многочисленных и неприятных гостей, посетителей; тат. Амайдагы, Мамайдагы (во времена Амая и Мамая) — дела давних лет; *Чыңгыз хан чирүе кебек* (как войско Чингиз хана) — о многочисленности людей.

Личное имя из-за глубокого проникновения в народную речь в паремиях обозначает нарицательное понятие. Ср.: *делать батееву дорогу* диал. — просыпать, полить что-либо полосой, дорожкой, *Батыев путь* диал. — Млечный путь, *выйти по батеевой дороге* диал. — ориентируясь на Млечный путь, *Батыева дорога, Батыева тропа* — тропа, ведущая к граду Китежу [I, 61, 30]. Русский народ помнит своих героев: *Стенька Разин на ковре летал и по воде плавал; Не Стенька: на ковре по волге не поплывешь; Ведь я не Пугач: хоть царем скажись, не поверят*. Таким образом, антропонимы, за которыми стоит историческая личность, в диалектных фразеологических единицах и паремиях теряют связь со своим денотатом и приобретают нарицательное значение.

Итак, сопоставляемые паремии могут иметь как прямое, так и переносное значение. От имени в составе паремии во многом зависит значение пословиц. В русских, английских и татарских паремиях личное имя выполняет характеристическую и местоименно-указательную функции. В русских и татарских паремиях личное имя несет и информативную функцию. В остальных случаях имя берется произвольно, не подвергаясь полной семантической трансформации.

Список литературы

1. Дарзаманова Г.З. Роль компонента антропонима в формировании семантики русских, татарских и английских фразеологических единиц. - Казанская наука. - 2021. - №6. - С.94.
2. Дарзаманова Г.З. Личное имя как национально-культурный компонент в составе русских, татарских, и английских пословиц и поговорок. — Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. - 2015. -№4. - С. 125.
3. Дарзаманова Р.З. Особенности познания иных культур на примере произведений швейцарского писателя и публициста Хуго Лёчера. - Казанская наука. - 2018. - №6. - С.18.
4. Кондратьева Т.Н. История фразеологизмов с собственными именами // Фразеология и синтаксис. — Казань: Изд-во КазГУ, 1982. — С. 47.
5. Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре.- Казан: Татар китап нәшрияты, 1959. - Т. 2. - Б. 251.

10.02.19

Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево МО, ayakafedra@ggtu.ru

АББРЕВИАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЯ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу словообразовательного потенциала аббревиатур и сокращений в современном английском языке. Авторы подробно анализируют типы аббревиатур и сокращений, что позволяет утверждать, что рассматриваемые способы словообразования частотны и актуальны как в устной, так и в письменной речи.

Ключевые слова: сокращение, аббревиация, типология, английский язык.

В настоящее время одним из наиболее продуктивных способов расширения словарного запаса большинства языков, в том числе английского, являются аббревиация и сокращения, которые имеют весомое преимущество перед другими приемами словообразования и представляет собой сложное, многогранное явление, охватывающее все области человеческих знаний, связанных с появлением новых сложных денотатов, для обозначения которых требуются особые словосочетания или сложные слова.

Функция аббревиатуры в коммуникативном процессе состоит в более экономном выражении мыслей и устранении избыточной для реципиента информации.

Преимущество аббревиатуры заключается в том, что в ней информация передается меньшим количеством символов, поэтому «емкость» каждого символа значительно больше, чем в соответствующих начальных единицах, что дает основание рассматривать аббревиацию как один из типов оптимизации речевого сообщения.

Актуальность аббревиатуры определяется необходимостью называть вновь появившиеся понятия или объекты, а ее пригодность заключается в создании чрезвычайно экономичных и семантически объемных номинативных единиц [4].

Аббревиация (лат. brevis – краткий) – образование новых слов путем сокращения (усечения) основы. В этом случае неморфемное сокращение слов и фиксированный порядок компонентов действуют как производные форманты. Результатом этого метода словообразования являются слова, образованные с неполной сокращенной основой (или основами), называемые аббревиатурами [1, с. 25].

Ученые-лингвисты подразделяют аббревиатуры на простые и сложные.

Простые аббревиатуры образуются путем отбрасывания конечного или начального слогов основы. Например: caps (capital letters); demo (demonstration).

Сложные аббревиатуры (сложносокращенные слова) образуются в результате действия аббревиации и основосложения и состоят из начальных букв или слогов и основ или их комбинации с полными основами. Например:

Cnd (campaign for nuclear disarmament); Pa system (public address system).

Сложные аббревиатуры, в свою очередь, делятся на два типа: графические и лексические. **Графическая аббревиатура** – это использование символа вместо слов или словосочетаний в письменной форме (статьи, письма, реклама): F.O. – Foreign Office; K.C. – King's Counsel; O.D. – Officer of the Day; I.Q. – Intelligence quotient; BC – birth certificate. Графические аббревиатуры могут представлять начальные буквы основ и слов, первую и последнюю буквы слова или комбинацию согласных звуков. Например: Gen. (general); Ky (Kentucky); Rkt (rocket); Gvt (government).

Многие графические аббревиатуры являются сокращениями латинских слов: e.g. (exempli gratia), i.d. (id est).

Некоторые группы графических аббревиатур, имеют также свою полную форму как в письменном, так и в устном выражении названий: дней недели: Mon – Monday; Tue – Tuesday, etc.; месяцев: Apr – April, Aug – August, etc.; графств Великобритании: Yorks – Yorkshire, Berks – Berkshire, etc.; штатов в США: Ala – Alabama, Alas – Alaska, etc.; в обращениях: Mr, Mrs, Ms, Dr., etc.; в воинских званиях: cap. – captain, col. – colonel, etc.; в ученых званиях: B.A. – Bachelor of Arts, Ph.D. – Doctor of Philology, etc.

Лексические аббревиатуры образуются при сокращении и сложении первых букв слов, входящих в выражение, и соответствуют сложносокращенным словам в русском языке. Существует несколько типов лексической аббревиации: звуковые, буквенные, слоговые, слогословные, смешанные, телескопические.

Звуковые состоят только из начальных звуков каждого слова словосочетания и читаются как обычные слова: NATO (North Atlantic Treaty Organization); COVID 19 (Corona Virus disease).

Буквенные включают названия начальных букв каждого слова данного словосочетания и читаются как отдельные буквы: B.B.C. (British Broadcasting Corporation); O.U. (Oxford University); QR (Quick Response).

Слоговые объединяют элементы сокращенных слов, похожих на слог: Brexit (Britain's exit); delline (delete line).

Слоговые объединяют целое слово и сокращенный элемент: getpass (get password).

Смешанные объединяют сокращенные элементы разных типов: fdisk (format disk); Xmas (Christmas).

Телескопические аббревиатуры объединяют начало одного слова и конец другого: Europlug (European + plug); faction (fact + fiction).

Телескопические номинации, как и составные слова, отражают тенденцию к универсализации и рационализации языка и демонстрируют разную степень фрагментации и мотивации в тех стилях вербального общения, где особенно заметно стремление к быстрому изложению [3, с. 155].

Современный английский язык вынужденно пришел к созданию аббревиации нового типа частично сокращенных слов: M-day – mobilization day; B-day – birthday; W-day – wedding day.

В последние годы усилилась тенденция к лексикализации аббревиатур и появлению качественно нового способа аббревиации – омоакронимии, которая представляет собой явление полного совпадения сокращенных единиц по своей звуковой и графической форме с общеупотребительными словами [2, с. 90].

В начале XXI века значительно расширились не только сферы употребления, но и функции аббревиатур, а также сложилась тенденция перехода аббревиатур из группы стилистически обозначенных языковых средств к общепринятым.

Под влиянием аббревиатуры возникает другой способ неаффиксального словообразования – сокращение производящей основы по методу аббревиации, т.е. независимо от границы морфемы.

В отличие от аббревиатур, которые по праву считаются самостоятельными словами, сокращения не произносятся, а полностью расшифровываются и используются как независимые полноправные лексические единицы для различных коммуникативных целей современного английского языка.

Сокращения делятся на два типа. **Письменные сокращения** являются результатом графических сокращений, используемых в книгах, письмах, рекламных объявлениях. **Сокращения, используемые в устной речи**, – это особое явление, когда часть слова выходит за пределы целого. К примеру: gent (gentleman); vac. (vacation); co-ed (a girl at coeducational school or college).

Лексические сокращения в устной речи разделяются на два типа: лексическая аббревиация (lexical abbreviation) и срезанная аббревиация (clippings). **Лексические сокращения** включает в себя сложносокращенные слова, сокращения и соединения: NATO, TV, UFO, NASA, RAF. **«Традиционные» сокращения** (clippings) – обрезание одного или нескольких слогов слова. В большинстве случаев ударный слог остается в слове, например: Jap (Japanese); doc (doctor or document), etc.

Но существуют сокращения, которые, являясь омонимами, т.е. имея одну и ту же буквенную форму, имеют разные значения: t – target, telephone, ton, time; E – English, east, enemy, energy, engineer. Поэтому, для того чтобы понять, о чем идет речь, получатель информации должен ориентироваться в тексте сообщения.

Типы **«традиционных» сокращений (clippings)** делятся на несколько групп в зависимости от части слова, которую можно сократить [3, с. 50]:

1. **апокопа** (apocope) – слова, сокращенные в конце: ad (advertisement); expo (exposition); intro (introduction); uni (university), etc.;
2. **афферезис** (aphaeresis) – слова, сокращенные в начале: car (motor-car); phone (telephone); versity (university), etc.;
3. **синкопа** (syncope) – слова, слоги или звуки которых сокращены с середины: maths (mathematics); specs (spectacles); mart (market), etc.;
4. слова, которые сокращены в начале и в конце слова: tec (detective); fridge (refrigerator); van (a vanguard), etc.

Существуют некоторые особенности лексических и «традиционных» сокращений. Если сокращения выполняют синтаксическую функцию подлежащего или дополнения в предложении, они приобретают грамматические окончания множественного числа: exams; MPs; Lib.Dems; имеют родительный падеж: B. of E. (Bank of England); MP's, etc.

Подводя итог, скажем, что главная цель появления и использования аббревиатур и сокращений – это экономия языковых усилий как в устной речи, так и на письме. Аббревиатуры и сокращения способствуют минимизации речевых усилий, языковых ресурсов и времени и наиболее широко распространены в политической, экономической, военной сферах, а также в сфере компьютерных технологий, в печати и являются одним из продуктивных средств словообразования английского языка на современном этапе.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 608 с.
2. Кириллова А.В., Меренкова Д.Е., Шурупова М.В. Явление омоакронимии в современном английском языке // Казанская наука. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2017. – №11. – С. 90–92.
3. Мешков О.Д. Словосложение в современном английском языке. – М.: Высшая школа, 1985. – 187 с.
4. Мустафинова Э.Р. Аббревиация в русском языке: когнитивный аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2001. – 20 с.

10.02.19

Л.В. Кузнецова

Иркутский государственный университет,
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации,
кафедра английской филологии,
Иркутск, larisa.kuzneczova@mail.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются особенности дискурсивного конструирования будущего мира в прагматической ситуации принятия решения в парламентском дискурсе. Доказывается, что в качестве когнитивной основы данного процесса выступает трансфер знаний. Делается вывод, что ключевую роль в реализации принятия решения играет дискурсивное сообщество решающих.

Ключевые слова: *дискурсивное конструирование, принятие решения, прагматическая ситуация, трансфер знаний, дискурсивное сообщество.*

Конструирующее поведение человека было еще отмечено в теории социального конструкционизма, из которого берет свое начало теория дискурсивного конструирования. С позиции данного подхода повседневная социальная реальность, в которой мы живем, представляет собой не что иное, как объективацию отдельно взятых субъективных смыслов. Это происходит посредством языка при непосредственном общении людей друг с другом здесь и сейчас, лицом-к-лицу [2, 7]. Интерессубъективный мир, который создаётся в мыслях и действиях людей, переживается ими в качестве реального, становится действительностью, реальностью в процессе их повседневной коммуникации. Однако П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают институционализацию привычных действий для нас, а также типизацию институциональных ролей в объективации социальной реальности, так как человек является ещё и носителем особого профессионального знания. [2, 79].

Понятие дискурсивного конструирования мира было разработано С.Н. Плотниковой в качестве определения дискурсивной деятельности, сопровождающей постоянное социальное конструирование бытия. Согласно С.Н. Плотниковой настоящее формируется здесь и сейчас при непосредственном взаимодействии говорящих или пишущих. Однако дискурсивное конструирование может относиться и к будущему миру. Это планирование фактуальности мира в будущем: сначала социальная действительность осмысливается, проговаривается, и только после этого объективируется [5, 78].

На наш взгляд, конструирование прагматической ситуации принятия решения представляет собой когнитивно-дискурсивную деятельность человека, которая основана на взаимодействии когниции и коммуникации. Данная деятельность соотносится, прежде всего, с его интерпретирующей способностью, активностью процесса познания мира, осмысления накопленных знаний об объектах и ситуациях в мире [3, 11].

Цель данной статьи – доказать, что конструирование прагматической ситуации принятия решения в парламентском дискурсе осуществляется дискурсивным сообществом решающих по принципу трансфера знаний в процессе дискурсивизации, когда уже выработанное индивидуальной когницией знание передается другим.

Необходимо отметить, что основная деятельность представителей политических институтов, каким является парламент, связана с законотворчеством, а введение новых законов влечет за собой изменение социального порядка, создание нового положения вещей в мире. Поэтому принятие новых законов можно назвать конструирующей деятельностью, т.е. дискурсивным созданием нового мира, который начинает воплощаться в практической

данности, когда один из вариантов законопроекта будет одобрен большинством. В парламентском дискурсе группа политиков нацелена на конструирование новой будущей реальности для всей страны, которая в большей степени будет отвечать требованиям времени. Каким будет этот новый мир, зависит от коллективного решения, а оно, в свою очередь, зависит от личного вклада каждого из участников в понимание проблемы, осмысления того, как сконструировать лучший мир для себя и для других.

Обратимся к примеру и рассмотрим, каким образом осуществляется когнитивно-дискурсивный процесс конструирования прагматической ситуации принятия решения в отношении законопроекта о реформе сельскохозяйственной политики Великобритании после выхода из Европейского союза (the Agriculture Bill), заседание от 3 февраля 2020 г. [8].

Конструирование данного типа ситуации начинается с постановки проблемы относительно сельскохозяйственной реформы страны – настоящее положение дел в сфере сельского хозяйства наносит огромный вред окружающей среде и фермерству страны (*the CAP is a bad deal for farmers, a bad deal for landscapes and wildlife*). Дальнейшее включение участников в обсуждение поставленной проблемы ведет к вербализации возможных вариантов ее решения: оставить существующее положение вещей или же провести реформу сельского хозяйства, и таким образом, отказаться от общей сельскохозяйственной политики ЕС. Когда сформулированы оба варианта решения, происходит фиксация проблемного типа ситуации, которая становится прагматической [1], в частности, прагматической ситуацией принятия решения, так как всех участников объединяет общая прагматическая целеустановка – принять решение, т.е. изменить мир или остаться в старом мире.

Мы придерживаемся определения понятия проблемы, требующей решения (decision problem) Д. Канемана и А. Тверски, которые предлагают когнитивную модель решения проблемных ситуаций. Решение осуществляется при наличии двух противоположных опций (options), вариантов, из которых принимающий решение человек (decision maker), должен выбрать один, проанализировав возможные результаты или последствия каждого из них [6]. Мы рассматриваем обсуждение законопроектов и принятие новых законов в парламентском дискурсе как выбор из двух противоречащих друг другу вариантов решения. Именно в процессе ежедневного обсуждения политических и социальных проблем политики дискурсивно конструируют будущий мир в борьбе за один из вариантов решения. Дискурсивное сообщество решающих предлагает два типа будущего мира: мир, в котором есть место экологически рациональному ведению сельского хозяйства (*we can finally leave the common agricultural policy, to build a brighter, better, greener future for British farming*), и мир, в котором проблемы экологии решаться не будут (*I am shocked that, in tabling a reasoned amendment, they have signified their intention to vote against this Bill*).

Субъективное осмысление проблемы – это результат индивидуальной когниции, которое постепенно перерастает в коллективное знание, поскольку решение проблемы обусловлено непосредственной зависимостью от коллективного принятия решения парламентариями. Таким образом, все участники включаются в конструирование мира; они вербализуют свое личное осмысление того, каким должен стать будущий мир. Главным принципом, объединяющим всех участников в единое когнитивное сообщество, выступает трансфер знаний, под которым понимается «передача от человека к человеку не только практических и теоретических сведений, но и навыков, установок, предпочтений» [4, 87]. Трансфер знаний зависит от интерпретирующей деятельности человека, от его способности познавать и осваивать знания об окружающей действительности. В дискурсивном конструировании прагматической ситуации принятия решения трансфер знаний играет роль когнитивного механизма, передающего уже выработанное знание одного из участников другому посредством дискурсивизации, что позволяет такому знанию накапливаться, седиментироваться в коллективном.

Как показывает анализ, в процессе дискурсивного конструирования будущего мира осуществляется его аксиологический мониторинг, в результате которого происходит перенос общественных ценностей в конкретные задачи, требующие решения. Например, новый мир оценивается участниками как возможность обеспечить, гарантировать решение важных экологических задач (*help to secure crucial environmental goals*), принести пользу, выгоду не только отдельно взятым отраслям, но и всему обществу (*the Bill provides the framework for funding schemes to support farmers, foresters and land managers; the Bill will empower the Government to devote public money towards securing the public goods that people value so much*). Таким образом, ценностные ориентиры актуализируются в процессе дискурсивизации; они становятся основными причинами, которые направляют дискурсивную деятельность решающих к практическим действиям. Так, обращаясь к коллективному адресату в форме речевого акта ассертива, говорящий призывает всех участников поддержать законопроект (*I commend the Bill to the House*), тем самым призывает сконструировать новое будущее, которое начнет воплощаться в практической действительности после того, как законопроект будет принят коллективным решающим.

Итак, конструирование прагматической ситуации принятия решения в парламентском дискурсе осуществляется посредством трансфера знаний через интерпретирующую активность решающих, благодаря чему формируются аксиологически значимые ориентиры, направляющие дискурсивное сообщество решающих к выбору одного из двух вариантов решения.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. О стыде и стуже // Вопросы языкознания. 1997. № 2. – С. 59-76.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман: Пер. с англ. яз. Е. Руткевич. – М : Медиум, 1995. – 323 с.
3. Болдырев Н.Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник ТГУ, 2011. Вып. 1 (93). – С. 9-16.
4. Демьянков В.З. Когнитивные техники трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. – С. 29-32.
5. Плотникова С.Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. – М. : Гнозис, 2006. – С. 66-81.
6. Kahneman D. The Framing of decisions and the psychology of choice / D. Kahneman, A. Tversky // *Science, New Series*. 1981. Vol. 211. № 4481. P. 453-458.
7. Potter J. Representing Reality. Discourse, Rhetoric and Social Construction. – London: Sage, 1996. – 253 p.
8. *House of Commons Hansard archives*. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2020-02-03/debates/CD69351D-4AAC-4DAF-AF3F-911152D8C582/AgricultureBill> (дата обращения: 10.06.2021).

10.02.19

О.В. Кумуржи

Кубанский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка как иностранного,
Краснодар, translate_ok@yahoo.gr

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ФОНЕТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РУССКОГО И НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКОВ

Данное исследование посвящено одной из актуальных проблем, существующих в современном языкознании и методике преподавания русского языка как иностранного, функциональному описанию и сопоставлению сходств и различий фонетического дискурса русского и новогреческого языков. Существенное внимание уделено изучению трудностей в освоении русской фонетической системы грекоговорящими; представлены приёмы формирования фонетических произносительных норм на занятиях по русскому языку как иностранному с учётом национально-ориентированного подхода, намечены перспективы исследования, связанные с необходимостью дальнейшей разработки вопросов типологического сопоставления фонетического дискурса русского и новогреческого языков на современном этапе их функционирования и активного использования результатов данного анализа в практике преподавания русского языка грекоговорящим обучающимся.

Ключевые слова: *дискурс, фонетическая речевая культура, лингводидактика, русский язык как иностранный.*

В современной лингвистике весьма актуален комплексный анализ вопросов типологического сопоставления фонетики русского и новогреческого языков на исследуемом этапе их развития и описание их функционирования с учетом базовых теоретических положений национально-ориентированной методики преподавания русского языка как иностранного.

Речевая коммуникация представляет собой особый вид взаимодействия людей, который связан с передачей разнообразной информации, а также с восприятием и пониманием говорящими друг друга. Правильное произнесение слов и готовность к общению позволяют успешно осуществить речевое взаимодействие с носителями русского языка. Одной из главных трудностей при изучении русского языка как иностранного грекоговорящими является овладение правильным произношением.

Опираясь на опыт, следует отметить, что обучающиеся, не овладевшие вводно-фонетическим курсом, бессознательно переносят систему действующих правил, программу речевого поведения, закреплённую в родном языке, на изучаемый. Особенно ярко типологические и специфические характеристики звукового строя родного языка обучающихся и изучаемого языка проявляются в фонетической интерференции. Причиной данных ошибок в большинстве случаев являются различия между фонетическими системами двух языков. Как правило, обучающиеся путают звуки, неправильно воспринимают звуки на слух и пишут слова, так как не могут отличить один звук от другого и, соответственно, не различают слова в потоке речи. Их мозг не имеет опыта восприятия и правильного воспроизведения звуков русского языка, поэтому обучающиеся неосознанно подменяют незнакомый звук близким по звучанию звуком родного языка, что значительно затрудняет усвоение изучаемой фонетической системы. Такую особенность усвоения звуков изучаемого языка отмечал еще Л. В. Щерба: «Необходимо, прежде всего, понять, что особые трудности кроются даже не в тех звуках, которым нет аналогичных в родном языке учащихся, а как раз в тех, для которых в этом последнем имеются сходные звуки» [3, с. 128]. Следовательно, в

центре внимания должны быть те фонетические явления, которые связаны со спецификой артикуляционной базы изучаемого языка по сравнению с родным, а именно звуки русского языка, схожие со звуками родного языка, а также звуки, не существующие в родном языке. Преподавателю следует прогнозировать появление фонетических ошибок и предупреждать их. Существует ряд пособий по обучению фонетике русского языка как иностранного, которые целесообразно применять во вводно-фонетическом курсе и в сопроводительном курсе по фонетике с целью обучения грамотной речевой деятельности на русском языке. При введении и отработке звуков важно правильно демонстрировать русскую артикуляционную базу. Артикуляция звуков синхронно контролируется слуховым восприятием. Русскую артикуляционную базу характеризуют совокупность звуков данного языка, сосредоточенность звуков в определённых зонах, способность речевого аппарата переключаться с одного типа артикуляции на другой.

При постановке правильной артикуляции звуков русского языка в грекоговорящей аудитории необходимо учитывать следующие факторы:

1) согласные сосредоточены в трёх зонах артикуляции: губной, переднеязычной, заднеязычной (не имеется глоточных, гортанных, задненёбных, поэтому следует чётко различать работу кончика языка: у нижних зубов, на верхних альвеолах, над зубами);

2) артикуляционная база характеризуется дорсальным укладом языка, то есть большинство согласных звуков образуются при опущенном к нижним зубам кончике языка;

3) речевой аппарат легко переключается с заднеязычной артикуляции на переднеязычную, при этом сдвигов в артикуляции не происходит, например: [ткан'и];

4) некоторые твёрдые согласные имеют Ы-образную окраску, т.к. при их произнесении язык оттянут назад, например: как [к^к];

5) все мягкие согласные имеют И-образную окраску, т.к. при их произнесении средняя часть спинки языка поднимается вверх и продвигается вперёд, например: [п'ат'];

6) в русском речевом аппарате хорошо развита способность переключаться с артикуляции мягких согласных на твёрдые и наоборот;

7) в русском речевом аппарате развита способность переключаться с артикуляции звонких согласных на артикуляцию глухих и наоборот;

8) гласные в русском языке не различаются по долготе и краткости как фонологическому признаку;

9) все безударные гласные, как правило, произносятся кратко и слабо, поэтому имеют много вариантов произношения.

В связи с этим следует отметить, что при произнесении русских слов трудность для грекоговорящей аудитории составляет контраст ударных и безударных гласных и явление твёрдости и мягкости согласных.

При введении и закреплении звуков русского языка в национально-ориентированной аудитории, в частности в грекоговорящей, целесообразно сопоставлять артикуляцию похожих звуков в родном и изучаемом языках. В данном случае сопоставимыми являются положения органов речи: раствор ротовой полости, движение языка вперёд и назад, сила и характер воздушной струи, энергия произнесения звука, активность отдельных органов речи. Очень важно научить обучающегося управлять своими речевыми органами, а именно ощущать разницу при произнесении звуков. С этой целью в обучении используется артикуляционная гимнастика.

Следовательно, на уроках русского языка необходимо проводить обучение фонетике с целью формирования звуковой культуры речи. Фонетические навыки предполагают правильное произношение, соответствующее нормам современного русского языка, то есть правильную артикуляцию звуков, точное ударение в словах и корректное интонационное воспроизведение текста. Также важно выделить наиболее трудные для греческих обучающихся особенности русской фонетической системы, определить характер имеющихся трудностей, выбрать оптимальную последовательность изучения фонетического материала и методически грамотно выстроить систему упражнений [4, с. 137].

При обучении фонетике необходимо учитывать различные виды фонетических курсов: вводно-фонетический, корректировочный, сопроводительный. Каждый из них имеет свои цели и задачи, соответствующее лексическое и грамматическое наполнение, требует определённой системы упражнений и форм контроля. Не менее актуальными является также организация и представление материала с учетом особенностей национально-ориентированной методики. В рамках такого подхода при работе над фонетическим материалом предварительная подготовка будет заключаться в отборе фонетического материала, соответствующего уровню лексико-грамматической базы изучаемого русского языка [1; 2, 5]., в сравнительно-сопоставительном анализе фонетических систем русского и новогреческого языков, в закреплении и проверке правильности фонетического материала на последующих занятиях и (при необходимости) в коррекции фонетических ошибок при помощи специальных заданий. Следует также принять во внимание тот факт, что фонетика является необходимым компонентом каждого занятия по русскому языку как иностранному вне зависимости от уровня изучения языка и контроль сформированности фонетических навыков необходимо осуществлять в процессе решения коммуникативных задач. Наличие в русском языке более ста модуляций интонации даёт возможность их демонстрации в коммуникативных ситуациях всех уровней по русскому языку как иностранному, начиная со стандартных интонационных конструкций.

Таким образом, продуктивность использования различных методов обучения фонетике во многом зависит от их детальной адаптации для определенного этапа обучения, исследования ряда задач, связанных с базовым уровнем подготовки обучающихся.

Список литературы

1. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить. М., 2003.
2. Замковая Н., Моисеенко И. Инновационные формы работы на уроке русского языка как иностранного. Таллин, 2006.
3. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
4. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе: Общие вопросы методики. М., 2002.
5. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов. М., 2003

*10.02.19***К.М. Миннуллин д-р филол. наук, И.И. Сабитова канд. филол. наук**

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ,
отдел лексикографии,
Казань, minnullin.kim@yandex.ru, Sabitova_1965@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОМАТИЗМОВ В ТАТАРСКИХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

В статье исследуются функциональные особенности соматизмов, зафиксированных в татарском лирическом песенном тексте. Выявлена частотность, рассмотрены переносные, контекстуальные значения отдельных названий частей тела. По мнению авторов, основной функцией соматических единиц в татарских лирических песнях является передача эмоций и чувств. Отмечается универсальность лексики “баш” ‘голова’ в трансляции эмоционально-чувственного мира человека.

Ключевые слова: *соматизм, лирические песни, татарский язык.*

Язык фольклора – одна из самых активных областей в современной лингвистике. Татарская лингвофольклористика сегодня представляет собой развивающуюся область науки. Исследования ведутся в двух направлениях: разноаспектное изучение фольклорного слова (выявляется лексический состав произведений устного народного творчества, определяются семантические, морфологические характеристики слова); составление словарей [3]. Наиболее изученным является язык поговорок. К одним из первых работ в татарской лингвофольклористике относится труд К.Миннуллина “Һәр чорның үз жыры” (2003), где анализируется лексический состав татарских песен. Автор обращает внимание на важность выявления наиболее частотных лексем в песнях и жанрово закреплённых тематических групп [4, с. 369]. Внимания заслуживают результаты исследования, которые показывают наибольшую частотность слов, участвующих в создании образности, системы художественного своеобразия [4, с. 369]. Автором изучаются такие тематические группы, как «лексика родства», «флоры и фауны», «одежда и украшения», «названия частей тела» и др. [4, с. 280-360].

Соматическая лексика татарского языка подвергнута многоаспектным исследованиям: изучается этимология, семантика, диалектные соматизмы [5], участие в образовании фразеологических единиц; выявляется словообразовательный потенциал [6; 11]. Вместе с тем актуальным является более полное изучение соматизмов в фольклорных текстах с уточнением значений, выявлением семантических трансформаций, особенностей синтагматических и парадигматических связей, функциональной нагрузки. В предлагаемой статье впервые в татарском языке рассматривается характер функционирования соматизмов в тексте лирических песен, устанавливаются некоторые штрихи этнического портрета, дополняется семантическая характеристика отдельных слов. Материалом послужила соматическая лексика, выявленная методом сплошной выборки из татарских народных лирических песен, зафиксированных в сборнике “Татар халык ыжаты. Тарихи һәм лирик жырлар” [10].

Соматизмы являются одним из наиболее популярных лексических единиц в текстах песен, что связано с объектом изображения – человеком. Как показывает количественный анализ соматизмов, зафиксированных в старинных лирических песнях, к высокочастотным относятся такие единицы, как *йөрәк* ‘сердце’, *күз* ‘глаз’, *баш* ‘голова’, *йөз* ‘лицо’, *эч* ‘живот, брюхо’; к лексемам средней частотности – *күкрәк* ‘грудь’, *кул* ‘рука’ единицы; к низкочастотным – *колак* ‘ухо’, *тел* ‘язык’, *чәч / сач* ‘волосы’, *керфек* ‘ресница’, *каш* ‘бровь’, *авыз / агыз / ауз* ‘рот’, *маңгай* ‘лоб’, *муен* ‘шея’, *арка* ‘спина’ и др. Интересным является тот факт, что в русской лирической песне названия *голова, сердце, рука, волосы* также

высокочастотны [1, с. 142], что, на наш взгляд, свидетельствует о сходстве отображения человека, его духовного мира в разных культурах.

Большинство соматизмов в татарском языке многозначны. Например, в толковых словарях у сомонима *баиш* 'голова' зафиксировано 30 значений [7, с. 459-461], у сомонима *йөз* 'лицо' – 8 [8, с. 760-761], у планхнонима *йөрәк* 'сердце' – 9 [8, с. 770], у сомонима *кул* 'рука' – 19 [9, с. 481-482], сенсонима *куз* 'глаз' 22 [9, с. 528-529]. В прямом значении они служат, как правило, для описания внешности человека и отражают своеобразное видение адресата: *Ак пирчәткә – кызлар булгә, Кызлар аузы – йөзем җилгә* 'Перчатки белые – подарок девушки, Губы девичьи, словно изюм', *Авызың да уймак, тешен энҗе, Телен да оҗмах ачкычы* 'Рот твой, словно напёрсток, зубы – жемчуг, Язык, словно ключ от рая'. В целом же, для текстов лирических песен характерно широкое функционирование соматизмов в переносных значениях. Например, название *күкрәк* 'грудь' имеет семантику «душа»: *Бакмагызчы минем шат йөземә, и дусларым, Күкрәкләрдә хәсрәт, күздә яшь* 'Друзья мои, не смотрите на мое радостное лицо, печаль в груди, слёзы в глазах'. Сомоним *кул* 'рука' функционирует в значении «быть в чьей-то власти»: *Тарырсыңмы икән кулларыма, Зөһрәдәй матур җан сөйгән?* 'В руки мои попадёшь ли когда-нибудь, Любимая моя, такая красивая как Зухра?'.

Общеизвестно, что попадая в фольклорный текст, слово может приобретать новые оттенки значений. Так, лексема *баиш* 'голова' в контексте получает новое значение «(быть) в распоряжении»: *Ул чын җимешләргә гел бетмәсен, Башыгыздан дәүләт китмәсен* 'Да не иссякнут эти яства, Да не покинет вас благоденствие' (букв. Пусть никогда не закончатся эти фрукты, Пусть не уходит с вашей головы богатство). Как показывает анализ текстов, *голова* воспринимается в качестве одного из важнейших органов человеческого тела. Она мыслится как символ жизни и здоровья: *Кара кашым, асыл ташым, Исән үк булсын, кайтыр ла башым* 'Чернобровая моя, драгоценная моя, Вернусь, была бы голова цела', *Маллар кыйбат түгел, баиш кыйбат* 'Не богатство дорого, жизнь (букв. голова) дорога'. Употребляясь с такими прилагательными, как *газиз* 'дорогой', *кайгылы* 'грустный', *бәхетле* 'счастливый', *моңлы* 'печальный' способствует раскрытию внутреннего мира человека.

Характерная черта названий частей тела – широкое употребление с уменьшительно-ласкательными аффиксами: *йөрәккәем* 'сердечко моё', *йөзкәем* 'личико моё', *башкаем* 'головушка моя', *күзкәйләрем* 'очи мои'.

Вместе с тем соматизмы *йөрәк* 'сердце', *куз* 'глаз', *йөз* 'лицо', *каш* 'бровь', сочетаясь с существительными, прилагательными, выступают в роли своеобразного кода, содержащего информацию о внутреннем мире лирического героя, его отношении к адресату: *йөрәк парәм* (букв. сердца моего часть) 'частица сердца моего', *йөрәк маем* (букв. жир моего сердца) 'отрада сердца моего', *гөл йөзем* (букв. лица моего роза) 'любимая моя с лицом подобным розе', *ике күзем* (букв. оба глаза мои) 'очи мои', *кара күзем* (букв. 'черный глаз мой) 'черноглазая моя', *зәңгәр күзем* (букв. голубой глаз мой) 'голубоглазая моя', *кара кашым* (букв. чёрная бровь моя) 'чернобровая моя', *куз өскәйләремдә кашым* (букв. бровь над глазом моим) 'любимая моя, единственная моя' и т.д.

Как показывает исследование, основная функция соматизмов в текстах лирических песен – передача эмоционального состояния лирического героя. Например, названия частей тела позволяют наиболее гармонично выразить любовные чувства. Наиболее характерными в этом плане являются лексемы *йөрәк* 'сердце', *куз* 'глаз', *йөз* 'лицо', *каш* 'бровь', *чәч* 'волос': *Шәкерт мәдрәсәгә йөридер, Күрсәм, йөрәк маем эридер* 'Шакирд ходит в медресе, Как увижу его, так тает сердечко мое'; *Алып эчтем суның салкынын, Ул да басмый йөрәгем ялкынын* 'Выпил воду самую холодную, И та не утишает сердечного жара'; *Эчем ялкын, тышым салкын, Мәрфуга, Мәрфуга, аппагым, саргайганны кем белсен* 'В душе моей огонь, снаружи холоден я, Кто же узнает, Мәрфуга, что тоскую я'; *Сикерткәләп кашларыңны, Әйләндердең башларыңны* 'Как поведёшь ты бровью, Так закружится моя голова'; *Кемнәрнең ярларын кемнәр сөймәс, Чәчкәйләре чәчкә бәйләнгәч лә* 'Чьих суженых кто не полюбит, Если волосы их между собой переплелись'.

Лексемы *йөрәк* 'сердце', *күз* 'глаз', *баш* 'голова', *йөз* 'лицо', *эч* (букв. живот, брюхо) 'нутро, душа' в татарских лирических песнях выполняют функцию передачи чувства тоски, грусти и печали, в которой выделяются несколько компонентов: тоска по родине, по родной земле (*Безнең дә генә илләр кай тарафта, Алмас та гына идем күземне* 'Ой, в какой же да стороншке наша родина, Не отвёл бы оттуда моих глаз'; *Туган җирем исемә төшсә, Башымнан һушым китә* 'Как вспомню землю родную, Покидает рассудок голову мою'), тоска по родным: (*Якташым юк, юк туганым, Йөрәккәем көн дә өзлә* 'Нет у меня земляка, нет у меня родного человека – Сердечко рвётся каждый день'), тоска по родителям (*Үлмәсә егет үлми икән эче тулы сагышка, И анам, бик сагынам, калды миннән аерылып* 'Раз не умер, так не умрёт молодец от тоски, которой полна душа, Ой мама моя, очень скучаю, от меня осталась вдалеке'), тоска по ребёнку (*Бәбекәем өчен елап, Күрмәс булды күзләрем* 'По дитятку моему столько плакала, что перестали видеть мои глаза'), тоска по любимым (*Туган җирләр калды еракта, Сөйгән ярлар тора йөрәктә* 'Родные края остались вдалеке, Любимые остаются в сердце'; *Син җаныемны уйлый-уйлый, Йөзләремдә нурлар калмады* 'О тебе, любимая, думаячи, Совсем спал я с лица'; *Карасам күземнең нуры кала, Җаныем киткән юлларга* 'Как взгляну на дорогу, по которой ушёл мой душевнышка, так глаз моих свет остаётся там'). По мнению лингвистов, *сагыш* 'тоска' «является важной частью психоэмоциональной сферы человека». К «одним из наиболее частых значений, входящих в концепт «сагыш», относится «ностальгия», тоска по родине, по родной земле, что вполне естественно, принимая во внимание дисперсный характер проживания представителей татарского этноса [2, с. 10].

Соматизмы *баш* 'голова', *күкрәк* 'грудь', *гәүдә* 'тело', *кул* 'рука', *йөрәк* 'сердце' выполняют функцию описания состояний, ассоциируемых с тяжестью работы, что объяснимо, так как физическая работа требует выносливости, силы, определённых навыков: *Маллар эзләп читтә йөри торгач, Каннар савып бетте йөрәккә* 'Пока скитался на чужбине в поисках богатства, Кровью сердце облилось'; *Ниндәй нужаларга дучар булмай Ялчы булган мескен ир башы* 'В какую только беду не попадает Головушка молодца-слуги'; *Аталардан бала яшьли калса, Күкрәк көче белән мал табар* 'Если останется сын рано без отца, На жизнь будет зарабатывать силами своими (букв. силой груди)'; *Чит илләрдә йөргән егетләренең Иленә кайта коры гәүдәсе* 'Молодцев, скитающихся на чужбине, Лишь высохшее тело возвращается на родину'; с нежеланным замужеством: *Ят кулына биргән көннән, әнкәй, Бетте сөйгән кызың ардагы* 'В чужие руки когда отдала ты меня, мамочка моя, С того дня закончилась жизнь в холе дочери твоей любимой'.

Передача тягостного состояния пребывания в новой семье осуществляется с помощью лексем *йөз* 'лицо', *баш* 'голова': *Усал каениш киленен кага, анакаем, Йөзенә сары суксын дип* 'Обижают заловки невестку, матушка моя, Чтобы пожелтело её лицо'; *Кадерле лә иде бу башкаем Эткәй, әнкәй кулында чакта* 'Ой, жила я в холе, Когда была с родителями (букв. голова моя дорога была, когда была в руках отца-матери)'.

В целом соматическая лексика активно функционирует в текстах песен, участвуя в отображении конкретных эмоций и чувств через описание частей тела. Соматизмы особенно активны в трансляции любовных чувств, тоски. Универсальным является сомоним *баш* 'голова', который используется при передаче различных эмоций и чувств.

Список литературы

1. Ван Х. Кодовая функция соматизмов в русской лирической песне // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin), 2019. Вып. 4 (201). – С. 138-149
2. Василова А.Ш. Лингвокультурный концепт «сагыш» (тоска) в татарской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2006. – 22 с.
3. Галиуллин К.Р. Татар фольклоры теле: мәкальләр, канатлы әйтелмәләр, жор сүзләр һәм әйтемнәр: сүзлек. – Казан: ТӘҺСИ, 2018. – 588 б.
4. Миңнуллин К.М. Һәр чорның үз жыры. – Казан: Мәгариф, 2003. – 400 б.
5. Рамазанова Д.Б. Татар телендә кешегә бәйләнешле лексика. – Казан, 2013. – 364 б.
6. Сабитова И.И. Словообразовательный словарь татарского языка: лексика тематической группы “Человек”. – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2015. – 160 с.
7. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 6 томда. – 1 т. (А – В). – Тулыл. һәм төзәт. 2 нче басма. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2020. – 751 б.
8. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 6 томда. – 2 т. (Г – Й). – Тулыл. һәм төзәт. 2 нче басма. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2020. – 783 б.
9. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: III том: К. – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – 744 б.
10. Татар халык ижаты. Тарихи һәм лирик жырлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. – 488 б.
11. Ямалетдинова А.М., Латыпова И.А. Тематический русско-татарский словообразовательный словарь (На материале тематической группы “Человек. Части человеческого тела (организма)”). – Туймазы, 2007. – 119 с.

*10.02.19***А.Л. Мирзагитова, И.Г. Мухаметгалиев, Л.А. Фардетдинова**

Елабужский институт Казанского федерального университета,
кафедра частного и публичного права,
Елабуга, mukhametgaliev57@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ НЕНОРМАТИВНЫХ ЭТНОНИМОВ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ

В данной статье авторами рассматриваются проблемы словесной агрессивности, возникающие в обществе, когда посредством вербальных речевых компонентов нередко причиняются психологические травмы представителям того или иного этноса. В ходе исследования определяются типы вербальной агрессивности, а также затрагиваются вопросы использования ненормативных этнонимов и неформальных топонимов для негативной оценки этнических групп в любом сообществе.

Ключевые слова: ненормативные этнонимы, неформальные топонимы, словесная агрессия, этнические группы, наименования лиц, политическая корректность.

Попытки дать определение понятию «словесная агрессивность», предпринимаются давно. По словам Ю.В.Щербининой, «проблема определения понятия «вербальная агрессивность» заключается, прежде всего, в том, что это явление нельзя считать единственной формой поведения, отражающей только одно намерение. Этот термин используется по отношению к различным речевым действиям, которые могут быть весьма неоднородными по своему замыслу, ситуациям проявления, формам вербального воплощения, интенциональной направленности. Речевая агрессия возникает под влиянием различных побуждений и приобретает разные способы выражения. С одной стороны, вербальная агрессия служит выражением отрицательных эмоций (реакций на внешние и внутренние раздражители окружающей среды) и чувств (особого вида эмоциональных переживаний, отличающихся сравнительной устойчивостью и возникающих на основе высших социальных потребностей человека. С другой стороны, речевая агрессия может возникать и как особое намерение – целенаправленное желание говорящего нанести коммуникативный урон адресату (унизить, оскорбить, высмеять и т.п.) или реализовать таким «запрещенным» способом какие-то свои потребности (самоутверждения, самозащиты, самореализации) [6, с. 9].

В лингвистических исследованиях вербальная агрессивность понимается как форма агрессивности с точки зрения психологической травмы, в основном включающей вербальные компоненты речи, такие как инвективы, оскорбления и т.п. Л.В.Крысин определяет использование ненормативных этнонимов для выражения вербальной агрессивности как черту личности, которая предрасполагает людей нападать на самосознание других людей вместо или в дополнение к их позициям по темам общения [2, с.47].

Более того, в лингвистических исследованиях широко используется классификация вербальной агрессивности, предложенная американским психологом А. Бассом. В 1976 году А. Басс предложил 4 типа вербальной агрессивности: а) активная прямая агрессивность (прямое словесное оскорбление или унижение адресата); б) активная косвенная агрессивность (злонамеренная клевета или распространение сплетен); в) пассивная прямая агрессивность (отказ говорить с адресатом - в этом случае адресант намеренно хранит молчание, чтобы показать свою агрессивность по отношению к адресату: адресат недостоин получить ответ); г) пассивная косвенная агрессивность (отказ давать какие-либо определенные словесные объяснения, выступать в защиту незаслуженно критикуемого человека) [1, с. 29].

Согласно результатам лингвистического исследования, вербальная агрессивность выражается через уровни агрессивности. Существует несколько широко распространенных категорий лексики, используемых в конфликтной ситуации, а именно нецензурные слова в адрес адресата; невыносимые обвинения; любые слова с измененной интонацией, демонстрирующие агрессивные намерения; ложные оценки человека и преувеличенные утверждения о его слабостях; намеренно неприятные слова, выражающие сомнения в интеллектуальных и физических способностях адресата; неправильные сравнения адресата и его родственников с животными и материальными объектами; любые слова, выражающие оценку чувств, вызванных другим человеком; угрозы и проклятия.

Вербальная агрессивность может быть как явной, так и неявной. Явная вербальная агрессивность проявляется очевидным намерением нанести коммуникативный вред адресату, иллокутивная цель говорящего проявляется непосредственно и выражается в явных уничижительных словах.

С другой стороны, скрытая вербальная агрессивность – это систематическое и уничижительное давление на адресата, но без открытого проявления враждебных эмоций. Словесная агрессивность всегда используется с явной целью – оскорбить. Под оскорблением мы подразумеваем любое слово или выражение, содержащее оскорбительную характеристику адресата. При оскорблении коммуникативное давление на личность происходит через некоторое воздействие на сферу ценностей индивида [3, с.154], т. е. с помощью вербального и агрессивного акта оскорбления адресант занимает доминирующее положение.

Намеренное оскорбление – это сознательно направленная вербальная агрессивность; адресант целенаправленно выбирает правильные слова для умаления и выражения явно презрительной оценки. Более того, исследователи много обсуждают причины вербальной агрессивности, среди которых выделяют: враждебность к объекту агрессивности, вызванную группой субъективных, объективных или ситуационных причин; провокационные действия со стороны объекта агрессивности, в том числе агрессивное вербальное поведение; нарушение объектом агрессивности концептуальных и ситуативных норм общения, неприемлемых для коммуникатора; низкий уровень речевой и коммуникативной культуры субъекта высказывания [4, с.128].

Маркеры вербальной агрессивности можно обнаружить на всех уровнях языка: словообразовательном, лексическом, синтаксическом, стилистическом и др. Предполагается, что ненормативные этнонимы и неформальные топонимы могут быть лексическими средствами вербальной агрессивности. Для характеристики этнонимов, используемых для экспрессивной и негативной оценки представителя той или иной этнической группы, в современном национальном языкознании используются различные термины, такие как «этнонимы по прозвищу», «этнические инвективы», «уничижительные этнонимы», «экспрессивные этнонимы», «уничижительные слова», «ксенетнонимы», «ненормативные этнонимы».

Ненормативные этнонимы, в отличие от официальных, всегда имеют только негативную оценку, которая переносится с конкретного человека на весь этнос. Ненормативные этнонимы относятся к инвективному языку. Более того, некоторые исследователи классифицируют их как национальные инвективы, что прямо указывает на их функцию в речи: инвектива – это способ существования вербальной агрессивности, воспринимаемой в данной социальной группе или подгруппе как резкая или табуированная. [5, с.101].

Таким образом, ненормативные этнонимы представляют собой «одно из средств разжигания национальной ненависти».

Как мы видим, вербальная агрессивность в общении была изучена для понимания причин агрессивного поведения и получения контроля над происходящими событиями. Считается, что вербальная агрессивность в основном является деструктивной формой общения, которая оказывает негативное влияние на отношения. Однако первостепенной задачей для современных лингвистов, социологов, юристов и специалистов в области коммуникации

является разработка механизмов взаимодействия в ситуациях конфликтного общения и поиск конструктивного решения коммуникативных задач.

Принимая во внимание результаты данного исследования, отметим, что ненормативные этнонимы и неформальные топонимы как лексические средства вербальной агрессивности широко используются в инвективной конфликтной коммуникации. Именно поэтому изучение проблем языковой толерантности в условиях современного глобального мира, когда межкультурное общение становится не только необходимостью, но и образом жизни, имеет теоретическое и практическое значение. Подводя итоги, мы делаем вывод, что подобные исследования помогают совершенствовать методики преодоления вербальной агрессивности и технологии эффективного речевого общения.

Список литературы

1. *Басс А.* Психология Агрессии. – СПб: Питер, 2001. – 204 с.
2. *Крысин Л.П.* Ненормативные этнонимы: проблема словарного описания// Экология языка и коммуникативная практика. 2015. - № 1. – С.46-56.
3. *Поляков А.С.* Некоторые вопросы терминологического обозначения ненормативных этнонимов// Ученые записки Орловского государственного университета. – 2016. - №2 (71). – С.153-160.
4. *Стернин И.А.* Социально-нормативный компонент в структуре значения слова/ И.А.Стернин, Е.А.Маклакова// Политическая лингвистика. – 2013. - №3 (45). – С. 127-132.
5. *Файзуллина А.Г.* Инвективы - композиты как вид агрессивного дискурса в разноструктурных языках// Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки .— 2008 .— №2 .— С. 99-105.
6. *Щербинина Ю.В.* Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления: учеб.пособие. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта, 2018. – 224 с.

10.02.19

¹Г.А. Натуральнова канд. филол. наук, ¹С.В. Богдашкина канд. филол. наук,
¹С.Н. Маскаева канд. филол. наук, ²Т.А. Кабаева

¹Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева,
филологический факультет,
кафедра родного языка и литературы,
Саранск, mitjunina@mail.ru, svjatok@mail.ru, maskaeva77@rambler.ru,
²Западный комплекс непрерывного образования,
Москва, 20km@mail.ru

ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ ШОКШАНСКИХ ГОВОРОВ

В статье обосновывается необходимость создания «Словаря шокшанского диалекта эрзянского языка», который представляет несомненный интерес для диалектологии мордовских языков. Словарь содержит лексику современных шокшанских говоров Теньгушевского района Республики Мордовия со всеми ее специфическими особенностями.

Ключевые слова: диалектный словарь, шокшанский диалект, фонетический диалектизм, словообразовательный диалектизм, лексический диалектизм, этнографизм, заимствование.

До настоящего времени не только в современном мордовском языкознании, но и в культурологии, этнографии, истории мордовского края понятия «шокша», «шокшанские говоры», «шокшанский диалект» являются предметом оживленной дискуссии. Шокшанский диалект, считающийся одним из диалектов эрзянского языка, уникален тем, что его словарный состав, фонетика и грамматика имеют отличия от мордовских (эрзянского и мокшанского) литературных языков [1, с. 138]. Некоторые ученые не исключают того факта, что он может представлять собой остатки языка мещеры, некогда обитавшей в районе проживания шокши [3].

С целью изучения своеобразия лексического состава шокшанского диалекта на базе кафедры родного языка и литературы Мордовского государственного университета имени М. Е. Евсевьева ведется работа по созданию «Словаря шокшанского диалекта эрзянского языка» (далее – Словарь). Представленные в нем материалы позволят определить место шокшанского диалекта среди других диалектов эрзянского языка и послужит базой для последующего многоаспектного исследования его лексических, звуковых и грамматических признаков.

Материалы Словаря будут иметь большое научное значение для диалектологии и истории мордовских языков в представлении полной картины диалектов, а также при создании лингвистической базы данных и составлении диалектологического атласа. Лексические данные окажутся полезными и в учебно-методическом плане при изучении эрзянского и мокшанского языков, создании учебников и учебных пособий с учетом особенностей диалекта, что улучшит восприятие и облегчит изучение указанных языков носителями говоров.

Известно, что в народной речи отражается жизнь ее создателя и носителя – народа. Представляется, что некоторые сведения, имеющиеся в Словаре, будут интересны и для историков, этнографов, литературоведов, а шокшанские названия растений, животных, болезней и т. п. могут заинтересовать ученых других специальностей.

Наконец, Словарь может быть интересен и полезен всем тем, кто интересуется проблемами мордовских языков и диалектов. Таким образом, «Словарь шокшанского диалекта эрзянского языка» предназначается для широкого круга читателей: языковедов, историков, этнографов, ученых других дисциплин, журналистов, для всех лиц – ценителей мордовских языков.

В Словаре представлена лексика современных шокшанских говоров Теньгушевского района Республики Мордовия со всеми ее специфическими особенностями. Подавляющее большинство слов Словаря находится в активном употреблении жителей рассматриваемых населенных пунктов, обозначают современные для них реалии. Слова устаревшие, обозначающие исчезнувшие реалии, или слова, вышедшие из употребления по другим причинам, также включены в словарь, поскольку они еще хранятся в памяти представителей старшего поколения и отражают языковые и этнокультурные особенности мордвы-шокши прошлого века.

В состав Словаря включена:

1) общеупотребительная лексика, используемая как в говорах, так и в эрзянском литературном языке;

2) собственно диалектная лексика, употребляющаяся только в шокшанских говорах и не входящая в состав литературного языка. Эти слова чрезвычайно разнообразны. Среди них имеются названия явлений живой и неживой природы, бытовая лексика, слова с отвлеченными значениями и т. п. По происхождению одни слова восходят к прамордовскому и даже глубокому прафинно-угорскому периодам, другие – ко времени обособленного от эрзянского языка, самостоятельного развития;

3) заимствованная лексика. Шокшанские говоры территориально находятся в окружении мокшанских и русских народных говоров, активно заимствуют из них большое количество лексем, которые без изменения или с разнообразными фонетическими, грамматическими изменениями или сдвигами в семантике вошли в состав рассматриваемых говоров.

Основным объектом Словаря являются собственно диалектные слова, которые употребляются только в говорах, и общеупотребительные лексемы, отличающиеся от литературных фонетически, морфологически или семантически.

В зависимости от соотношения со словами литературного языка в лексике шокшанских говоров можно выделить следующие группы диалектных слов:

1) фонетические диалектизмы, совпадающие по значению со словами литературного языка, но отличающиеся фонетическим обликом: ш. *варжамс* [*варжамс*] – э. л. *варишамс* «посмотреть»; ш. *визирь* [*в'из'ир'*] – э. л. *узере* «топор»; ш. *истамс* [*истамс*] – э. л. *стамс* «шить»; ш. *каров* [*каров*] – э. л. *карво* «муха»; ш. *крас'тимс* [*крас't'имс*] – э. л. *кирвастемс* «зажечь»; ш. *лекс* [*л'екс*] – э. л. *левкс* «детеныш»; ш. *патья* [*пат'a*] – э. л. *паця* «платок»; ш. *човда* [*човда*] – э. л. *чопода* «темнота, темно» и т. п.;

2) словообразовательные диалектизмы – слова с теми же корнями и значениями, что и в литературном языке, но в ином аффиксальном оформлении: ш. *валазя* [*валаз'a*] – э. л. *валаня* «гладкий»; ш. *вишинге* [*в'ишинг'e*] – э. л. *вишине* «маленький»; ш. *лувташка* [*луфташка*] – э. л. *ловтаня* «бледный»; ш. *низаминге* [*н'изам'инг'e*] – э. л. *низаня* «теща»; ш. *томолка* [*томолка*] – э. л. *тонол* «головешка»; ш. *умарьксна* [*умар'ксна*] – э. л. *умарина*, *умарькс* «яблоня» и пр.;

3) лексические диалектизмы:

а) собственно лексические диалектизмы – слова, отсутствующие в эрзянском литературном языке: ш. *аде* [*ад'e*] – э. л. *вий* «сила»; ш. *аишардумс* [*аишардумс*] – э. л. *ютамс* «пройти»; ш. *баснямс* [*бас'n'амс*] – э. л. *кортамс* «говорить»; ш. *ботамс* [*ботамс*] – э. л. *чавомс* «бить»; ш. *кабала* [*кабала*] – э. л. *конёв* «бумага»; ш. *сэрфтинге* [*сэрфт'инг'e*] – э. л. *аволь домка*, *мазя* «неглубокий, мелкий»; ш. *тарвафтумс* [*тарвафтумс*] – э. л. *чавомс*, *маштомс* «кубить»; ш. *тарга* [*тарга*] – э. л. *недля* «неделя» и др.;

б) лексико-семантические диалектизмы – слова, совпадающие в написании и произношении с литературными, но отличающиеся от них своим значением: ш. *вешимс* [*в'ешимс*] «хотеть», «сватать» – э. л. *вешемс* «просить, попросить»; ш. *валазя* [*валаз'a*] «гладкий», «полный» – э. л. *валаня* «гладкий»; ш. *пезымс* [*п'езымс*] «помыть голову», «застрясть» – э. л. *пезэмс* «помыть голову»; ш. *сяфтамс* [*с'aфтамс*] «копать, вскопать» – э. л. *сявтамс* «вырвать с корнем, выкорчевать»; ш. *ургатимс* [*ургат'имс*] «отпустить, впустить, выпустить» – э. л. *ургатемс* «наброситься» и др.;

в) этнографические диалектизмы, или этнографизмы – слова, которые распространены только в данных говорах. Они являются названиями местных предметов быта (одежды, кушаний, построек и пр.). В отличие от собственно лексических диалектизмов большинство этнографических диалектизмов не имеют синонимов и могут быть объяснены лишь описательно: *кислят* «кисель (еда, изготовляемая из крахмала на квасе и подаваемая чаще на поминках)»; *сорка* [*сорка*] «головной убор женщины»; *чапакс-ламбакс* [*чапакс-ламбакс*] «блюдо, состоящее из жидкого отварного ржаного теста и ягод калины или других ягод»; *чепедь* [*чеп'ед'*] «квас», «окрошка» и пр.

Русские заимствования, совпадающие по звучанию и написанию со словами русского языка, в словарь не включены, за исключением некоторых активно используемых.

В Словарь помещены следующие группы заимствованных слов из русского языка:

1) слова, которые имеют отличия от русских в звуковом и буквенном отношении, например: ш. *боран* [*боран*] – р. *баран*; ш. *балинтя* [*бал'ин't'a*] – р. *больница*; ш. *гармуня* [*гармун'a*] – р. *гармонь*; ш. *калатя* [*калат'a*] – р. *калач*; ш. *лиз* [*л'из*] – р. *лист*; ш. *рема* [*p'ема*] – р. *время*; ш. *супта* [*супта*] – р. *суббота*; ш. *терьков* [*t'er'ков*] – р. *церковь* и пр.;

2) слова, которые пишутся одинаково, произносятся по-разному: ш. *плотина* [*плот'ина*] – р. *плотина* [*плат'инъ*]; ш. *погода* [*погóда*] – р. *погода* [*пагóдъ*]; ш. *пожар* [*пожáр*] – р. *пожар* [*пажáр*]; ш. *потолок* [*потóлок*] – р. *потолок* [*пъталóк*]; ш. *роса* [*росá*] – р. *роса* [*расá*] и пр.). Сюда можно отнести слова, имеющие одинаковый буквенный состав, но различающиеся в ударении (ш. *борозда* [*борóзда*] – р. *борозда* [*бъраздá*]; ш. *лавка* [*лавкá*] – р. *лавка* [*лáфкъ*]; ш. *полоса* [*полóса*] – р. *полоса* [*пъласá*]; ш. *сторона* [*сторóна*] – р. *сторона* [*стърáнá*] и др.);

3) слова – эквиваленты эрзянских слов, не употребляющихся в шокшанских говорах: ш. *брат* – э. л. *леля, ялакс*; ш. *верхом* – э. л. *ласте*; ш. *всегда* – э. л. *свал*; ш. *всё равно* – э. л. *ялатеке*; ш. *радувамс* «радоваться» – э. л. *кенярдомс*; ш. *рема* «время» – э. л. *шка*; ш. *сват* – э. л. *куда* и пр.;

4) слова, совпадающие или близкие по звучанию, но имеющие другое значение, например: ш. *бакал* «банка (стеклянная посуда)» – р. *бокал* «сосуд для вина в виде большой рюмки»; ш. *баклажа* «помидор» – р. *баклажан* «растение сем. паслёновых с продолговатым, тёмно-фиолетовым плодом»; ш. *погода* «непогода (метель, пурга и т. п.)» – р. *погода* «состояние атмосферы в данном месте, в данное время» и др.;

5) имена прилагательные, глаголы и наречия, образованные от русских имён существительных, но оформленные по законам шокшанской речи, например: *весьяла* «весёлый; весело»; *весьяласта* «весело»; *весьяганимс* «веселиться»; *гладямс* «гладить, погладить»; *глухойгадумс* «стать глухим»; *дрожамс* «дрожать»; *жуваста* «живьём»; *здорув* «здоровый» и пр.

В Словарь включаются некоторые собственные имена (названия праздников, населённых пунктов, имена людей и др.), поскольку они представляют особый историко-лингвистический интерес, например: *Ёв* – Мокша (название реки); *Ёгорёв* – День Георгия Победоносца (название праздника); *Кирыксче* – Масленица (название праздника); *Сокав* – Сакаево (название села); *Страндув* – Стандрово (название села) и др.

В Словаре учтены и показаны все отмеченные в собранном материале фразеологически связанные значения слов. Понятие фразеологии в справочном издании трактуется широко, от неразложимых фразеологических единств до относительно устойчивых словосочетаний терминологического типа [2, с. 54]. Такой широкий подход к фразеологии имеет целью в максимально возможном объёме показать все в разной степени несвободные лексически ограниченные сочетания слов, а также все структурные типы фразеологических единиц, зарегистрированные в собранном материале.

Так, в Словаре зафиксированы следующие устойчивые сочетания слов:

1) устойчивые терминологические сочетания, называющие разные виды растений, животных, болезни и пр., например: *блётка тикше* [бл'оска т'икшэ] – бот. пастушья сумка; *веринь поте* [в'ер'ин' бот'е] – зоол. пиявка; *тужа орма* [тужа орма] – мед. желтуха и пр.;

2) устойчивые сочетания с переносным значением, например: *венифнимс кедть* [в'ен'ифн'имс к'ет'т'] – драться, распускать руки; *велифтимс (велифнимс) кевть* [в'ел'ифт'имс (в'ел'ифн'имс) к'ефт'] – делать непосильную работу (досл. ворочать камни); *каямс икра* [кайамс икра] – беситься, находиться в крайнем раздражении (досл. метать икру) и пр.;

3) устойчивые сравнения, например: *кода ведьс ваямс* [кода в'ец вайамс] – бесследно исчезнуть, пропасть, как в воду кануть; *<кода> кельме (псе) ведьсэ валумс* [кода к'ел'м'е (пс'е) в'ецэ валумс] – изумиться, поразиться; *ошарашить сказанным* (досл. словно холодной (горячей) водой облить) и др.;

4) фразеологические единства – метафорические эпитеты, например: *вачу верьгиз* [вачу в'ер'г'ис] – о человеке, который жадно ест (досл. голодный волк); *коське кедь* [кос'к'е к'ед'] – о человеке, у которого всё валится из рук (досл. сухорукий) и др.;

5) устойчивые сочетания с эллипсисом, например: *пряста пильгс* [пр'аста п'ил'кс] – с ног до головы, целиком и др.

Таким образом, Словарь включает богатейший материал, который наглядно отражает самобытность и лексико-семантические особенности шокшанского диалекта. Он послужит отправной точкой для последующего многоаспектного анализа лексики шокшанского диалекта, а также его фонетических и грамматических особенностей.

Исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (УлГПУ и МГПУ) по теме «Диалектный словарь как отражение народной культуры».

Список литературы

1. *Натуральнова Г.А.* Фонетические особенности русских заимствований в шокшанском диалекте эрзянского языка (на материале шокшанских говоров Теньгушевского района) // Финно-угорский мир. – 2015. – № 2. – С. 38–45.
2. *Натуральнова Г.А.* Структурно-семантические особенности именных фразеологизмов в шокшанском диалекте эрзянского языка // Вестник угроведения. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 53–60.
3. *Цыганкин Д.В.* Взгляд лингвиста на лексико-фонетические особенности шокшанского диалекта эрзя-мордовского языка // Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. – Саранск, 2000. – С. 36–40.

10.02.19

Ю.А. Петренко

Кубанский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра прикладной лингвистики новых информационных технологий,
Краснодар, yulya.degtyarewa@yandex.ru

МЕХАНИЗМЫ ДИСКУРСИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ АВТОРА ОТЗЫВА

В статье рассматривается понятие дискурсивной идентификации в лингвистике, анализируются существующие концепции дискурсивной идентификации, выделены особенности и механизмы дискурсивной идентификации автора отзыва.

Ключевые слова: дискурсивная идентификация, концепция идентификации, механизмы дискурсивной идентификации, отзыв, жанр, научный стиль речи.

Проблема идентичности в отечественной лингвистике связана с изучением коммуникативного поведения, анализом речевого портрета и понятия «языковая личность» [3]. В настоящее время определение идентичности в дискурсе, в частности в письменном дискурсе, является непростой задачей, т.к. восприятие образа автора резко эволюционировало: от восприятия фигуры автора и его взаимодействия с другими авторами до исследования специфики структуры предложений, связности, интенциональности (намерения) автора. Интерес к идентичности обусловлен прежде всего потребностью личности быть в коллективе, самореализовываться и самовыражаться через деятельность в данном коллективе, а также тем, что различные формы идентичности помогают индивиду достичь успеха в определенной профессиональной сфере.

Британский исследователь Розалинд Иванич определяет четыре аспекта идентичности писателя: «автобиографическое я», «дискурсивное я», «я как личность», «возможности для самопознания» [8]. «Автобиографическое я» относится к самоощущению писателя (кто он есть, его корни, его социальный статус, прошлый опыт и знания). «Дискурсивное я» относится к впечатлению, которое создается через особенности письменного дискурса, например, образ академического писателя в области теоретической и прикладной лингвистики. Впечатление также создается за счет недискурсивных особенностей, таких как выбор темы, внимание к определенным деталям. Этот выбор диктуется автобиографическим я, а также является результатом сознательного решения сконструировать свой образ в глазах потенциальных читателей. Я как личность, как автор – это сама функция автора. Одно и то же произведение может быть оценено по-разному в зависимости от уровня доверия и авторитета, который проецируется автором и воспринимается слушателем/читателем. Чем больше авторитет и известность автора, тем читатели меньше склонны замечать неточности или ошибки в его работе. Понятие возможностей для саморазвития тесно перекликается с понятием дискурса, т.е. дискурс помогает строить свою идентичность. Ресурсы для саморазвития могут включать стратегии из различных жанров, которые позволяют писателю построить чувство идентичности в соответствии с ситуацией.

Другой американский исследователь, Пол Матцуда, специалист по обучению письменной речи на иностранном языке, определяет дискурсивную идентичность в письменном дискурсе как результат использования дискурсивных (языковых) и недискурсивных (визуальные элементы, видео, звук, оформление документа) особенностей, которые автор самостоятельно выбирает [9]. Дискурсивная идентичность создается выбором автора и текстовыми проявлениями этого выбора, которые в итоге воспринимаются читателями. Полное понимание идентичности предполагает рассмотрение личности самого писателя, текста,

читателя во взаимодействии. Идентичность реализуется посредством взаимодействия писателя и читателя через текст.

Британский лингвист К. Хайленд предложил анализировать модель идентичности при помощи двух конструкторов: позиция автора (автор – общепризнанная личность) и вовлеченность (осведомленность аудитории) [7].

Мы рассматриваем идентичность как понятие, возникающее из чувства собственного я, которое есть у каждого человека, а затем реализуется при написании текстов различных жанров в рамках функциональных стилей, формируется под влиянием экстралингвистических факторов. Таким образом, идентичность – это сложный и развивающийся феномен, включает в себя индивидуальный и социальный аспекты. Социальные идентичности конструируются посредством дискурсивных практик внутри сообществ [6]. Мы понимаем идентичность как социальное явление, позиции, которые индивиды принимают, когда они взаимодействуют с другими внутри сообществ, следуя определенным правилам и конвенциям, в то же время осуществляя свою свободу через свой индивидуальный лингвистический выбор. Если идентичность не является фиксированной сущностью, а дискурсивно и динамично конструируется посредством взаимодействия между автором и аудиторией, то из этого следует, что способы взаимодействия с аудиторией с использованием различных языковых ресурсов могут выявить процесс конструирования идентичности.

Автор подтверждает свои утверждения, устанавливает связи с предыдущими исследованиями, демонстрирует близость с аудиторией, полагаясь на формирование консенсуса с читателем. Идентичности часто конструируются в соответствии с конвенциями соответствующих сообществ. Новички должны следовать определенным правилам и удовлетворять требованиям предшественников, чтобы социализироваться в своих дисциплинарных сообществах. Демонстрация знаний, позитивная или негативная оценка используются для определения дискурсивной идентичности автора. Для полного понимания конструирования идентичности писателя важно исследовать связь между дискурсом и временем. Одной из центральных проблем в исследованиях идентичности в академическом дискурсе является то, как начинающие авторы становятся все более социализированными в сообществе.

Цель данного исследования – рассмотреть понятие дискурсивной идентификации в лингвистике, проанализировать существующие концепции дискурсивной идентификации, определить особенности и механизмы дискурсивной идентификации автора отзыва. Для достижения поставленной цели применялись следующие методы исследования: описательный, количественный, стилистического анализа, метод сплошной выборки и интерпретации, приемы классификации и систематизации, метод дискурсивного и лингвопрагматического анализа. В качестве исследовательского корпуса мы использовали отзывы на диссертации и авторефераты диссертаций, размещенные на сайтах КубГУ и ВАК. В ходе проведения исследования общее количество отзывов составило 57, которые были избраны по тематическому принципу. Научная новизна работы заключается в том, что выявление механизмов дискурсивной идентификации автора в академической среде проводится на материале отзывов на диссертации и авторефераты диссертаций, в результате чего конкретизируется специфика отзыва как жанра академического дискурса и особенности дискурсивной идентификации автора отзыва.

Для начала рассмотрим особенности дискурсивной идентификации автора научного текста. Проблема дискурсивной идентификации автора научного текста, в частности в таких малых (вторичных) жанрах академического дискурса как отзыв и рецензия, является актуальной по ряду причин: во-первых, «дискурс» – многозначный сложный термин, требующий уточнения в рамках исследования авторской идентичности, во-вторых, проблема дискурсивной идентификации имеет несколько путей решения. В настоящее время в лингвистике существует «жесткая» и «мягкая» концепция идентификации.

В современной лингвистике существует несколько подходов к определению понятия дискурс: коммуникативный (функциональный), структурно-семантический, структурно-стилистический, социально-прагматический. Данная классификация подходов приводит к пониманию, что природа дискурса тройственна: с одной стороны, дискурс связан с прагматикой, с типовыми моделями общения, с другой, с процессами, происходящими в сознании участников коммуникации, и, наконец, с самим текстом. Таким образом, мы понимаем под дискурсом продукт коммуникации в контексте определенных экстралингвистических факторов, которые влияют на цель, задачи и формальную сторону высказывания.

В рамках «жесткой» концепции идентификации элементы дискурса рассматриваются как завершенные, следовательно, идентификация строится на стабильных, устоявшихся элементах дискурса (фигура самого автора, функциональный стиль, жанр речи, корпус текстов). На наш взгляд, такой подход позволяет определить и классифицировать общие дискурсивные особенности, благодаря которым и происходит идентификация. Противоположная данной концепции – «мягкая» концепция – фокусируется на элементах дискурса как на способных к изменению и развитию.

Ограничиться только «жесткой» концепцией идентификации не представляется возможным, т.к. в отзывах мы находим выражение собственно авторской позиции. Применение только «мягкой» концепции идентификации в исследовании неуместно, так как мы должны учитывать связь данной концепции с экстралингвистическими факторами, формирующими особенности функционального стиля исследуемого жанра, нивелирующими индивидуальный образ автора за счет наличия терминов, речевых клише и штампов, подбора частей речи, определенных грамматических и синтаксических конструкций, составляющих текст. Таким образом, нам представляется целесообразным использование обеих концепций идентификации при анализе дискурсивной идентификации автора отзыва.

При достаточно глубоком исследовании проблемы научных текстов больших жанров (диссертация, монография), а также академического дискурса как части научного, существующих в совокупности с экстралингвистическими факторами (стремлением к получению нового знания, доказательности истинности или ложности гипотез), вторичные жанры (отзыв на диссертации, авторефераты диссертаций), как объект лингвистических исследований, достаточно мало изучены.

Рассмотрение особенностей жанров академического дискурса и проблема авторской идентификации – взаимосвязанные вопросы. Характерные черты такого жанра как отзыв обусловлены спецификой образа автора текстов данного жанра. С одной стороны, автор отзыва придерживается научного стиля речи, следует структурной организации самого отзыва, использует клише, специальную терминологию – все это снижает авторскую индивидуальность. Кроме того, принадлежность автора к той или иной научной школе, в рамках которой он работает, тоже нивелирует авторскую индивидуальность. С другой стороны, жанр отзыва предполагает не только набор клише и ограничений, принятых в академической среде, но и наличие собственного мнения автора по отношению к анализируемой работе (диссертации, автореферата диссертации), степени раскрытия темы, достоверности полученных результатов, логичности изложения материала, достаточности эмпирического корпуса и т.д.

Жанр отзыв функционирует в академической среде как форма письменной коммуникации и выражает мнение автора в отношении анализируемого научного труда. Оценочно-критическая функция присуща всем отзывам. Данный жанр характеризуется аналитическим изучением содержания диссертации или автореферата диссертации, чтобы написать текст отзыва необходимо обладать высоким уровнем коммуникативной культуры и определенными речевыми навыками. По законам жанра автору требуется точно передать содержание основного текста в сжатом виде, привлечь внимание аудитории к содержанию работы, проанализировать актуальность и новизну, проверить достоверность выводов, полученных в ходе исследования, подчеркнуть сильные и обозначить слабые стороны

работы, оценить вклад исследователя в соответствующей области знания. Как говорилось выше, оценочная функция – это основная функция жанра отзыва, следовательно, изучение самого субъекта оценки (автора отзыва) является чрезвычайно важным, так как оценка напрямую зависит от говорящего/пишущего.

Чтобы раскрыть сущность дискурсивной идентификации автора отзыва, необходимо определить особенности научного стиля речи и специфику его жанров, что позволит нам обозначить характеристики дискурсивной идентификации в академической среде.

Любой научный текст пишется с целью познания действительности, он показывает движение мысли исследователя от существующего знания к новому. В этом отношении использование уже существующих знаний, опора на признанные авторитеты, ссылки на персоналии в связи с их научными открытиями и достижениями очень важны в научном дискурсе. Например, лингвистические концепции корифеев языкознания: М.В. Ломоносова, А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, В. Виноградова, В. фон Гумбольдта, С.- Уорфа, Ф. де Соссюра, Ч. Пирса и многих других.

Другая черта текстов научного стиля речи – это использование особого словарного состава языка: узко специальные термины (*диахрония, коннотация, дискурсивный анализ, структура дискурса, предикация, модус, тема и рема, когезия, лингвогенез, языковые универсалии, лакуны и т.д.*). Так как научный текст – это иллюстрация движения авторской мысли к новому знанию, одной из его необходимых черт является логическая последовательность, использование речевых клише (*считаю необходимым отметить, можно утверждать, резюмируя сказанное, не вызывает сомнений, важно подчеркнуть, следует отметить, все вышесказанное дает основание заключить, к сожалению*).

Особенностью образа автора в научном тексте является то, что автор чаще всего выражает коллективную позицию в определенной проблеме исследования. Это может быть мнение целого научного сообщества или научной школы, реже – это личное мнение самого автора отзыва. Языковые средства, используемые в научных текстах, имеют свою специфику, характерную для данного функционального стиля речи: преобладающее количество абстрактных имен существительных, глаголов в форме инфинитива, употребление форм настоящего времени глагола, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. С одной стороны, все вышеперечисленные свойства текстов научного стиля речи ведут к нивелированию образа автора. В этом отношении возникает правомерный вопрос: при такой унификации текстов, требуемой законами жанра, как возможна авторская идентификация в академической среде. Приведем следующий пример: исследователи Л. М. Болсуновская, Ю. А. Заремская, Н. В. Дубровская проанализировали виды дискурсивных маркеров в русскоязычных и англоязычных научных статьях и, опираясь на классификацию С.В. Когут, выделили следующие функции дискурсивных маркеров, определяющих авторский дискурс [2]:

- функция, выражающая отношение между отдельными частями дискурса;
- интерактивная функция (взаимодействие говорящего и слушающего);
- функция передачи позиции говорящего к сказанному [4].

Исследуя дискурсивные маркеры и их функции, профессор И.П. Хутиз выделяет тактику «отчуждения», которая тоже определяет авторский дискурс и позволяет автору идентифицировать свое «я» [5]. Данная тактика может использоваться, когда автор не ассоциирует свою идентичность с описываемыми событиями, процессами, т.е. критически, негативно оценивает анализируемый материал.

Таким образом, появляется возможность дискурсивной идентификации научных текстов. Во-первых, благодаря тому, что русский язык обладает богатой палитрой языковых средств даже в таком строго формализованном стиле речи, что позволяет автору выразить свою индивидуальность, во-вторых, авторская идентификация в личном отношении к высказанной научной гипотезе, теории, в-третьих, определенная эпистемологическая ситуация дает возможности для проявления и определения авторского поведения.

Что касается такого жанра академического дискурса как отзыв, он выражает личное отношение автора к первичному тексту, в отличие от рецензии, в которой личного мнения автора может не быть, а оценка строится на фактическом содержании первичного текста. Основными особенностями отзыва являются композиция, состоящая из введения, краткого изложения анализируемой работы и личной оценки работы, ее сильных и слабых сторон, выводов по результатам оценки. Таким образом, роль дискурсивных маркеров в данном жанре более очевидна, чем в первичных научных текстах (монографиях, статьях, диссертациях) и даже чем в рецензиях, резюме и аннотациях. Это, как мы полагаем, связано с тем, что в текстах данного жанра обязательно присутствует личное отношение автора отзыва к первичному тексту.

Таким образом, механизмами дискурсивной идентификации автора отзыва являются:

- анализ первичного текста и дискурсивной стратегии его автора;
- сравнительный анализ текстов разных авторов, например, разные отзывы на одну диссертацию, автореферат диссертации;
- анализ стиля и дискурсивных стратегий определенного автора;
- анализ личной оценки автора, данной первичному тексту, и дискурсивной стратегии, присущей оценочным суждениям как экстралингвистическому фактору (связь с научной парадигмой, школой, эпистемологической ситуацией).

Рассмотрим в качестве примера отзыв официального оппонента профессора С. К. Башиевой, д.ф.н., о диссертационной работе Перовой Е. А. В данном тексте можно выделить механизмы дискурсивной идентификации автора отзыва, которые проявляются в композиции отзыва и сфере оценки автором первичного произведения. В структуре отзыва присутствуют все обязательные элементы: автор отмечает актуальность темы диссертации, подчеркивает новизну и правильный выбор эмпирического материала, кратко характеризует содержание глав диссертации, пишет о вкладе, который вносит работа в развитие когнитивной лингвистики, теории дискурса и лингвокультурологии. Например, так автор пишет об актуальности: *Актуальность представленной к защите диссертации определяется тем, что в ней с позиции когнитивно-дискурсивного подхода на материале текстов газет ... рассматриваются структурные, смыслообразующие компоненты концептуализированного понятия «деревня», что позволило соискателю ... ознакомиться с новым эмпирическим материалом, ранее не вовлеченным в исследовательское поле [1].* Автор отзыва демонстрирует интерес к когнитивно-дискурсивным исследованиям в лингвистике, а также свою эрудицию и осведомленность в плане новизны исследованного эмпирического материала, т.е. соотносит себя с образом ученого в сфере языкознания.

...в ней представлены научные работы по лингвокультурологии, теории дискурса, когнитивной лингвистики, которые проанализированы с учетом современных тенденций в языкознании [1]. Здесь автор отзыва идентифицирует свое авторское я с современной наукой о языке.

В отзыве автор указывает и на вопросы, которые возникли при прочтении диссертации и выражает надежду, что поставленные вопросы откроют новые перспективы для исследователя при продолжении работы над темой.

Следующие примеры иллюстрирует авторскую идентификацию с аудиторией (читающим/слушающим), автор отзыва одновременно дает и личную оценку диссертанту: *При этом соискатель корректно использует научные источники, что является одним из основных показателей готовности Е. А. Перовой к проведению научных исследований... Отметим: все главы взаимосвязаны, дополняют друг друга [1].*

Пример идентификации автора отзыва и аудитории на оценочном уровне при помощи лексики с оценочным компонентом значения: «первый», «удачный», «успешно реанимированный». *Работа может быть интересна широкому кругу филологов в теоретическом и практическом планах как первый и удачный опыт лингвистического рассмотрения «деревенской» тематики на основе забытого, но успешно реанимированного фактологического материал [1].*

Итак, дискурсивная идентичность автора отзыва конструируется выбором самого писателя, который получает воплощение в тексте, и восприятием аудитории. Понимание идентичности есть комплексный анализ личности автора, самого текста и аудитории через взаимодействие. Схематично анализ идентичности может выглядеть следующим образом: автор – текст – аудитория.

Первоначально идентичность возникает из восприятия собственного я автором и реализуется при написании текста под влиянием разных функциональных стилей речи и экстралингвистических факторов. Идентичность – сложное и эволюционирующее явление, состоящее из индивидуального и социального компонентов. Социальная идентичность автора отзыва формируется посредством дискурсивных практик внутри научных сообществ, т.е. это та роль, которую принимает индивид при взаимодействии с другими индивидами внутри сообщества, соблюдая определенные правила и традиции, одновременно выражая свою индивидуальность через лингвистический выбор. Идентичность конструируется посредством установления контакта и воздействия на аудиторию, из чего следует, что именно способы взаимодействия с аудиторией с использованием разнообразных языковых ресурсов могут обнаружить процесс конструирования идентичности.

По результатам исследования жанра отзыв, изучения его композиции и основных функций данного жанра (информационной и оценочной) были выделены следующие механизмы дискурсивной идентификации автора отзыва: анализ первичного текста автором (обязательный компонент в структуре отзыва), на этом этапе закладывается дискурсивная стратегия автора; сравнительный анализ разных отзывов на одну диссертацию или автореферат диссертации (например, отзыв научного руководителя, отзыв официального оппонента, отзыв ведущей организации); анализ стиля и дискурсивных стратегий определенного автора (при рассмотрении разных отзывов одного автора и выявлении их специфики); анализ личной оценки автора отзыва первичного текста, анализ оценочных суждений в связи с научной школой и экстралингвистическими факторами.

Подводя итог, мы приходим к следующим выводам по результатам исследования интересующей нас проблематики. Дискурсивная идентификация предполагает раскрытие не только языковых особенностей текста, но и анализ экстралингвистических факторов, обуславливающих появление текста. Таким образом, дискурсивная идентификация всегда больше антропоцентрична, чем логоцентрична. Что касается специфики жанра отзыв, необходимо понимать, что отзыв является вторичным текстом по отношению к другому тексту (диссертации, автореферату диссертации), он является производным от первичного текста и представляет собой авторское описание процесса исследования, доказывания и развития теории, защиты данной теории, т.е. описывает процесс получения нового знания. Жанр отзыва предполагает не только оценку рецензентом конкретного факта (полученного в результате знания), но и личную оценку первичного текста, что в гораздо большей мере предполагает «мягкую» концепцию дискурсивной идентификации, чем другие жанры академического дискурса.

Список литературы

1. *Башиева С.К.* Отзыв о диссертации Перовой Е.А. URL: https://www.kubsu.ru/sites/default/files/dis/opp/otzyv_oficialnogo_opponenta_s.k._bashievoy.pdf (дата обращения: 11.04.2021).
2. *Болсуновская Л.М., Зеремская Ю.А., Дубровская Н.В.* Виды дискурсивных маркеров в русскоязычных и англоязычных научных статьях по геологии и нефтегазовому делу // Вест. Томского гос. пед. ун-та. 2015. Вып. 4. С. 117-123. DOI: 10.1001/jama.2014.16543.
3. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. — М.: Наука. 1989. 264 с.
4. *Козут С.В.* Дискурсивные маркеры в русскоязычных и немецкоязычных геологических научных статьях // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. Вып. 380. С. 18-23. DOI 10.17223/18137083/55/17.
5. *Хутыз И.П.* Институциональная идентичность и тактика отчуждения // Личность, речь и юридическая практика. Ростов н/Д. 2011. Вып. 14.
6. *Flowerdew J.* Action, content and identity in applied genre analysis for ESP. Language Teaching. 2011.
7. *Hyland K.* Disciplinary voices: Interactions in research writing. English Text Construction. 2008. P. 5-22.
8. *Ivanič R.* Writing and identity: The discorsal construction of identity in academic writing. Amsterdam. The Netherlands: John Benjamins. 1998.
9. *Matsuda P.K.* Voice in Japanese written discourse: Implications for second language writing. Journal of Second Language Writing, 2001. P. 35-53.

*10.02.19***Е.Ю. Семушина, Э.И. Муртазина**

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
факультет социотехнических систем,
кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,
Казань, epospelova12@yandex.ru

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ОККАЗИОНАЛЬНОГО НАСЫЩЕНИЯ КОНТЕКСТА С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В исследовании рассматриваются варианты передачи окказионального насыщения фразеологического контекста при переводе с русского на английский язык. В основе выбора правильного и адекватного варианта передачи значения фразеологической единицы лежит учет намерения автора (интенции), наличие эквивалента в английском языке и способ образования насыщения в контексте: использования нескольких ФЕ в базовой форме или предварительно измененной, то есть в сочетании с субституцией, расширенной метафорой, эллипсисом или расширением.

Ключевые слова: *фразеологическое насыщение, субституция, расширенная метафора, эллипсис, базовая форма*

Основная цель перевода текста – обеспечить понимание текста носителем языка перевода на высоком уровне, в идеале, на уровне понимания текста оригинала. Одна из основных проблем, которая возникает при передаче значения – это перевод окказионально измененных фразеологических единиц и идиом, так как дословный перевод не всегда может передать смысл, который вкладывает создатель текста оригинала. Окказиональное употребление лингвистических единиц отличается от неправильного тем, что изменения проводятся автором текста с определенной целью, и задачей переводчика является понимание замысла автора и передача его на язык перевода [1]. Необходимость создания окказиональной фразеологической единицы возникает тогда, когда средства языка, которыми владеет создатель текста, не могут адекватно передать его интенцию. Изменения могут носить как структурный, так и семантический характер, поэтому переводчику необходимо применять творческий подход в переводе [8]. При передаче значения окказиональной фразеологической единицы на язык перевода необходимо учитывать не только универсальные общекультурные аспекты, но и индивидуальные семантические поля носителя языка и реципиента [6].

Целью данного исследования является анализ способов передачи окказионального насыщения с русского на английский язык, определение наиболее адекватного способа перевода. Новизна исследования заключается в представлении взаимосвязи качественного перевода и способа формирования окказионального явления в английском и русском языках.

Фразеологическое насыщение – использование в контексте нескольких фразеологических единиц (далее ФЕ) одновременно [7]. Окказиональное изменение фразеологической единицы непосредственно зависит от контекста, так как только при анализе последнего можно понять интенцию автора. Очевидно, что окказиональное изменение не может произойти случайно, а подчиняется правилам, которые основываются на особенностях прагматики текста, строения и семантики ФЕ, экстралингвистических реалиях и синкретичной сущности фразеологизмов [4]. Соответственно, выбор варианта перевода зависит не в последнюю очередь от того, в какой форме используется окказиональная трансформация в контексте. В современной лингвистике выделяются два варианта насыщения контекста: простой (использование двух и более фразеологических единиц в базовой форме) и комплексный (в основе насыщения лежат фразеологические единицы, которые подвергаются дополнительной контекстуальной трансформации).

В большинстве случаев, в русском контексте, окказиональное насыщение осуществляется при помощи двух фразеологических единиц. Проанализируем способы перевода, основываясь на том, какой вид насыщения представлен в тексте:

I) Использование двух и более фразеологических единиц в базовой форме.

1) Используемые фразеологические единицы являются синонимами. В результате окказионального насыщения на первый план выходит элемент значения, который присутствует в обеих фразеологических единицах.

A) Фразеологические единицы имеют одинаковую грамматическую структуру.

Несмотря на кажущуюся простоту перевода в данном случае, переводчик сталкивается с одной особенностью. В следующем примере обе используемые фразеологические единицы (*белая кость* и *голубая кровь*) имеют в качестве эквивалента одну и ту же фразеологическую единицу английского языка (*blue blood*). В таком случае, первую ФЕ предлагается перевести с использованием данного эквивалента, а вторую переводить при помощи аналога *the cream of society*, где дополнительно имеет место замена второго компонента для правильной грамматической организации высказывания: *Они считают себя элитой, белой костью и голубой кровью государственной безопасности, их оклады и пайки куда выше наших ...* - *They consider that they are the top, the blue blood and creams of state security, their salary and perks bigger than ours ...* [9]

Б) Фразеологические единицы являются смысловыми синонимами, но имеют разную грамматическую структуру.

В следующем примере имеет место насыщение с использованием пословицы *Чужая жизнь – потемки* и фразеологической единицы *скелет в шкафу*. И если вторая фразеологическая единица имеет однозначный эквивалент, то первая пословица представлена достаточно большим количеством эквивалентов и аналогов, среди которых необходимо выбрать тот, который наиболее соответствует идее контекста, а именно, содержит компонент *mind*, так как в тексте идет речь о сокрытии информации: *Вот уж точно говорят: чужая жизнь потемки, и у каждого свой скелет в шкафу. Никогда ни дядя Антон, ни тетя Аня, ни Милка даже не намекнули, что у Каркина имеется еще сын Вадим.* – *It is right what people say: nobody can tell what goes in another person's mind and everyone has their own skeleton in the closet. Neither Uncle Anton, nor Aunt Anya, nor Milka has ever mentioned that Kargin has a son, Vadim* [3].

2) Насыщение контекста может быть основано на использовании нескольких фразеологических единиц, которые связаны контекстом, влияют друг на друга, но структурно не являются синонимами. Например, ФЕ *править бал* приобретают негативную коннотацию в следующем контексте, соответственно, вместо точного эквивалента при переводе необходимо выбирать аналог с отрицательной коннотацией (*to walk around with his nose in the air* вместо *run the show*): *... куда ни глянь, самым беззастенчивым образом правит бал высшая аристократия, как ее ни именуй: лорды, герцоги, маркграфы ... Для них ни один закон не писан.* - *... everywhere you look, the highest aristocracy, whatever you call it, walk around with his nose in the air in the most shameless way: lords, dukes, margraves ... no law is written for them* [2].

II) В основе насыщения лежат фразеологические единицы, которые подвергаются дополнительной контекстуальной трансформации.

1) Расширение и насыщение фразеологического контекста.

В следующем примере имеет место насыщение контекста в сочетании с расширением обеих единиц. Это приводит к конкретизации денотативного значения путем актуализации внутренней формы окказиональных фразеологических единиц: *Отоваришься, похорошееешь, займешь место своего непутевого хахала, который продал тебя с потрохами, с бельем и заколками, будешь сама вызывать его на ковер или в постель.* - *You can go shopping and make yourself cuter. Then you can substitute your light-minded boyfriend, who has sold you lock, stock, and barrel, with your underwear and hairpins. You will call him on the carpet or in bed by yourself* [5].

2) Субституция компонента и насыщение фразеологического контекста.

В следующем примере имеет место усиление коннотативного аспекта значения при субституции компонентов второй ФЕ *между молотом и наковальней* и *куда ни кинь – всюду клин*. Для сохранения общей идеи контекста необходимо выбрать фразеологическую единицу в языке перевода, которая позволяет провести аналогичную трансформацию, а именно, добавить компонент-прилагательное: *Я попала в жуткое, просто ужасное положение. Очутилась между молотом и наковальней, стою перед камнем с надписью: «Куда ни пойдешь – везде труба».* - *I got into a terrible, just terrible situation. I found myself between a hammer and an anvil, standing in front of a stone with the inscription: "Damned if you do, totally damned if you don't" [3].*

Итак, перевод окказиональных фразеологических единиц основывается, в первую очередь, на передаче значения контекста и интенции автора. Соответственно, при переводе насыщения необходимо находить общие компоненты значения у фразеологических единиц двух языков и акцентировать на них внимание в переводе. Кроме того, для адекватной передачи значения обязательно учитывать окказиональные изменения внутри самого насыщения (расширение, субституция, эллипсис) и согласовывать их с общим контекстом.

Список литературы

1. Астафьева А.Е., Нурутдинова А.Р., Дмитриева Е.В., Каткина А.А., Солодкова И.С. Межкультурная коммуникация в условиях мультилингвальной среды: формирование лингвокультурной компетенции (социально-психологический фактор) // Казанская наука. 2019. № 9. С.96-98.
2. Бушков А. Иван Грозный. Кровавый поэт. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 576 с.
3. Донцова Д.А. Версаль под хохлому. М.: Эксмо, 2012. 384 с.
4. Зиннатуллина Л.М., Сунцова М.С., Механизм создания расширенной метафоры с адвербиальными фразеологическими единицами // Казанская наука. 2020. С. 57-59.
5. Мальцева В. КГБ в смокинге. М.: Терра, 1995. 560 с.
6. Романова Г.В. Подходы к развитию творческого потенциала будущих инженеров в университетах передовых западных стран и пути их реализации в российской высшей технической школе // Управление устойчивым развитием. 2016 № 6 (07). С.86-90.
7. Семушина Е.Ю. Фразеологическое насыщение контекста (на материале английского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (8). С.138-141.
8. Семушина Е.Ю. Особенности организации дистанционной поддержки в процессе обучения английскому языку в магистратуре // Управление устойчивым развитием. 2018. № 2 (15). С113-119.
9. Тополь Э. Собрание сочинений. Красный газ. Кремлевская жена: Романы. М.: АСТ. 1996. 576 с.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTSЛ.В. Гурленова, Е.А. Габб
ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ТЕХНИКА ПОЭТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТУАЛИЗМА

Ключевые слова: визуальная поэзия, техника визуализации, поэзия концептуалистов.

В работе представлены результаты исследования техники визуализации, проведенного с привлечением художественных текстов и статей поэтов-концептуалистов. Анализируется также исторический аспект техники визуализации. Рассматриваются трактовки названного понятия.

L.V. Gurlenova, E.A. Gabb
VISUALIZATION AS AN ARTISTIC
TECHNIQUE OF POETIC CONCEPTUALISM

Keywords: visual poetry, visualization technique, poetry of conceptualists.

The paper presents the results of a study of visualization techniques conducted with the involvement of artistic texts and articles by conceptual poets. The historical aspect of the visualization technique is also analyzed. The interpretations of the named concept are considered.

Е.А. Жиндеева, Д.В. Кидалов, Т.В. Уткина
«РУССКИЙ РОМАН» П. В. БАСИНСКОГО
КАК ПРИМЕР КОНТАМИНАЦИИ ЖАНРА

Ключевые слова: жанровая модификация, контаминация, интерполяция, трансцендентность.

В статье представлены результаты изучения процесса контаминации жанра романа в современной русской литературе. На основе ценностного анализа романа В. П. Басинского «Русский роман, или Жизнь и приключения Джона Половинкина» доказано стремление автора при описании повседневности трансцендентной силы наряду с исключительностью чувств главных героев не просто воспроизвести ряд закономерностей развития российского общества, но воссоздать ментально близкую читателю историю в режиме интерполяции жанровых версификаций романного искусства в России. При этом нами впервые сформулирована позиция писателя относительно процесса контаминации жанра романа как одного из ведущих в отечественной литературе.

E.A. Zhindeeva, D.V. Kidalov, T.V. Utkina
«RUSSIAN NOVEL» P.V. BASINSKY AS
AN EXAMPLE OF GENRE CONTAMINATION

Keywords: genre modification, contamination, interpolation transcendence.

The article presents the results of the study of the process of contamination of the genre of the novel in modern Russian literature. Based on the value analysis of the novel by V.P. Basinsky «The Russian novel, or the life and adventures of John Halfkin» proved the desire of the author in describing the daily transcendental power, along with the exclusivity of the feelings of the main characters not only to reproduce a number of patterns of development of Russian society, but to recreate a mentally close reader story in the mode of interpolation of genre versions of novel art in Russia. At the same time, for the first time we formulated the position of the writer regarding the process of contamination of the genre of the novel as one of the leading in the national literature.

А.О. Лукьянова, С.С. Терехова
ОБРАЗ ДОМА В ПОВЕСТИ Б. ПИЛЬНЯКА «ИВАН МОСКВА»

Ключевые слова: образ, Борис Пильняк, «Иван Москва».

В работе рассматривается один из самых распространенных и известных пространственных образов в мировой литературе - образ дома - на примере повести Б. Пильняка «Иван Москва». В повести раскрывается образ разрушающегося дома, как утрата базовых человеческих ценностей.

A.O. Lukyanova, S.S. Terekhova
THE IMAGE OF THE «HOUSE» IN THE STORY
BY B. PILNYAK «IVAN MOSCOW»

Keywords: image "House", Boris Pilnyak, "Ivan Moscow".

The work examines one of the most widespread and well-known spatial images in world literature - the image of "house" - on the example of the story "Ivan Moscow" by B. Pilnyak. The story reveals the image of the crumbling House as the loss of basic human values.

Г.И. Модина
РЕЦЕПЦИЯ РАННЕЙ ПРОЗЫ
ГЮСТАВА ФЛОБЕРА В РОССИИ

Ключевые слова: Флобер, ранняя проза, циклы ранней прозы, литературоведческая рецепция, переводческая рецепция

Статья обращена к проблеме целостного представления о творчестве Гюстава Флобера в России, связанной с литературоведческой и переводческой рецепцией раннего творчества писателя.

G.I. Modina
THE RECEPTION OF FLAUBERT'S
EARLY WORKS IN RUSSIA

Keywords: Flaubert, early works, cycles of early prose, literary perception, translation.

The article is devoted to the problem of a holistic view on Gustave Flaubert's artistic world associated with the translation and literary perception Flaubert's early work in Russia.

И.Н. Новокрещенова
«СТАРШИЕ» И «МЛАДШИЕ» ПОЭТЫ-ЭМИГРАНТЫ
В ПОЭТИЧЕСКОМ РАЗДЕЛЕ ЖУРНАЛА «ЧИСЛА»

Ключевые слова: литература русского зарубежья, журнал «Числа», «старшие» и «младшие» писатели-эмигранты.

В статье журнал молодых писателей «Числа» (Париж, 1930-1934) рассматривается как площадка конструктивного диалога представителей «старшего» и «младшего» поколения поэтов-эмигрантов, а также как иллюстрация преемственности между русской классической поэзией и творчеством представителей молодой «парижской ноты». Обращается внимание на общие темы, образы и мотивы, присущие поэтам двух поколений.

I.N. Novokreschenova
«OLDER» AND «YOUNGER» EMIGRANT POETS IN THE
POETRY SECTION OF THE MAGAZINE «NUMBERS»

Keywords: literature of the Russian abroad, the magazine "Numbers", "senior" and "junior" writers-emigrants.

The magazine of young writers "Numbers" (Paris, 1930-1934) is considered in the article as a platform for a constructive dialogue between representatives of the "older" and "younger" generation of emigrant poets, as well as an illustration of the continuity between Russian classical poetry and the work of representatives of the young "Parisian note". Attention is drawn to the common themes, images and motifs inherent in the poets of two generations.

А.В. Пучкова, С.С. Терехова
РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ «ВСЕЕДИНСТВА»
В СБОРНИКЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА «COR ARDENS»

Ключевые слова: Вяч. Иванов, символ, символизм,
«Cor Ardens» «всеединство».

В современном литературном процессе возрастает интерес к символике и символическому осмыслению художественной реальности. Вячеслав Иванов, внесший огромный вклад в развитие символизма, в сборнике «Cor Ardens» на основе символического мировосприятия раскрывает концепцию «всеединства».

Чжан Хуайминь
ТРАГИЧЕСКИЙ ПАЛИНГЕНЕЗ СУДЬБЫ - ИССЛЕДОВАНИЕ
ТРАГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ПОВЕСТИ
ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ «ВРЕМЯ НОЧЬ»

Ключевые слова: «Время ночь», Людмила Петрушевская,
трагическое сознание.

В повести «Время ночь» Петрушевская выразила трагическое сознание, что обусловлено судьбой автора. В статье дан анализ трагического сознания и исследуются способы повествования в повести «Время ночь». Цель статьи – выявить своеобразие трагического сознания Петрушевской и показать гуманистическую направленность ее творчества.

А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, Р.Р. Юнусова,
В.Д. Чистонов, В.А. Перминова, А.В. Зайнуллин, А.Р. Шафеева,
Ф.Б. Рахматова, С.Р. Ханнанов

ВКЛАД В РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОЙ И СПОРТИВНОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ПРОФЕССОРА, ПИСАТЕЛЯ,

РЕКТОРА БГМИ (1965—1973 гг.) З.А. ИХСАНОВА

Ключевые слова: журналистика, медицина, общественное
здоровье, спорт.

Имя профессора, доктора медицинских наук, заслуженного деятеля науки Башкирской АССР, участника Великой Отечественной войны, ректора Башкирского государственного медицинского института имени 15-летия ВЛКСМ (1965—1973 гг.) Зайнуллы Аминовича Ихсанова (1906—1997 гг.) хорошо известно научной и литературной общественности Республики Башкортостан. Он автор пьесы «Кукушка кукует», текстов оперных либретто, фантастических рассказов и организатор внутривузовской многотиражной газеты «Медик» Башкирского государственного медицинского института имени 15-летия ВЛКСМ, которая внесла значительный вклад в развитие медицинской и спортивной журналистики в Республике Башкортостан.

А.В. Липатова
ПОЗИТИВНАЯ И НЕГАТИВНАЯ МОДУЛЯЦИЯ
МЕДИАОБРАЗА РУКОВОДИТЕЛЯ НА СТРАНИЦАХ
СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ

Ключевые слова: медиаобраз, образ в общественном сознании,
модуляция, характеристики образа, советская пресса.

В статье исследуются особенности конструирования медийного образа руководителя через негативную и позитивную модуляцию характеристик на страницах советских газет «Правда» и «Известия». Автор предпринимает попытку выделить приемы формирования медиаобраза и сформулировать взаимосвязь между политическими традициями советского времени и характеристиками, предъявляемыми к руководителю той эпохи. Трансляция положительного и отрицательного опыта рассматривается как фактор создания и развития деятельностной модели образа руководителя.

A.V. Puchkova, S.S. Terekhova
THE REALIZATION OF THE CONCEPT OF
«ALL-UNITY» IN THE COLLECTION
OF VYACHESLAV IVANOV «COR ARDENS»

Keywords: V. Ivanov, symbol, symbolism, "Cor Ardens",
"all-unity".

In the modern literary process, there is a growing interest in symbolism and symbolic understanding of reality. Vyacheslav Ivanov, who made a huge contribution to the development of symbolism, reveals the concept of "all-unity" on the basis of a symbolic worldview in the collection "Cor Ardens".

H. Zhang
TRAGIC REINCARNATION OF FATE - STUDY OF TRAGIC
CONSCIOUSNESS OF FICTION «THE TIME: NIGHT»

Keywords: The time:night, Petrushevskaya, Tragic
consciousness.

Petrushevskaya expressed a deep tragic consciousness in the fiction «The time:night» and the emergence of this consciousness is closely connected with the life of the writer. This article is aimed at analyzing the tragic consciousness embodied in the content of the text and the narrative ways of the fiction «The time:night» in order to demonstrate the unique tragic aesthetic consciousness of Petrushevskaya and her humanistic concern for the people in low places.

A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, R.R. Yunusov,
V.D. Chistonov, V.A. Perminova, A.V. Zainullin, A.R. Shafeeva,
F.B. Rakhmatova, S.R. Hannanov

CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT
OF MEDICAL AND SPORT JOURNALISM OF THE
REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN PROFESSOR,
WRITER, BHMI RECTOR (1965-1973) Z.A. IKHSANOVA

Keywords: journalism, medicine, public health, sports.

The name of Professor, Doctor of Medicine, Honored Scientist of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, participant of the Great Patriotic War, Rector of the Bashkir State Medical Institute named after the 15th anniversary of the Komsomol (1965-1973) Zainulla Aminovich Ikhsanov (1906-1997) is well known to the scientific and literary public of the Republic of Bashkortostan. He is the author of the play "The Cuckoo Cuckoo", texts of opera librettos, fantastic stories and organizer of the intra-university large-circulation newspaper "Medic" of the Bashkir State Medical Institute named after the 15th anniversary of the Komsomol, which made a significant contribution to the development of medical and sports journalism in the Republic of Bashkortostan.

A.V. Lipatova
POSITIVE AND NEGATIVE MODULATION
OF THE LEADER'S MEDIA IMAGE ON THE PAGES
OF THE SOVIET PRESS

Keywords: media image, image in public consciousness,
modulation, image characteristics, Soviet press.

The article examines the features of constructing the media image of a leader on the pages of the Soviet newspapers "Pravda" and "Izvestia" through negative and positive modulation of characteristics. The author makes an attempt to highlight the methods of forming a media image and formulate the relationship between the political traditions of the Soviet period and the characteristics presented to the leader of that era. The translation of positive and negative experiences is considered as a factor in the creation and development of the activity model of the leader's image.

Л.В. Бронник
ДИНАМИКА КОНЦЕПТОВ
«ПРИВИВОЧНИК» И «АНТИПРИВИВОЧНИК»
В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ:
КОГНИТИВНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Ключевые слова: концепт «прививочник», концепт «антипрививочник», концептуальная динамика, русскоязычный дискурс, когнитивно-синергетическое моделирование.

Данная работа посвящена анализу динамики концептов «прививочник» и «антипрививочник» в русскоязычном дискурсе. В качестве основного метода исследования использовано когнитивно-синергетическое моделирование (модель самоорганизации концепта, модель жизненного цикла концепта). Установлен механизм и причины возникновения концептов «прививочник» и «антипрививочник» в русской языковой картине мира, а также особенности их функционирования и развития в русскоязычном дискурсе.

З.М. Дударева, С.В. Минибаева, А.В. Кривичкая
РЕГИОНИМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИДИОСТИЛЯ ГОРОДА

Ключевые слова: язык города, лингвистическая урбанология, эргонимы, регионимы, идиостиль города.

В предлагаемой статье рассматриваются вопросы, касающиеся отдельных аспектов лингвистической урбанологии. Авторы рассматривают эргонимы, которые являются маркером языка провинциального города, определяя его как место сплава языков и культур. Акцент в данной работе сделан на представлении тех наименований, которые можно назвать регионимами. Разные по языку-источнику, по структуре и характеру номинации, они дают представление о том, какие наименования составляют идиостиль города.

Д.Б. Луговой, Е.А. Луговая
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
«КАВКАЗСКОГО ТЕКСТА»

Ключевые слова: кавказский текст, язык и культура, языковая личность.

Статья посвящена исследованию «кавказского текста» в аспекте сохранения национальной идентичности народов, проживающих на территории Северного Кавказа. Целью нашей статьи является расширение понятия «Кавказский текст», наполнение его такими компонентами, как художественная концепция Кавказа в русской литературе, творчество национальных мастеров слова, а также особенности региональной лингвокультуры Северного Кавказа, что позволяет формировать лингвокультурную характеристику анализируемого феномена в целом.

О.О. Петрова
О СИНКРЕТИЗМЕ МЕТОНИМИИ И АНАЛОГИИ

Ключевые слова: метонимическое значение, синкретизм, смежность, аналогия.

В статье анализируется принцип формирования метонимических значений. В основе механизма развития значения может быть смежность и одновременное действие аналогии. Определённое метонимическое значение развивается не у конкретного слова. Формирование его происходит по аналогии у большинства слов, называющих одну и ту же группу объектов, образующих общую модель метонимического переноса.

П.А. Якимов
АГИОАНТРОПОНИМЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Ключевые слова: религиозные онимы, агдиоантропонимы, русская поэзия.

В данной статье рассматриваются особенности употребления агдиоантропонимов, имён святых, в поэтических текстах. В качестве отправной точки для классификации собранного материала взято сопоставление структуры и состава онима в поэзии и в его общеязыковом и/или религиозном представлении.

L.V. Bronnik
THE DYNAMICS OF CONCEPTS VACCINATION
ACTIVIST" AND "ANTIVACCINATION ACTIVIST"
IN THE RUSSIAN DISCOURSE:
COGNITIVE-SYNERGETIC MODELLING

Keywords: concept "vaccination activist", concept "antivaccination activist" dynamics of concepts, Russian discourse, cognitive-synergetic modelling.

The paper analyzes dynamics of concepts "vaccination activist" and "antivaccination activist" in the Russian discourse, using the method of cognitive-synergetic modelling (the model of conceptual self-organization, the model of a conceptual life cycle) as a basic one. There have been revealed the mechanism and the reasons of emergence of concepts "vaccination activist" and "antivaccination activist", as well as the peculiarities of their dynamics in the Russian discourse.

Z.M. Dudareva, S.V. Minibaeva, A.V. Krivitskaya
REGION NAMES AS A LINGUISTIC COMPONENT
OF THE CITY'S IDIOSTYLE

Keywords: language of the city; linguistic urbanology; ergonyms; regiononyms; idiosyle of the city.

The proposed article deals with issues related to certain aspects of linguistic urbanology. The authors consider ergonyms, which are a marker of the language of a provincial city, defining it as a place of fusion of languages and cultures. The emphasis in this work is made on the representation of those names that can be called regiononyms. Different in the source language, in the structure and nature of the nomination, they give an idea of what names make up the idiosyle of the city.

D.B. Lugovoy, E.A. Lugovaya
LINGUOCULTUROLOGICAL POTENTIAL OF THE
«CAUCASIAN TEXT»

Keywords: Caucasian text, language and culture, linguistic personality.

The article is devoted to the study of the "Caucasian text" in the aspect of preserving the national identity of the peoples living in the territory of the North Caucasus. The purpose of our article is to expand the concept of "Caucasian text", filling it with such components as the artistic concept of the Caucasus in Russian literature, the work of national masters of the word, as well as the peculiarities of the regionimics of the North Caucasus, which makes it possible to form the linguocultural characteristics of the region as a whole.

O.O. Petrova
ON SYNCRETISM METONYMY AND ANALOGY

Keywords: metonymic meaning, syncretism, adjacency, analogy. The article analyzes the principle of the formation of metonymic values. The mechanism of the development of meaning can be based on the adjacency and simultaneous action of analogy. The metonymic meaning does not develop in a specific word. Its formation occurs by analogy with most words that name the same group of objects that form a common model of metonymic transfer. It is noted that many metonymic synonyms have a syncretic motivation, but this kind of syncretism is a phenomenon, although frequent, but inconsistent.

P.A. Yakimov
AGIOANTROPONYMS IN RUSSIAN POETRY

Keywords: religious onyms, agioanthroponyms, Russian poetry. This article considers the features of the use of agioanthroponyms, names of saints, in poetic texts. As a starting point for the classification of the collected material, a comparison of the composition of this onym in poetry and in the common language and/or religious representation is taken.

О.М. Адаева, А.С. Сидоренко
ОСОБЕННОСТИ ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ И ПЛАНА
ВЫРАЖЕНИЯ ПАРЕНТЕЗ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: парентеза, вставные и вводные конструкции, просодико-пунктуационное оформление парентетических внесений.

В статье проблемы, связанные с парентетическими внесениями, рассматриваются с точки зрения плана содержания и плана выражения. Особое внимание уделяется просодии и пунктуационному оформлению вставных и вводных конструкций. Представлены результаты комплексного анализа структурных характеристик, функциональной нагрузки и особенностей просодико-пунктуационного оформления парентез в избранном художественном произведении.

Ю.Н. Зинцова, Д.А. Наследникова
ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ИНТЕРНЕТ-
ДИСКУРСА НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ TWITTER

Ключевые слова: интернет-дискурс, электронная коммуникация, социальные сети, (микро)блог, языковые особенности.

В статье рассматриваются особенности интернет-дискурса как особого стиля общения в сетевом сообществе. В статье проводится анализ текстовых немецкоязычных примеров из социальной сети Twitter, описываются их языковые характеристики, которые ярко демонстрируют специфику интернет-общения в немецком языке.

С.Г. Ларина, О.Н. Поддубская, А.В. Сахарова
ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА АНГЛОЯЗЫЧНОГО
РЕКЛАМНОГО СЛОГАНА

Ключевые слова: рекламный слоган, экспрессивное средство, стилистический прием, аллитерация.

Статья посвящена выявлению и анализу стилистических приемов и экспрессивных особенностей рекламных слоганов на английском языке. Представлена структурная классификация слоганов. В результате анализа англоязычных рекламных слоганов наиболее часто применяемым экспрессивным приемом названа аллитерация.

Л.В. Ахметшина
МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ
АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ
В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА

Ключевые слова: иностранный язык, интерференция, многоязычный, мультикультурализм.

Многоязычие в эпоху глобализации становится все более объективной необходимостью, что создало требования к образованию и воспитанию подрастающего поколения в условиях мультикультурализма. Работа посвящена изучению интерференции в процессе овладения английской речью в условиях взаимодействия татарского, русского и английского языков как иностранного у многоязычных студентов. Результаты этого исследования могут быть широко применимы в практике преподавания английского языка при разработке комплекса упражнений для преодоления языкового барьера.

Е.В. Белова, В.В. Неборская, Н.Н. Черкасская
ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНОГО ИЗВИНЕНИЯ В
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: речь-извинения, самопрезентация, политический дискурс, коммуникативная стратегия, тактика.

Статья посвящена понятию речи-извинения и его прагматическим характеристикам. Особое внимание уделяется тактикам, реализующимся в речи-извинении политиков, указаны характерные особенности извинения в политическом дискурсе. Приведен пример анализа речи-извинения.

О.М. Адаева, А.С. Сидоренко
PECULIARITIES OF EXPRESSION PLANE AND CONTENT
PLANE OF PARENTHESES USED IN THE ENGLISH
LITERARY TEXT

Keywords: parenthesis, functions of parenthetical insertions, prosodic features and punctuation marks used for parentheses
The article deals with the problem of parenthetical insertions viewed through the prism of unity of two planes – expression and content. Special attention is given to the prosodic features and punctuation marks used for parentheses. The analysis of interrelation between the functions of parenthetical insertions, their intonation, and the use of the double comma, brackets, double dash in the analyzed literary text is presented.

Yu.N. Zintsova, D.A. Naslednikova
LANGUAGE FEATURES OF GERMAN INTERNET
DISCOURSE ON THE EXAMPLE OF THE SOCIAL
NETWORK TWITTER

Keywords: internet discourse, electronic communication, social networks, (micro)blog, language features.

The article examines the features of Internet discourse as a special style of communication in the network community. The article analyzes textual German-language examples from the social network Twitter, describes their linguistic characteristics, which clearly demonstrate the specifics of Internet communication in German.

S.G. Larina, O.N. Poddubskaya, A.V. Sakharova
EXPRESSIVE MEANS OF THE ENGLISH-LANGUAGE
ADVERTISING SLOGAN

Keywords: advertising slogan, expressive means, stylistic device, alliteration.

The article is devoted to the identification and description of stylistic techniques and expressive features of advertising slogans in English. The structural classification of slogans is presented. As a result of the analysis of English-language advertising slogans, the most frequently used expressive technique is called alliteration.

L.V. Akhmetshina
MORPHOLOGICAL INTERFERENCE
OF ENGLISH, RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES
IN THE CONDITIONS OF BILINGUISM

Keywords: foreign language, interference, English, multilingual, multiculturalism.

Multilingualism is becoming the necessity and is creating requirements for the education and upbringing of the younger generation in this context. The work is devoted to the study of interference during the process of mastering English in the interaction context of Tatar, Russian and English as a foreign language among multilingual students. The results of this study can be widely applied in the practice of teaching English when developing a set of exercises to overcome the language barrier.

E.V. Belova, V.V. Neborskaya, N.N. Cherkasskaya
PECULIARITIES OF PUBLIC APOLOGY
IN POLITICAL DISCOURSE

Keywords: apology speech, self-presentation, political discourse, communication strategy, tactics.

The article is devoted to the concept of apology speech and its pragmatic characteristics. Particular attention is paid to the tactics implemented in the apology speech of politicians, the characteristic features of the apology in political discourse are indicated. An example of an apology speech analysis is given.

С.С. Белокурова, А.М. Зинина
 РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ЧЭНЬЮЙ КАК ФАКТОРА
 ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ
 КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
 ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Ключевые слова: китайский язык, обучение иностранным языкам, компетентностный подход в обучении иностранным языкам, социокультурная компетенция.

Настоящая статья рассматривает чэньюй как фактор формирования социокультурной компетенции в процессе обучения китайскому языку. Задачей настоящей статьи является исследование особенностей представления китайских идиоматических выражений чэньюй в УМК по китайскому языку, анализ представленных в УМК упражнений, направленных на формирование навыков использования чэньюй в речи носителей китайского языка.

Д.А. Беляева, Ю.Н. Синицына
 К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ
 КОМПЕТЕНЦИИ У УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ СТУПЕНИ
 ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: компоненты коммуникативной компетенции, начальная школа, речевые упражнения, план урока.

В статье рассмотрены основные методы обучения английскому языку использующие коммуникативный подход. Проанализированы преимущества, эффективность, актуальность и приоритет коммуникативного метода в интегрированном обучении.

Г.В. Галавова, Л.Р. Закирова
 АНГЛИЦИЗМЫ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ КАК СПОСОБ
 ПОПОЛНЕНИЯ СПОРТИВНОЙ ЛЕКСИКИ
 (НА ПРИМЕРЕ ФИТНЕСА)

Ключевые слова: татарский язык, англицизмы, английский язык, фитнес, заимствование.

В данной статье рассматриваются вопросы применения англицизмов в области фитнеса. В ходе научных исследований и написанных публикаций изучаются формулировки терминов. Включение англицизмов в татарский язык является длительным и сложным процессом, который затрагивает все языковые структуры: фонетику, семантику, словообразование и морфологию.

Д.Р. Гилязова
 КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ В ТЕКСТАХ

Ключевые слова: языковые единицы, маркеры, факторы конфликта.

В статье рассматриваются языковые маркеры конфликта, несущие в себе большой конфликтотенный потенциал. К ним прежде всего относятся видимые структуры текста: лексико-семантические, грамматические и прагматические средства.

Л.Г. Гилязова, Р.Ф. Фаттахова
 МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ
 ГЛАГОЛА В ШКОЛЕ

Ключевые слова: функциональные стили современного татарского языка, научно-популярный текст, глагол, особенности употребления глагола.

В описании семантической системы татарского языка значительное место занимает глагол, поскольку особенности грамматического строя в первую очередь определяются категориальными признаками данного разряда слов. В современном татарском языке есть значительная разница в использовании категории времени глагола в разных стилях, что позволяет считать эту категорию признаком, характеризующим тот или иной стиль, поэтому очень важно обратить внимание учащихся на специфическое употребление глаголов в разных функциональных стилях современного татарского литературного языка.

S.S. Belokurova, A.M. Zinina
 THE ROLE OF LEARNING CHENGYUI AS A FACTOR OF
 FORMATION OF SOCIOCULTURAL COMPETENCE IN
 TEACHING CHINESE IN UNIVERSITY

Keywords: Chinese language, teaching foreign languages, competence-based approach in teaching foreign languages, socio-cultural competence.

This article considers chengyu as a factor in the formation of socio-cultural competence in the process of teaching the Chinese language. The purpose of this article is to study the peculiarities of the presentation of Chinese idiomatic expressions in the teaching materials of the Chinese language, analysis of the exercises presented in the teaching materials aimed at developing the skills of using chengyu in the speech of non-native Chinese speakers.

D.A. Belyaeva, Yu.N. Sinitsyna
 ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF
 COMMUNICATIVE COMPETENCE IN PRIMARY SCHOOL

Keywords: components of communicative competence, primary school, speech exercises, lesson plan.

The article considers the main methods of teaching English using a communicative approach. The advantages and effectiveness of the communicative method, its relevance and priority in integrated learning are analyzed.

G.V. Galavova, L.R. Zakirova
 ENGLISH IN THE TATAR LANGUAGE AS A METHOD OF
 REPLENISHING SPORTS VOCABULARY
 (ON THE EXAMPLE OF FITNESS)

Keywords: Tatar language, anglicisms, English, fitness, borrowing.

This article discusses the use of anglicisms in the field of fitness. In the course of scientific research and written publications, the wording of terms is studied. The inclusion of anglicisms in the Tatar language is a long and complex process that affects all linguistic structures: phonetics, semantics, word formation and morphology.

D.R. Gilyazova
 CONFLICTOGENIC LANGUAGE MARKERS IN TEXTS

Keywords: language units, markers, conflict factors.

The article discusses language markers of conflict, which carry a great potential for conflict. These primarily include the visible structures of the text: lexical-semantic, grammatical and pragmatic means.

L.G. Gilyazova, R.F. Fattakhova
 METHODS OF STUDYING THE VERB TENSE
 CATEGORY AT SCHOOL

Keywords: functional styles of the modern Tatar language, popular science text, verb, verb usage features.

In the description of the semantic system of the Tatar language a significant place belongs to verb, since the features of grammatical structure of the language are primarily determined by the categorical features of this category of words – verbs. The modern Tatar language is characterized with a significant difference in usage of the verb tense category in different styles, and it allows us to consider this category to be a strict feature to characterize a particular style. Thus it becomes of a great importance to draw pupils' attention to the specific use of verbs in different functional styles of the modern Tatar literary language.

А.Н. Гуров

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД КАК НЕПРЕОДОЛИМОЕ
ПРЕПЯТСТВИЕ ДЛЯ НЕЙРОСЕТЕЙ

Ключевые слова: нейросети, машинный перевод,
художественный перевод, искусственный интеллект,
постредактирование.

Эффективные алгоритмы автоматического обучения и мощные графические процессоры позволили нейросетям совершить настоящую революцию в сфере автоматического перевода. В работе основное внимание акцентируется на особенностях художественного перевода, которые, на данный момент, являются непреодолимым препятствием для нейросетей.

Г.З. Дарзаманова

СЕМАНТИКА РУССКИХ, ТАТАРСКИХ И АНГЛИЙСКИХ
ПАРЕМИЙ С АНТРОПОНИМАМИ

Ключевые слова: паремии, пословицы, поговорки, семантика,
компонент, символ, антропоним, личное имя собственное.

В статье рассматриваются паремии (пословицы и поговорки) с антропонимами в русском, татарском и английском языках с целью прослеживания формирования значения у данных образований под влиянием личного имени собственного в их составе; определения функции ономастического компонента. Согласно результатам проведенного исследования, изучаемые паремии обладают как прямым, так и переносным значением, формирование которого зависит от функции антропонима. Данное исследование является первой попыткой сопоставительного анализа такого рода, что и представляет новизну представленной работы.

Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова,

Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова

АББРЕВИАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЯ
КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: сокращение, аббревиация, типология,
английский язык.

Статья посвящена анализу словообразовательного потенциала аббревиатур и сокращений в современном английском языке. Авторы подробно анализируют типы аббревиатур и сокращений, что позволяет утверждать, что рассматриваемые способы словообразования частотны и актуальны как в устной, так и в письменной речи.

Л.В. Кузнецова

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: дискурсивное конструирование, принятие
решения, прагматическая ситуация, трансфер знаний,
дискурсивное сообщество.

В статье анализируются особенности дискурсивного конструирования будущего мира в прагматической ситуации принятия решения в парламентском дискурсе. Доказывается, что в качестве когнитивной основы данного процесса выступает трансфер знаний. Делается вывод, что ключевую роль в реализации принятия решения играет дискурсивное сообщество решающих.

О.В. Кумуржи

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ
ПАРАМЕТРЫ ФОНЕТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РУССКОГО
И НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: дискурс, фонетическая речевая культура,
лингводидактика, русский язык как иностранный.

Данное исследование посвящено одной из актуальных проблем, существующих в современном языкознании и методике преподавания русского языка как иностранного, функциональному описанию и сопоставлению сходств и различий фонетического дискурса русского и новогреческого языков. Существенное внимание уделено изучению трудностей

A.N. Gurov

LITERARY TRANSLATION AS AN INSURMOUNTABLE
OBSTACLE FOR NEURAL NETWORKS

Keywords: neural networks, machine translation, literary
translation, artificial intelligence, post-editing.

Effective automatic learning algorithms and powerful graphics processors have allowed neural networks to make a real revolution in the field of automatic translation. The main attention is focused on the features of literary translation, which, at the moment, are an insurmountable obstacle for neural networks.

G.Z. Darzamanova

SEMANTICS OF RUSSIAN, TATAR AND ENGLISH
PAREMIAS WITH ANTHROPONYMS

Keywords: paremias, proverbs, sayings, semantics, component,
symbol, anthroponym, personal proper name.

The article considers paremias (proverbs and sayings) with anthroponyms in Russian, Tatar and English languages in order to trace the meaning formation of these units under the influence of a personal proper name in their composition; to determine the function of the onomastic component. According to the results of the study, such paremias have both direct and figurative meanings, the formation of which depends on the anthroponym function. This study is the first attempt at a comparative analysis of this kind, so it represents the novelty of the presented work.

N.G. Ivanova, A.V. Kirillova,

D.E. Merenkova, M.V. Shurupova

ABBREVIATIONS AND SHORTENINGS AS A WORD
FORMATION METHOD IN MODERN ENGLISH

Keywords: shortening, abbreviation, typology, English.

The article presents the analysis of the derivational potential of abbreviations and shortenings in modern English. The authors analyze in detail the types of abbreviations and shortenings which allows to assert that the methods of word formation under consideration are frequent and relevant both in oral and written speech.

L.V. Kuznetsova

THE DISCURSIVE CONSTRUCTION OF THE PRAGMATIC
SITUATION OF DECISION MAKING
IN PARLIAMENTARY DISCOURSE

Keywords: discursive construction, pragmatic situation, decision
making, knowledge transfer, discursive community.

The article focuses on the phenomenon of discursive construction of the future world in the pragmatic situation of decision-making in parliamentary discourse. It is proved that knowledge transfer represents a cognitive basis of this process. The conclusion is drawn that the discursive community of decision makers plays the key role in the realization of decision-making.

O.V. Koumourzi

FUNCTIONAL AND LINGUO-DIDACTIC PARAMETERS
OF THE PHONETIC DISCOURSE OF THE RUSSIAN
AND MODERN GREEK LANGUAGES

Keywords: discourse, phonetic speech culture, linguo-didactics,
Russian as a foreign language.

The research is devoted to one of the most current problems existing in modern linguistics and the methodology of teaching Russian as a foreign language, the functional description and comparison of the similarities and differences of the phonetic discourse of Russian and Modern Greek languages. Considerable attention is dedicated to the study of difficulties in mastering the

в освоении русской фонетической системы грекоговорящими; представлены приёмы формирования фонетических произносительных норм на занятиях по русскому языку как иностранному с учётом национально-ориентированного подхода, намечены перспективы исследования, связанные с необходимостью дальнейшей разработки вопросов типологического сопоставления фонетического дискурса русского и новогреческого языков на современном этапе их функционирования и активного использования результатов данного анализа в практике преподавания русского языка грекоговорящим обучающимся.

К.М. Миннуллин, И.И. Сабитова
ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОМАТИЗМОВ В
ТАТАРСКИХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Ключевые слова: соматизм, лирические песни, татарский язык. В статье исследуются функциональные особенности соматизмов, зафиксированных в татарском лирическом песенном тексте. Выявлена частотность, рассмотрены переносные, контекстуальные значения отдельных названий частей тела. По мнению авторов, основной функцией соматических единиц в татарских лирических песнях является передача эмоций и чувств. Отмечается универсальность лексемы “баш” ‘голова’ в трансляции эмоционально-чувственного мира человека.

А.Л. Мирзагитова, И.Г. Мухаметгалиев, Л.А. Фардетдинова
СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ
НЕНОРМАТИВНЫХ ЭТНОНИМОВ КАК СРЕДСТВО
ВЫРАЖЕНИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ

Ключевые слова: ненормативные этнонимы, неформальные топонимы, словесная агрессия, этнические группы, наименования лиц, политическая корректность.

В данной статье авторами рассматриваются проблемы словесной агрессивности, возникающие в обществе, когда посредством вербальных речевых компонентов нередко причиняются психологические травмы представителям того или иного этноса. В ходе исследования определяются типы вербальной агрессивности, а также затрагиваются вопросы использования ненормативных этнонимов и неформальных топонимов для негативной оценки этнических групп в любом сообществе.

Г.А. Натуральнова, С.В. Богдашкина,
С.Н. Маскаева, Т.А. Кабаева
ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО
СВОЕОБРАЗИЯ ШОКШАНСКИХ ГОВОРОВ

Ключевые слова: диалектный словарь, шокианский диалект, фонетический диалектизм, словообразовательный диалектизм, лексический диалектизм, этнографизм, заимствование.

В статье обосновывается необходимость создания «Словаря шокианского диалекта эрзянского языка», который представляет несомненный интерес для диалектологии мордовских языков. Словарь содержит лексику современных шокианских говоров Теньгушевского района Республики Мордовия со всеми ее специфическими особенностями.

Ю.А. Петренко
МЕХАНИЗМЫ ДИСКУРСИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ
АВТОРА ОТЗЫВА

Ключевые слова: дискурсивная идентификация, концепция идентификации, механизмы дискурсивной идентификации, отзыв, жанр, научный стиль речи.

В статье рассматривается понятие дискурсивной идентификации в лингвистике, анализируются существующие концепции дискурсивной идентификации, выделены особенности и механизмы дискурсивной идентификации автора отзыва.

Russian phonetic system by Greek speakers; presents the methods of forming phonetic pronunciation norms in classes of Russian as a foreign language, taking into account the national-oriented approach, outlines the prospects for research related to the need for further development of the issues of typological comparison of the phonetic discourse of the Russian and Modern Greek languages at the present stage of their functioning and the active use of the results of this analysis in the practice of teaching the Russian language to Greek-speaking students.

K.M. Minnullin, I.I. Sabitova
FEATURES OF USE OF SOMATISMS
IN TATAR LYRIC SONGS

Keywords: somatism, lyric songs, Tatar language.

The article deals with the functional features of somatisms recorded in the Tatar lyric song text. Figurative and contextual meanings of names of body parts and their frequency are considered. According to the authors, the main function of somatic units in the Tatar lyric songs is to convey emotions and feelings. The universality of the lexeme “bash” in the translation of a person’s emotional-sensual world is noted.

A.L. Mirzagitova, I.G. Mukhametgaliev, L.A. Fardetdinova
THE SOCIO-NORMATIVE COMPONENT OF NON-
NORMATIVE ETHNONYMS AS A MEANS OF
EXPRESSING VERBAL AGGRESSION

Keywords: non-normative ethnonyms, informal toponyms, verbal aggression, ethnic groups, names of persons, political correctness.

In this article, the authors consider the problems of verbal aggressiveness that arise in society, when psychological injuries are often caused to representatives of a particular ethnic group through verbal speech components. In the course of the study, the types of verbal aggression are determined, and the issues of using non-normative ethnonyms and informal toponyms for negative assessment of ethnic groups in any community are also touched upon.

G.A. Naturalnova, S.V. Bogdashkina,
S.N. Maskueva, T.A. Kabaeva
DIALECT DICTIONARY
AS A SOURCE FOR STUDYING THE LEXICAL
CHARACTERISTICS OF SHOKSHA DIALECTS

Keywords: dialect dictionary, Shoksha dialect, phonetic dialecticism, derivation dialecticism, lexical dialecticism, ethnographism, borrowing.

The article substantiates the need to create a «Dictionary of the Shoksha dialect of the Erzya language», which is of undoubted interest for the dialectology of the Mordovian languages. The dictionary contains the vocabulary of modern Shoksha dialects of the Tengushevsky region of the Republic of Mordovia with all its specific features.

Y.A. Petrenko
MECHANISMS OF DISCURSIVE IDENTIFICATION
OF THE AUTHOR’S REVIEW

Keywords: discursive identification, concept of identification, mechanisms of discursive identification, review, genre, scientific style of speech.

The article deals with the concept of discursive identification in linguistics, analyzes the existing concepts of discursive identification, highlights the features and mechanisms of discursive identification of the author’s review.

Е.Ю. Семушина, Э.И. Муртазина
СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ОККАЗИОНАЛЬНОГО
НАСЫЩЕНИЯ КОНТЕКСТА С РУССКОГО НА
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: фразеологическое насыщение, субституция, расширенная метафора, эллипсис, базовая форма.

В исследовании рассматриваются варианты передачи окказионального насыщения фразеологического контекста при переводе с русского на английский язык. В основе выбора правильного и адекватного варианта передачи значения фразеологической единицы лежит учет намерения автора (интенции), наличие эквивалента в английском языке и способ образования насыщения в контексте: использования нескольких ФЕ в базовой форме или предварительно измененной, то есть в сочетании с субституцией, расширенной метафорой, эллипсисом или расширением.

E.Y. Semushina, E.I. Murtazina
WAYS OF TRANSFERRING OCCASIONAL
SATURATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS
FROM RUSSIAN INTO ENGLISH

Keywords: phraseological saturation, substitution, extended metaphor, basic form.

The study considers the options for transferring the occasional saturation of the phraseological context when translating from Russian into English. The choice of the correct and adequate option is based on taking into account the author's intention, the presence of a certain equivalent in English and the way the saturation is formed in the context, whether the units are used in their basic form or modified, that is, they are used in combination with substitution, an extension, ellipsis or wedging.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№7 2021

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 17.08.2021

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 17.08.2021

7,9 усл.печ.л. 8,6 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 4310.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»